

Николай Жданов

РАССКАЗЫ

Корни

Вылет ЯК-40 из областного центра уже неоднократно откладывался, задерживался по метеоусловиям аэропорта назначения - Верхнереченска. Неожиданно налетевшая пурга и сильный боковой ветер не позволяли принять самолет. В зале ожидания аэропорта царил атмосфера, в общем-то типичная для небольших таежных городков, куда и откуда было одно средство сообщения – самолет.

Переживали, каждый по-своему, взрослые пассажиры, капризничали уставшие от долгого ожидания детишки, которым бы в пору порезвиться на улице, а не сидеть, как примерным школьникам, тихо и спокойно на стульях и чемоданах,

Юрий Васильевич Ершов — руководитель одного из местных верхнереченских предприятий — нервно курил сигарету за сигаретой. На послезавтра в областном управлении назначена защита производственных показателей на предстоящий год, и он специально выезжал на день раньше, чтобы накануне пройти все отделы, согласовать и утвердить все свои контрольные цифры. Главная же задача, которую ставил перед собой Ершов, — выбить максимально возможное финансирование для своего предприятия. Почву для этого он уже предварительно, по телефону, подготовил. Нужны были лишь личные встречи с управленческими

чиновниками, с «волосатыми руками», в чьих силах, естественно, не бескорыстно, было возможным решить подобные проблемы.

Уже смеркалось, и очередной перенос вылета мог бы оказаться в этот день последним, что Юрия Васильевича, как впрочем, и других пассажиров, никак не устраивало. А вдруг непогода на двое-трое суток затянется, что вполне реально для Севера? Тогда все ершовские наработки пойдут прахом, а затем весь год предприятию придется кувыркаться.

Но вот, когда уже казалось бы растаяли последние надежды, хрипящий аэропортовский репродуктор провозгласил весть о начале регистрации билетов. Это означало, что самолет уже в пути и минут через 20-25 должен здесь приземлиться. Это сообщение весьма порадовало пассажиров, поднявших невообразимую суматоху в зале ожидания.

- Слава Богу, - невольно вырвалось из уст Юрия Васильевича, - слава Богу, есть, видимо, на небе и за меня заступник.

Возбужденные пассажиры после регистрации, не ожидая объявления о посадке, двинулись в направлении павильона, где производился досмотр вещей. Ожидание так измотало всех, что сидеть в помещении уже не было никаких сил. В самолете стюардесса объявила, что рейс будет выполняться с промежуточной посадкой в Шевдинске, где ожидают вылета в областной центр восемь пассажиров. Полетное время до этого городка двадцать пять минут.

Ох уж эти постперестроечные времена. Лишенные былой государственной поддержки и не научившиеся еще в новых условиях хотя бы держаться наплаву, коллективы шли порою на неординарные, непродуманные шаги, от которых страдала основная масса населения, называемая народом.

Вынужденная экономия во всем доводила порою до глупостей. Превращение самолета, причем не какого-то там примитивного АН 2 в автобус со всеми остановками, стало

обычным явлением, а то, что пассажиры конечных пунктов вынуждены болтаться в воздухе в два раза дольше, чем это обусловлено рейсом, приземляться и взлетать по нескольку раз, испытывая неприятные ощущения, аэрофлотовское руководство не волновало.

- Какая-то чертовщина творится, - негодовал Ершов, - ведь Шевдинск находится практически на траверзе Верхнереченска по отношению к маршруту нашего рейса. Кому и зачем нужен этот заезд в две с лишним сотни верст? Скажи кому об этом лет пять тому назад — не поверили бы, что такое возможно, в худшем случае сочли бы за дурака. Это просто издевательство над пассажирами. Почти три часа продержали в аэропорту, да еще из-за Шевдинска потеряем час — другой. И такие зигзаги сейчас сплошь и рядом подстерегают на каждом шагу почти во всех отраслях, а не только в гражданской авиации.

Полет, каким бы он ни был, это все-таки движение вперед, к намеченной цели, даже если летишь не совсем по прямому маршруту. Ершов в самолете несколько успокоился, задумался. Честно говоря, ему уже давно хотелось побывать в Шевдинске, хотя бы посмотреть на него сверху через иллюминатор самолета. И причина была тому довольно веская. Да вот за двадцать лет, что он вынужден был челночить по делам предприятия между районным и областными центрами, никогда не доводилось летать через Шевдинск, тем более приземляться там.

А дело все в том, что отец Ершова, Василий Прокопьевич, был родом из этих мест, и родину свою вынужден был покинуть далеко не по собственному желанию. Это Юрий Васильевич знал еще с детства из рассказов матери. Отец об этом предпочитал молчать — на то были существенные причины. Здесь были корни отца, правда, обрубленные в свое время. Но это же и его, Юрия Васильевича, корни.

Ершов предался воспоминаниям, пытаясь восстановить в памяти все, что касалось трудного детства отца, все, что в

свое время было рассказано матерью.

Отец родился в деревне Бор, что неподалеку от Шевдинска, в год начала первой мировой войны. Мать умерла во время родов, наполовину осиротив Василька с первого же дня его жизни. А спустя восемь лет мальчишка стал круглым сиротой: тяжелая болезнь скрутила отца мгновенно. Два года, что пришлось ему жить в семье старшего брата, ставшего хозяином отчего дома, оказались для подростка кошмарными, сплошной каторгой. Невестка сразу же невзлюбила «лишний рот» и всячески издевалась над ним, вынудив уйти из родной обители с корзиной в руках. Как знать, чем бы закончились мытарства новоявленного нищего, если бы не Афанасий Иванович, — дядя по отцовской линии, что жил в соседней деревне. В его семье не было детей, сироту приютили, приласкали и мечтали впоследствии усыновить. Крепкое хозяйство было у дяди, по крупицам созданное тяжелым повседневным крестьянским трудом. Вдвоем с супругой Екатериной Тимофеевной, не разгибая спины, шаг за шагом, шли они к намеченной цели — крепко встать на ноги. А теперь еще и помощник появился, которому впоследствии и предполагал дядя оставить в наследство все, что было ими нажито.

Коллективизация, раскулачивание. Трещали, как ореховая скорлупа, зажиточные хозяйства, крепко доставалось и середнякам, не желавшим идти в колхоз. «Нарезали делянку» где-то в Коми АССР и для Афанасия Ивановича. Екатерина Тимофеевна на старости лет вынуждена была ютиться по чужим углам. Хорошо, что не успели усыновить Василия, его делянка оказалась в родных местах, в только что основанном леспромхозе.

- Жизнь человеческая долга, сынок, а память людская еще дольше, не одно поколение будет считать нас мироедами. С пятном раскулаченного здесь тебе ходу не будет, так что оставь меня в деревне, а сам подавайся-ка на Севера, — посоветовала Екатерина Тимофеевна.

Тридцатый год стал поворотным для шестнадцатилетнего Василия. Расставался с родными местами без особого сожаления, без слез, хотя обидно было, что ни у кого из односельчан душа за него не болела, ни у кого, кроме тети, которой впоследствии он высылал денежные переводы до тех пор, пока они не стали возвращаться обратно не востребованными.

Архангельск, Нарьян-Мар, Хоседа-Хард, Верхнереченск — именно эти города сделали из Василия Прокопьевича настоящего человека, позволили вернуть веру в людей, в свои силы, обрести себя.

Самолет пошел на снижение, пробивая облачность слой за слоем. Ершов припал лицом к иллюминатору. Но тщетно, ничего пока еще не было видно. А волнение какое-то необъяснимое, неосознанное охватывало его. И виной тому, судя по всему, было свидание, пусть и мимолетное, с родиной отца.

- Да, - продолжал вспоминать Юрий Васильевич, - нелегкая судьба была у бати. Да и характером он обладал ого-го каким. Порвав однажды с малой родиной, точнее с односельчанами, отринувшими его, с чьего молчаливого согласия и непротивления властям он стал изгоем, он больше никогда не появлялся в Бору, переписываться же было не с кем. А ведь на душе-то все равно было беспокойно, малая родина, она и есть основная твоя родина, и она все равно зовет к себе, манит. И преодолеть эту тягу сможет далеко не каждый. Железный был человек, мой батяня.

Лишь незадолго до смерти изъявил Василий Прокопьевич желание побывать в своей матушке-деревне, проститься с нею, навестить могилки родителей, да вот - не успел... Когда уже пошли на посадку, в синеватом сумраке замелькали внизу деревеньки, поля, перелески, вырисовывался изгиб реки. А вот и сам Шевдинск, освещенный огоньками — небольшой компактный городишко. Самолет бросало, вероятно, и здесь разгулялась пурга.

Стюардесса предупредила, чтобы во время стоянки никто не покидал салон самолета. Пояснила, что, взяв пассажиров на борт, без задержки сразу же идем на взлет.

Подрулили к зданию аэропорта. Шевдинских пассажиров не было видно. А на улице бушевал шквалистый ветер, снежными залпами ударял по самолету, по аэропортовым строениям, с большой скоростью, со свистом и воем мчался по взлетной полосе.

- Похоже, мы влипли, - подумал Ершов, - как пить дать заночуем здесь. Ох уж этот чертов «Аэрофлот», ни дна бы ему, ни покрышки. Опять рушились планы Юрия Васильевича.

Предположения подтвердились. Стюардесса объявила, что аэропорт «Шевдинск» закрылся до утра. Невообразимый гвалт поднялся в салоне. Крепкие слова с матерками в адрес авиаторов гуляли по салону.

В зале ожидания к Ершову подошел Панфилов, его коллега, руководитель шевдинской организации. Анатолий Иванович тоже должен был лететь этим же самолетом.

- Ну, ты сильно-то не переживай.

«УАЗ» уверенно преодолевал снежные заносы, продвигаясь к Шевдинску.

- Анатолий Иванович, - обратился Ершов к Панфилову, - далеко ли до деревни Бор?

- Километров десять от райцентра. что ж, Юрий Васильевич, с прибытием на нашу грешную землю! Поедем ко мне, поужинаем, угощу тебя кое чем, у меня же и переночуешь, а с утра пораньше улетим. Времени нам с тобой завтра хватит, чтобы переговорить с управленцами до защиты. А что это так тебя вдруг заинтересовало? Вроде крали у тебя здесь не должно быть. Или родня какая затерялась?

- Отец у меня родом из этой деревни.

- ?!

- Да, да, Анатолий Иванович, это так.

- Вот не знал. А что же ты раньше-то молчал? Надо было давно к нам наведаться. Свезил бы тебя на родину. Ты ведь здесь ни разу, вроде бы не был?

- Нет, не довелось.

- Вот это-то и плохо, родину забывать нельзя.

- Понимаешь, тут особые обстоятельства, я тебе позднее как-нибудь расскажу.

- Уж коль такой случай, сейчас заедем ко мне, перекусим и я свожу тебя в Бор, покажу деревню. Как знать, может тебе больше здесь не бывать. Если бы не сегодняшние обстоятельства, ты и не наведался бы сюда?

- Пожалуй, что так.

- Эх мы, люди-людишечки. Не обижайся, это я так, к слову.

За столом Юрий Васильевич подробно рассказал Панфилову о горькой судьбе - судьбинушке своего отца.

- Понятно, Юрий Васильевич, все мне понятно. В общем так: едем в Бор, там живет девяностолетняя бабушка, недавно о ней, как о старожиле, в "районке" писали. Бабка еще в уме, рассудительная, может, кое-что и повспоминает, хотя лет-то вон уж сколько прошло.

Свернув с большака, где-то с километр ехали осторожно по узкой, засыпанной свежим снегом, дороге, точнее, колее, проложенной вездеходом. Замерцали огоньки небольшой деревушки.

- Ну, вот и родина твоя, Юрий Васильевич, - пояснил Панфилов, - раньше деревня большая была, это сейчас она повымерла. Вначале промышленность поднимали за счет крестьянства, позднее уж сами колхозники не захотели прозябать в деревне, а теперь проще в городе перепродажей заниматься, чем землю здесь пахать. Легкие деньги на городах, веселий всяких навалом - вот и осталась земля без хозяина. А во всем бездарные наши правители виноваты. Да что говорить, сам прекрасно знаешь.

Спросили у пробежавшего мимо мальчугана, где живет

бабуля и прямехонько направились к ней.

- Принимай, Евдокия Никаноровна, гостей залетных, - с порога прогудел Панфилов.

- Не кричи, я ведь не глухая, хорошо слышу, - ответила хозяйка, выходя из комнатки, отгороженной от кухни легкой перегородкой. - С чем пожаловали?

- Да вот дело есть к Вам, хозяйюшка. Слух, говоришь, хороший у тебя, память, надеемся, тоже неплохая и кое-что из двадцатых годочков хранит?

- Да пока не жалуясь на память-то. А чем интересуетесь - то?

- Разговор, Евдокия Никаноровна, долгий будет, так что посади нас куда-нибудь, да если можешь - угости чайком с дорожки, вот и поговорим.

Юрий Васильевич поведал бабушке все, что знал об отце из рассказов матери.

- Вспоминаю, вспоминаю, - промолвила старушка, - помню и отца твоего Василия Прокопьевича, для меня-то он так ведь Васюткой и остался. Обижен он был, говоришь, на сельчан - то наших. Понимаю его, прекрасно понимаю. Только не надо бы ему зла-то на нас держать - времена уж такие были, худо всем жилось, шибко худо, давили на нас крепко. Да ведь никто его из деревни, то и не гнал. А то, что нищенствовал, так ведь и всем несладко тогда было, кто чем мог перебивались.

Евдокия Никаноровна замолчала, задумалась ненадолго. Гости тоже не тревожили ее, прихлебывали чай, молчали.

- А близких-то родственников у вас, Ершовых, никого не осталось. Кто с фронта не вернулся, кто умер, кто уехал куда. Нет, не припоминаю, чтобы кто-то здесь сейчас жил: ни в Бору, ни в округе. Уж вроде и окрестные деревни все перебрала в памяти-то. Нет никого здесь, - заговорила вновь старушка.

- Жалко, что Василек перед смертью-то проститься не приехал сюда, хоть бы на могилку к отцу и матери сходил. Ну,

да ничего, ты, как сын его, сам за него попроситься сможешь. Только перемело ведь все кладбище-то, не пройти нам будет, а так, могилку-то их я бы тебе показала. Знаю, где они похоронены, хоть и давным-давно это было. Ты, вот что, зайди просто за кладбищенскую оградку, да и попросишься с ними за отца-то своего. Всем легче будет, и тебе тоже. Груз тяжелый с отца снимешь. А вот летом приезжай обязательно, можешь и с семьей. Приходи прямо ко мне, многое я тебе повыскажу, мне ведь еще и повспоминать надо, эвон сколько лет-то прошло. Ты не думай, мне хоть и 92 стукнуло, я еще поживу, крепкая я, дождусь тебя. Приезжай, миленький, приезжай к нам, отсюда корни-то твои будут, грешно забывать их. А я тебя ждать буду...

***

К утру пурга утихла, мощные снегоочистители подготовили полосу, и ровно в 9 часов самолет взял курс на областной центр. И не было уже в душе Ершова вчерашнего негодования на «Аэрофлот», не было и беспокойства за то, что вдруг он сегодня не успеет встретиться с «нужными» людьми. Вчера он, пусть и случайно, но сделал большое дело, которое ему обязательно зачтется.

Лена-Елена

Всем, кто впервые появляется в моей квартире и просматривает неизбежный в таких случаях семейный альбом, чтобы скрасить минуты ожидания, пока я хлопочу на кухне, стараясь лишний раз не тревожить старенькую мою маму, невольно бросается в глаза снимок колесного парохода «Иван Каляев».

Долгие годы, вплоть до семидесятых, шлепая плицами, бороздил он воды царственной реки - Северной Двины, а также Пинеги, Ваги и Вычегды, пока не был вытеснен вместе

со своими собратьями с их акваторий современными, сверкающими своей белизной, комфортабельными теплоходами и быстроходными судами на подводных крыльях и воздушной подушке.

И практически всякий раз гости мои высказываются по поводу замеченной ими в альбоме явной несурязицы.

- Не место ведь этой старой «калоше» среди твоих многочисленных родственников: родителей, бабушек и дедушек, братьев и сестер, теток и племянников. А уж коль дорог тебе чем-то этот дряхлый пароходишко - помести его в отдельную рамку и поставь на комод или повесь на стенку.

Я соглашаюсь с ними, обещаю исправить эту «оплошность», но твердо знаю, что никогда этого не сделаю, ибо в свое время я дал себе зарок, что на месте «Ивана Каляева» помещу лишь ЕЁ фотографию, той единственной, в которую в свое время я безнадежно влюбился и живу которой до сих пор.

Наиболее догадливые гости тут же увязывают мое холостяцкое положение с конкретным событием, в коем старый пароход сыграл далеко не последнюю роль и они, как вы уже знаете, правы,

Я же в таких случаях, во избежание назойливых, а порою и ехидненьких вопросов, настойчиво меняю тему разговора, давая понять, что это табу для всех.

* * *

Протяжный гудок парохода - сигнал к отправлению заставил восторгнуться всех: и оставшихся на причале провожающих, и отъезжающих пассажиров. Прощальные взмахи рук, последние ободряющие возгласы с обеих сторон, и вот уже неотвратимо увеличивается разделяющая людей полоска воды. Постепенно отдаляются и как бы сливаются в некую безликую массу лица родных и близких. Пассажирский пароход «Иван Каляев», все увереннее и увереннее преодолевая встречное течение, постепенно набирал ход. И

вот уже далеко за кормой в дымке остались до боли знакомые контуры ставшего мне родным Архангельска.

Я уезжал в первый свой отпуск на родину, в один из глубинных районов области, где проживали в полном здравии мои родители, и где я сам прожил целых 17 лет, пока по окончании средней школы не поступил в один из ВУЗов областного центра. Пять интереснейших лет учебы, хорошее распределение, позволившее мне остаться в Архангельске, год успешной, пришедшейся по душе работы - вот и весь мой скромный житейский багаж. И в общем то жизнь, на мой взгляд, складывалась для мен весьма и весьма удачно.

Предстоящие встречи с родными и друзьями радовали меня. За прошедший год я успел соскучиться по охоте и рыбалке — любимым моим юношеским увлечениям. Я жаждал вдоволь побродить по лесу в поисках грибов и ягод, а больше всего хотелось после целого года взрослой жизни вернуться хоть на чуть-чуть в еще не забытые беззаботные детские годы, то есть в старые добрые времена. Хотя я прекрасно понимал, что назад возврата нет.

Найдя свою каюту и пристроив немудреную поклажу, я вышел на палубу. Не хотелось мешать с обустройством своим попутчикам, убеленным сединами пенсионерам, выходявшим в Черевкове и увозившим домой из Архангельска столько всякого скарба, что его, наверное, хватило бы на всю деревню, в которой они жили.

Устроился поудобнее на скамеечке, отдаваясь во власть нежаркого сентябрьского солнышка и бодрого освежающего ветерка.

Прошлое не воротится,

И не поможет слеза.

Как целовать мне хочется

Только твои глаза. -

- Доносились из пароходного репродуктора слова популярной песни и, разливаясь над речными просторами, эхом отражались от крутых берегов и леса, обступавшего реку

с обеих сторон. Эффект от получавшейся звуковой накладки оказался несколько неожиданным, весьма и весьма забавным и доставлял мне явное удовольствие. Все было прекрасно в этот день.

На палубу вышла группа студентов, определить это для меня особого труда не составляло.

- В совхоз на уборку поехали, - мысленно отметил я, оценив их одеяние. Вспомнились свои недавние поездки на картошку. Да, самое веселое студенческое братство. Институтские годы - самые лучшие, самые запоминающиеся. Никогда их не забудешь и постоянно будешь вспоминать о них с благодарностью. Это я уже почувствовал на себе, хотя всего лишь год прошел, как покинул я стены своей альма-матер.

Я невольно, с долей грустинки, позавидовал парням и девочкам. Они же, в свою очередь, ничуть не стесняясь моего присутствия, как и принято в студенческом кругу, устроились на соседних скамеечках, шумно и весело обсуждая свои проблемы. А пароход тем временем отмерял километр за километром, приближая мое свидание с детством.

После годичного перерыва я любовался и не мог налюбоваться милыми сердцу двинскими пейзажами. Какая неопишуемая вокруг красота! Осенние, желто-багряные на фоне хвойной зелени, тона, еще не столь яркие и явные, как в конце сентября, невольно напоминали о конце лета. Чистое, еще голубое, но уже с оттенками холодной синевы, небо, как бы извещало о начале осени. А какие прекрасные картины - узоры-соцветия, как в калейдоскопе вновь и вновь менялись: исчезали одни, появлялись другие после каждого поворота реки.

Скромна, как дева юная, а может быть в чем-то и скуповата, уступая буйной растительности юга, строга, а порой и сурова, но, в то же время и добра северная природа, готовая поделиться с человеком всеми своими богатствами. Вкупе с природой и северные жители, люди сильные, добрые, сдержанные, всегда приходящие на помощь попавшему в беду

человеку. Южанам их не понять, у них свои взаимоотношения с природой. На севере же все взаимосвязано, здесь в одиночку не проживешь. Здесь не обманывают, не стараются воспользоваться чужой добротой, бескорыстностью.

Погрузившись в идиллию, я, тем не менее, невольно прислушивался к доносившемуся до меня с соседних скамеечек разговору. Речь шла о том, во что обойдется компании ужин в ресторане. Ох уж эти вечные студенческие финансовые заботы: звон меди в карманах и бухгалтерская скарденность с одной стороны и желание гульнуть на широкую ногу - с другой.

Наконец, проблема была решена и веселая стайка полетела в манящее и дразнящее вкусными запахами заведение. Я машинально провожал их взглядом, с некоторым любопытством разглядывая проходивших мимо меня парней и девчат. Шедшая предпоследней белокурая стройная девушка несколько замедлила свой шаг. Я это отметил боковым зрением, и мгновенно, под воздействием каких-то сил, повернул в ее сторону голову, и настороженно-вопросительно посмотрел на нее. Наши взгляды встретились и... О, боже!... В какие-то доли секунды в моем сознании что-то быстро прокрутилось, промелькнуло, изменилось. Что-то до боли знакомое, родное, притягивающее и зовущее к себе было в ее взгляде. Ощущение было такое, будто всю жизнь мы с ней были знакомы, все эти годы жили друг подле друга. И в то же время я твердо знал, что вижу ее впервые. Очевидно и ее реакция была адекватна моей, ибо я сумел отметить мелькнувшее в ее глазах замешательство, какую-то коротенькую тревогу и что-то еще такое, что расшифровать я не смог. Затем легкая добрая-добрая улыбка, которая как-то явно говорила мне о признании нашей общности, о наличии взаимной привязанности, тронула ее губы.

От неожиданности я в буквальном смысле растерялся. Ничего подобного со мной ранее не случалось, это было впервые. В первый раз видеть человека, причем лишь

короткое мгновение, и уже чувствовать какую-то общность с ним - для меня это было столь неожиданным, что буквально повергло в нокаут. Что-то незримое и пока еще непонятное, но обоюдно радующее, доброе, связывающее нас воедино, прошло в обоих направлениях, когда наши взгляды встретились. Возможно это и есть родство душ, о чем я где-то и когда-то слышал или читал.

- Это судьба, - подумалось мне спустя мгновение.

Еще чуть позже я почувствовал слабость, как после тягостных трудов, столь много энергии, вероятно, было израсходовано в эти доли секунды. Затем приятная истома стала обволакивать всего меня. Я был поражен только что случившимся. Это было что-то нереальное, во что я вряд ли бы поверил, расскажи мне об этом кто-то из друзей. Легонечко защемило сердце.

- Вот оно как бывает, - невольно подумал я, — похоже это настоящее чувство, мною еще доселе не испытанное»

Прошло несколько минут. Я уже не находил себе места, я волновался. Какая-то сила влекла меня в ресторан, хотелось хоть на долечку секунды встретиться еще раз с ее взглядом и еще раз пережить то, что я пережил мгновение назад, хотя я и не верил, что подобное может повториться. Я удерживал себя, силою заставлял себя оставаться на палубе.

- Нельзя же так, - мысленно уговаривал я себя, - ну хотя бы четверть часа нужно посидеть еще на скамеечке.

Стараясь отвлечься, стал вслушиваться в содержание все еще звучащих на пароходе песен:

Эти глаза напротив -

Калейдоскоп огней...

Увы, отвлечься мне не удалось, и уже под аккомпанемент модного шлягера я вновь и вновь прокручивал в памяти то прекрасное мгновение. Передо мной вновь и вновь возникал ее взгляд, взгляд добрых и доверчивых глаз, наполненных нежностью, лаской и тонким налетом грусти...

Сколько я просидел на скамеечке, сказать трудно, но после

испытанного мною стресса я невольно расслабился и задремал. Пароходный гудок прервал мой сон. «Иван Каляев» подходил к пристани.

С группой пассажиров, поднявшись по довольно крутой лестнице, я вышел на берег, осмотрелся.

Пароход был подо мной, словно большая белая птица, манящая к себе, зовущая обратно. Он за считанные часы стал мне родным, ведь на его палубе мне довелось испытать настоящее чувство, вознесшее меня аж до небес. Там, в одной из многочисленных кают, находилась ОНА, ставшая для меня самым желанным, самым необходимым, родным человеком.

— А ведь через сутки, чуть более, я вынужден буду покинуть тебя, «Иван Каляев», старенький добрый пароход. И сутки эти пролетят незаметно.

Вернувшись в каюту, я прилег. Под монотонный шум двигателя и плеск воды, перелопачиваемой плицами колесодвижителей, я строил планы на завтрашний день. Да, сутки — срок короткий, а сделать предстояло много, и это при моей-то скромности и нерешительности.

Неожиданно все стихло, лишь легкое журчание воды доносилось из-за борта парохода. Я поднялся и вышел на палубу. Густой туман прикрыл белым одеялом двинские просторы.

- До утра, как пить дать, простоим, - донесся до меня чей-то недовольный голос, - из графика выбьемся почти на полсуток.

Для меня же эти часы вынужденной стоянки были как подарок судьбы. Да пусть бы вообще не рассеивался туман, пусть бы он дольше окутывал акваторию, продлевая время моего пребывания на пароходе.

- Что случилось, почему стоим? - взволновались мои попутчики, когда я вернулся в каюту.

- Тума-а-а-н! - радостно пропел я.

- А чему тут радоваться-то, только время зря теряем. Не поймешь вас, молодых, - недоуменно пожали плечами мои

соседи.

- Да поспим хоть в тишине и без качки, - съязвил я, - а то мотает туда-сюда при поворотах, того и гляди синяков себе во сне наставишь.

Молчание. Обиделись мои старики. А ведь и я, пожалуй, не меньше бы их переживал за вынужденную остановку, не встретиться мне сегодня симпатичная блондинка.

Уснул я мгновенно и спал как убитый до самого утра, пока не поднялись мои попутчики.

- А ведь, пожалуй, прав был молодой человек, смотри-ка как крепко спит, - донесся до меня старческий голос, - а при движении-то мотало бы туда-сюда - всю ночь маялся бы. Да и мы – то с тобой похрапели прилично. Много ли времени-то?

- Да уж к восьми подходит. А туман-то, туман-то какой - отродясь такого видать не приходилось, у нас в верховьях такого не бывает. Постоим, наверное, еще часок-другой.

- Постоим. Ох и грибков напрело за ночь-то. Пробежаться бы сейчас с корзинкой - за полчаса на жареху набрали бы.

- Приплывем домой - сходим. Не дразни, не береги душу. Давай-ка лучше что-нибудь скушаем. Доставай сумки. Парнишку-то тоже разбуди, пусть с нами поест. Они ведь, молодые, с собой ничего не берут, все на столовые надеются. А ресторан-то пароходный поди раньше обеда и не откроют, не шибко-то они о пассажирах думают.

- А было ли все это вчера со мной, уж не приснилось ли мне? - засомневался я. - Нет, все это было, было, было. Только вот как быть с взаимностью, может быть мне только показалось, что и я для нее что-то значу? Нужно еще раз увидеть студентку, чтобы развеять все сомнения. Но где и как ее искать? Пожалуй, нужно ждать на моей скамеечке, на том самом месте, которое знакомо нам обоим.

Я вышел на палубу. Туман уже был не молочно-белый, как вчера вечером, а бело-розовый. Чувствовалось, что вот вот солнечные лучи съедят его, улучшится видимость и мы снова

тронемся в путь. Приготовления пароходной команды подтвердили мои догадки. Видимость с каждой минутой улучшалась. Все отчетливей вырисовывались очертания противоположного берега. Наконец лучи солнца окончательно прорвали полусуточную туманную блокаду, блестящие искорки заиграли на водной поверхности. Подул легкий ветерок.

Издав протяжный гудок, «Иван Каляев» медленно двинулся дальше. Окончательно проснулись пассажиры, приступили к утреннему моциону.

Я ежился от утреннего холодка, от которого не спасал даже плащ, сжимался в клубок, но тем не менее стойчески не покидал своей позиции. Никто на палубу не выходил. И уже другое чувство - чувство одиночества, собственной никчемности, начало вселяться в меня.

- Показалось мне вчера, пригрезилось. Никому я не нужен. Раскатал губу - вот и сиди теперь, майся, мерзни на палубе, как бездомная собака. А она, небось, и думать-то про меня не хочет, нежится сейчас в своей каюте, а может балдеет в чьих-то объятиях...

- Э-эх, - встрепенулся я, - блажь какая-то, пойду-ка лучше в свою каюту, ждать ее здесь бесполезно, не придет. Дурак я, дурак безмозглый, сидел бы уж, да не рыпался, а то на тебе - любовь с первого взгляда выдумал.

- И словно в насмешку мне поплыла над Двиной мелодия: Много к крыльцу протоптано дорожек,
Да ни к чему дорожки эти.
Все потому, что сердце не тревожит,
Ни один, ни другой и не третий...

Изматерив про себя пароходного радиста, я опрометью бросился в свое спасительное убежище. Ох и зол я был в тот момент, зол на все: на судьбу свою разнесчастную (а ведь только еще вчера я радовался всему), но в первую очередь на очаровавшую меня блондинку и на самого себя, клюнувшего на взгляд какой-то девчонки.

Я не помню, что произошло у меня с попутчиками. Вероятно, их встревожил мой вид и они спросили меня об этом. Я им нагрубил, по сути наплевал в души этим добрым старикам, посочувствовавшим мне. Я что-то кричал, доказывал им, просил не лезть в мои дела, а затем выдохся и завалился спать, провалявшись в каком-то полузабытьи до самого вечера, пока пароходный гудок не известил о прибытии к очередной пристани.

Наскоро одевшись и не глядя на попутчиков, искоса посматривавших на меня, я выскочил на палубу. Тревожно заколотилось сердце: а вдруг студенты уже выходят, и тогда - прощай моя блондинка.

Я выбрал удобную позицию и стал наблюдать за готовящимися к выходу пассажирами, собиравшимися возле правого борта парохода. Студентов не было видно. Значит они плывут дальше, решил я, и, выбравшись из укромного местечка, пошел к матросам, готовящимся бросать концы на дебаркадер, с тем, чтобы сразу же после швартовки «Ивана Каляева» сойти на берег и прогуляться до ближайшего магазина.

Внезапно метрах в пяти перед собой я увидел свою студентку, так же как и я мгновение назад, наблюдавшую за выходящими пассажирами. Она стояла спиной ко мне и видеть меня не могла. Блондинка, встав на цыпочки и вытянув шею, явно выискивала кого-то в сгрудившейся толпе выходящих пассажиров.

-Алена, ты чего здесь делаешь? - раздался за моей спиной звонкий девичий голос, - а мы потеряли тебя.

Блондинка тотчас же повернулась, увидела меня, от неожиданности смутилась, и, склонив голову, помчалась навстречу своей подруге, обдав меня ароматом духов.

- Алена, - окликнул я девушку, - Алена, подожди секундочку.

Она обернулась, как мне показалось, попыталась вернуться, но подруга, окинув меня подозрительным

взглядом, подхватила ее под руку и увлекла за собой.

- Значит Алена, Лена-Елена, - произнес я негромко, - Лена - прекрасное имя. А вот кого же она высматривала в толпе выходящих пассажиров? Неужели меня? Скорее всего меня, ведь она тоже не знает, где я выхожу. А если бы ее не удерживала подруга, она подошла бы ко мне. Во всяком случае был у нее такой порыв.

- А я-то сомневался, злился, стариков ни за что обидел. И столь много драгоценного времени потерял-целый день. И все из-за своей глупости. Ох и дурак же я, а еще умного из себя строю, - проклинал я себя. - Нужно сейчас же извиниться перед попутчиками за свой срыв, помириться с ними - они поймут меня правильно и простят.

Пока я извинялся и мы распивали выставленную стариками по поводу примирения бутылочку, стемнело. Было желание разыскать Лену-Елену, поговорить с нею. С другой стороны, знакомиться в нетрезвом состоянии не хотелось, ибо я мог потерять ее в этом случае навсегда. Приняв решение сразу же с утра на трезвую голову приступить к поискам студентки, я остался в каюте. Мы долго играли в карты, беседовали, даже нашли общих знакомых, что еще больше сблизило нас. Спать легли далеко за полночь.

Проснулся я очень рано, проснулся от того, что мы опять стояли. Вышел на палубу. Туман плотной белой пеленой окутал пароход. Буквально в двух метрах ничего не было видно. Ну что ж, это мне тоже наруку, туман оттягивал час нашего расставания. Выкурив сигарету, вернулся в каюту. Старики мои мирно похрапывали, под их «песню» заснул и я.

Приснилась мне Алена. Как бы находясь на другой стороне огромного глубокого оврага, она жестами приглашала меня идти за ней. Но идти я не мог, меня словно парализовало. Из мрачной глубины оврага веяло какой-то опасностью. Страх охватил меня, ноги сделались ватными. А Алена уходила все дальше и дальше, маня меня к себе, а я так и не смог сделать

ни одного шага. Пытался закричать, чтобы остановить ее, и не смог — спазмы сдавили горло... Проснулся с тревожным предчувствием беды, быстро оделся, вышел на палубу. У попавшегося навстречу матроса спросил, где выходят студенты.

- Минут через двадцать подходим к пристани - это их конечный пункт, - пояснил речник.

А на палубу уже выходили первые группки студентов. Я подошел к ним, но знакомых, что были с Аленой на палубе в первый день нашего плаванья, я не встретил.

Из-за поворота показался дебаркадер. Протяжный гудок «Ивана Каляева» прошелся по мне, как нож по сердцу.

- Алена, - окликнул я блондинку, увлеченную к трапу толпой выходящих студентов,- Алена, постой минутку. Но движущийся людской поток остановить уже не было никакой возможности. Она кивнула мне головой, с едва скрываемым сожалением пожала плечами. Надеюсь на последний шанс, я подошел к матросам, приступившим уже к посадке пассажиров, и спросил о продолжительности стоянки.

- Отчаливаем сразу же по окончании посадки, итак уже запаздываем чуть не на сутки, выпускать на берег никого не велено, - был ответ.

Студенты группировались возле стоявших в их ожидании автобуса и двух грузовиков. Я знаками попросил Алену подойти поближе к пароходу.

- Алена, я тебя разыщу в Архангельске, как только вернусь из отпуска, обязательно найду, - дальнейшие мои слова потонули в гуле пароходного гудка. «Иван Каляев» отходил от пристани.

Лена согласно закивала мне и прощально помахала рукой.

Такой и осталась в моей памяти Лена-Елена, не спетая песня моя.

В Архангельске, по возвращении из отпуска, меня ждал сюрприз: коллеги из Германии приглашали на двухгодичную стажировку одного из молодых сотрудников нашего

учреждения и выбор пал на меня. Я в буквальном смысле слова закрутился. Оформление документов, подготовка материалов, сборы, встречи-напутствия - у меня не оставалось времени для личных дел. Я, конечно, понимал, что не найдя в ближайшие дни Лену-Елену, я, тем самым, скорее всего потеряю ее навсегда. Тем не менее граница манила меня. Как знать, может это единственный мой шанс, не использовать его было бы глупо. Поисками студентки мне заниматься было некогда и я отложил это мероприятие до своего возвращения из-за рубежа.

Однажды, проходя по Набережной, я заметил знакомые контуры пришвартованного к причалу «Ивана Каляева».

- Надо сфотографировать его и взять снимок с собой, на память о Лене-Елене, - решил я.

Вклеив фотографию старого парохода в альбом, я дал себе зарок, что лишь фото Алены заменит его.

Возвратившись из Германии я сразу же приступил к поискам своей избранницы. Немногим более полумесяца ушло на это. Вот тут-то и ждало меня полное разочарование, точнее самый сильный удар за всю мою жизнь. Как мне пояснили в пединституте, студентка Елена Полякова полгода тому назад вышла замуж и перевелась в аналогичный институт одного из городов центра России.

* * *

Давно уже списан «Иван Каляев», та же участь постигла «Степана Разина», «Михаила Фрунзе» и другие колесные пароходы. Но я их помню и забыть до конца дней своих не смогу.

Лишь в памяти осталась и Лена-Елена - моя первая и единственная любовь, моя белокурая студентка, оставшаяся для меня навсегда такой, какой я ее повстречал на старенькой «калоше» в те прекрасные сентябрьские дни.

Операция «Перехват»

Начало июля. Жаркое утро, пятница. Последний рабочий день Алексея Петровича Игнатьева, а с понедельника - в отпуск. Передачи дел практически никакой, в производственном отделе - что в воинском штабе: взаимозаменяемость стопроцентная. А посему - легкие наставления, а в основном пожелания хорошей работы, а отпускнику, соответственно хорошего отдыха.

Заглянул начальник коммерческого отдела Брусенцов.

- Петрович, ты вроде бы когда-то собирался в Славск в тамошнюю лесотехшколу?

- Да, было дело. Есть у меня там вопросы. Протоколы обучения подписать, сдать их и получить удостоверения о присвоении квалификации.

- Так поехали, чего тянуть резину. У меня там срочнейшее дело проклюнулось, а шеф дает свой «уазик». Когда еще такая оказия тебе подвернется?

- У меня ж последний день сегодня, отпускные надо получить, с ребятами посидеть.

- Деньги получишь и в понедельник, а ребята - куда они денутся?

- Ладно, уговорил.

Через полчаса выдавший виды леспромхозовский внедорожник уже пылил по гравийке на максимальной своей скорости в сторону соседней области.

- Впервые еду за такие версты в чужой регион с пятидесяткой в кармане и без личных документов, - бурчал Алексей Петрович, - не поесть по-нормальному, да и пивка не попить. Одно радует, что с учебой развяжемся, а то проверяющие, прямо звери, придираются ко всему. А будут удостоверения у рабочих на руках - часть проблем автоматически снимется.

По приезду в Славск договорились с Брусенцовым, что

где-то к 15 часам они оба завершают дела, а ровно в 16 часов Игнатъев будет ждать машину в центре городка на автобусной остановке, что возле парка Ветеранов.

В лесотехшколе Алексею Петровичу повезло на все сто: нужные преподаватели и директор оказались на месте. Уже до обеда все свои дела он прорешал и, захватив удостоверения, отправился гулять по городу. Зашел на рынок. Разнообразие всего - глаза разбегаются, а цены по сравнению с нашими - вообще смешные. Можно было бы кое-что и прикупить для дома, для семьи, да на 50 российских деревянных шибко не разбежишься. Заглянул в павильончик, взял кружечку свеженького разливного пива и бутерброд. Пивко оказалось на славу, духмяное, в меру прохладное. Давно такого не пивал Игнатъев, в Каменск ведь его только с консервантами завозят. Смаковал-смаковал Алексей Петрович кружечку, тянул время, а оно, как назло, текло медленно, стрелки на часах как застыли. Выпил еще кружку. Медяков хватило на пару стаканчиков семечек, коими на выходе с рынка торговали сентиментальные старушки - «божьи одуванчики». Не спеша обошел почти весь город и от нечего больше делать, пришел на остановку, где было назначено randevу с Брусенцовым.

Предстояли еще полтора часа ожидания. Присел на скамеечку. Люди подходят, уезжают, появляются другие. Вскоре это мельтешение Игнатъеву надоело, да и неловко ему как-то было от своего длительного сидения на лавочке под козырьком остановочного павильона. Глянул в сторону парка. Метрах в тридцати возле ближайшей аллеи как раз у входа скамеечка чуть поломанная стоит. А кругом - ни души. Присел на нее, осмотрелся: перекресток, откуда должен был подъехать «УАЗ», просматривался полностью. Да и для Брусенцова Алексей Петрович был бы на виду, тем более что белая рубашка на фоне зелени явно бросалась в глаза. Здесь Игнатъев никому не мешал, да и перед ним никто туда-сюда не маячил.

Привалился к спинке скамейки, вытянул ноги, пакет с

удостоверениями положил рядом и стал беззаботно лузгать семечки, поглядывая на перекресток.

Разомлев от солнышка да от выпитого «Жигулевского», слегка задремал. Вдруг что-то его потревожило. Приоткрыв глаза, он боковым зрением заметил на противоположной стороне улицы двух милиционеров, шедших в направлении перекрестка и смотревших в его сторону.

- Патруль, - отметил для себя Алексей Петрович. - Что ж, вполне понятно. После очередного теракта в Чечне вся российская милиция была «поставлена на уши». А здесь все же железнодорожная станция на транссибирской магистрали, ряд крупных предприятий, многоэтажное жилье. Однако, когда милиционеры, повернув на перекрестке на другую улицу, оглянулись, Игнатьев понял, что они именно к нему проявляют интерес. Легкий ветерок тревоги пробежал по его телу. Попасть в зону внимания стражей порядка без документов, с двумя кружками пива на «каменке» ничего хорошего не предвещало.

Первая мысль - встать и уйти - немного погодя была категорически отвергнута. Уйти несложно. Только вдруг милиционеры подумают, что испугнули его. Значит, будут искать. Все перероят, но найдут, городишко-то небольшой. Доставят в отдел, для установления личности, а у него и документов никаких при себе нет. Что тогда? А тогда - картина Репина: «Приплыли»...

И чем объяснить им свой скоропалительный уход с места встречи с Брусенцовым? Испугался?

- А чего же ты милиции-то боишься? - возникнет у них вопрос. - Значит, ты в чем-то или как-то с законом не в ладах, коли попытался исчезнуть.

А там, пока разбираются, пока делают запрос в Каменск - Брусенцов уедет, он ждать долго не будет, подумав, что партнер уехал на попутке.

Значит, нужно сидеть на скамеечке плотно, не дергаться и ни при каких обстоятельствах даже не подавать вида, что ты

заметил за собой наблюдение.

«Десять минут четвертого», - бросив взгляд на часы, зафиксировал время Алексей Петрович.

Повернувшись на скамеечке правым боком к перекрестку, опершись локтем о спинку лавочки, чуть склонив голову, тем самым приняв позу дремлющего человека, он опять же боковым зрением присматривал за перекрестком, интуитивно чувствуя, что беда может прийти именно оттуда.

Так оно и вышло. Очевидно, обогнув квартал, по времени примерно совпадало, патруль пошел в обратном направлении. Теперь они были лицом к Игнатьеву, и он заметил, как сержанты, не поворачивая головы, скосив взор, вглядывались в него.

«Сфотографировали», - отметил он для себя.

Засосало под ложечкой.

Пройдя метров семьдесят, фланирующие блюстители порядка резко повернули налево и пересекли улицу. Ступив на тротуар, они напоследок еще раз взглянули на Игнатьева, вероятно, чтобы отметить его реакцию на их появление, и пошли по граничащей с парком улице. Алексей Петрович был убежден, что они пошли в отдел, который, а он знал это точно, располагался именно там.

- Ну и жара сегодня, - немного погодя услышал Игнатьев за спиной чей-то незнакомый голос. Повернувшись, Алексей Петрович увидел запыхавшегося пожилого мужчину, стиравшего пот со лба. Судя по сбившемуся дыханию, шустрячок дюже спешил сюда, и, видимо, отнюдь не случайно он подошел к нему со спины, с другой стороны парка.

«Утка подсадная, - решил для себя Игнатьев, - все же обкладывают меня менты серьезно». Тем не менее Алексей Петрович решил ничем не выдавать своего беспокойства и принял «игру» старичка.

- Да, жарко, - поддержал разговор Игнатьев, - парит, а к вечеру дождь наверняка, будет. А у меня на позже завтра сено

грести надо, - врал он внаглую, никакого сенокоса отродясь не имевший. - Сегодня-то вот проездил к вам, можно было бы уже сгрести.

- А откуда приехал-то? - «клянул» дед на приманку.

- Да из Каменска.

- А что, я слышал, у вас уже грибы пошли?

- На первую жареху я еще две недели тому назад принес, - сознательно затягивал разговор Алексей Петрович, вешая ему «лапшу на уши», чтобы максимально снять с себя подозрения, - белые, красные, маслята - малюсенькие такие... В общем, охотку сдернул.

- А у нас вот еще ни одного слоя не было.

- Не может быть, - возразил Игнатъев, - не там, видно, ищите, места-то знать надо.

- Ну, будь здоров, пойду домой, поди-ка, старуха заждалась.

- Да посиди со мной, поговорим, все равно тебе дома делать нечего, да и мне время убить надо в ожидании машины.

- Нет, побегу, а то бабка опять на худое подумает, загулял, дескать, старый. А я ведь люблю, грешным делом, иногда рюмочку-то пропустить.

Алексей Петрович, поставив ногу на скамейку, наклонил голову и стал перешнуровывать ботинок, присматривая при этом за дедком. Тот, пройдя немного по аллее, вдруг круто принял вправо и пошел прямо по газону между деревьев... в сторону отделения милиции.

«Ну ладно, - успокоился Игнатъев, - доложит сейчас старикан про меня все, что выведал, и менты отстанут».

А время словно застыло, всего лишь полчетвертого. Еще полчаса маяться.

«Шалят нервишки-то, шалят, что-то даже запотряхивало, - отметил про себя Алексей Петрович. - Эх, пивка бы сейчас кружечку выпить да по-настоящему успокоиться».

Однако успокаиваться было рано. Неожиданно для себя

Игнатъев заметил переходившего улицу молоденького лейтенанта, который, бросив пристальный взгляд на Алексея Петровича, свернул на углу на ту же улицу, куда уходили час тому назад патрульные сержанты.

Машинально отметил время: пятнадцать сорок. Еще острее засосало под ложечкой.

***

Снова глянул на часы - пятнадцать сорок восемь.

«Показалось», - выдохнул полной грудью Игнатъев. По его расчетам, если бы лейтенант хотел его проверить, точнее, обзреть, он должен был бы уже показаться на перекрестке.

- Слава Богу, вроде бы пронесло, зная ошибся я с лейтенантом. Видать просто совпадение, что он шел тем же маршрутом. Через пять минут подъедет Брусенцов — и конец моим страданиям, - Алексей Петрович удовлетворенно потянулся на скамейке.

Увы, радость его была недолгой. Молоденький лейтенант, возвращаясь обратно, пересек улицу намного ближе к нему и, вот уж чего не ожидал Игнатъев, прошел возле него и встал за его спиной, прислонившись к рекламному щиту.

Какими усилиями удалось сдержать себя, чтобы не рвануться с этой проклятой скамейки, - это он оценил гораздо позднее.

Но, то, что произошло дальше, было сверх любого ожидания. Буквально две минуты спустя, лейтенантовским маршрутом направился невесть откуда взявшийся плотненький капитан. Пересекая улицу, он обменялся взглядом с лейтенантом и, чуть сменив маршрут, пошел прямо на Игнатъева.

«Шестнадцать ноль-ноль. Где же Брусенцов, черт бы его побрал? Мне же кранты наступают, теперь они точно будут «братъ» меня» - негодовал в душе Алексей Петрович... И в это время, показывая правый поворот, к перекрестку подъехал «родной» «УАЗик». Иного транспорта на проспекте не было, и леспромхозовская легковушка, практически не сбавляя хода,

на него повернула и, скрипнув тормозами, остановилась как раз напротив его скамеечки на противоположной стороне улицы.

Вот тут-то нервы у Игнатьева не выдержали. Алексей Петрович, схватив свой пакет с удостоверениями, резво рванул со своей лавочки, мимо оглянувшегося на скрип тормозов и опешившего от его прыти капитана, бросился к своему спасителю - «УАЗу»...

- Что, братя тебя хотели? - спросил Брусенцов.

- С чего ты взял? - не хотел признаваться Игнатьев, хотя его всю колотило.

- Да ты глянь на свое лицо - белый, как смерть. К тому же я заметил, как лейтенант головой кивал капитану на тебя.

- Нет, просто тебе показалось. За что меня брать-то?

- Да скорей всего за твой «рубильник». Ты ж со своим носом и черными волосами как две капли воды похож на лицо «кавказской национальности». Тем более с подозрительно набитым пакетом.

- Так и было, - признался Игнатьев, - спасибо тебе, Брусенцов, что вовремя подъехал. Еще бы минуточку ты задержался, и подхватили бы меня под белые ручки эти орелики. А там доказывай, что ты не верблюд, документов-то при мне никаких...

Машина тронулась, направляясь в Каменск, в ставшие вдвойне дорогими родные пенаты. Оглянувшись, Алексей Петрович заметил, как о чем-то энергично жестикулировали офицеры милиции...

* * *

Четыре года спустя, будучи журналистом, Игнатьев в составе представительной областной делегации снова побывал в Славске. Снимая на пленку встречу руководителей, он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Оглянувшись, увидел стоявшего в оцеплении того самого молоденького лейтенанта, несколько с тех пор не

изменившегося. Разве что звездочка на погонах добавилась. Позднее, улучив момент, подошел к нему, напомнил о былой «встрече».

- Я тогда за вас втык получил, - признался старлей.

- За что?

- За то, что не сумел проверить ваши документы и осмотреть пакет. Тогда по информации патрульных была организована операция «Перехват». Очень им ваша внешность не понравилась, и особенно подозрителен показался пакет с остро торчавшими углами.

- Так это были обычные удостоверения из лесотехшколы да пара книг - учебные пособия.

- А откуда мы могли это знать? А вдруг там бомба была? Поэтому мы с капитаном аккуратненько и должны были вас взять.

- Будь на моем месте настоящий диверсант, он вас обоих с вашей деликатностью и непрофессионализмом отправил бы на тот свет, возможно, с собой вместе. Чтобы включить взрывное устройство, нужно лишь кнопку нажать, и он успел бы это сделать.

- Ваш пакет лежал на скамеечке несколько в стороне. Капитан должен был изолировать вас, моя задача - взять пакет.

- Детские игры.

- Не скажи, тогда обстановка в государстве была очень напряженной. А тут вы...

- А что же не перехватили нас у КПП на выезде из города?

- Мы позвонили туда и попросили известить нас, когда ваша машина пройдет в сторону Каменска, что через десять минут ими и было сделано. Взвесив всю информацию, мы тогда поняли, что чуток с вами перестарались, точнее, перестраховались.

Простая история

Весна в этом году, как и обычно, в наши северные края приходит не спешила, хотя на исходе был уже апрель. Но, пусть зима еще не собиралась сдавать своих позиций, морозными утренниками сводя почти на нет дневную работу небесного светила, тем не менее, с каждым днем солнце поднималось все выше и выше, а это означало, что в скором времени, чуть слышно журчащие ручейки превратятся в мощные ручьи, а затем буйные вешние воды взломают лед на могучей красавице реке и унесут его в море. С первыми волнами тепла в парках и скверах начнут распускаться деревья, бледной робкой зеленью радуя жителей города, отвыкших за долгую приполярную зиму от нежной ласковой листвы. Хладнокровные, сдержанные, обычно скупые на улыбку, северяне упрячут подальше свои меховые одежды и как дети будут радоваться первым теплым денечкам, шумными, дружными компаниями и молчаливыми, сосредоточенными парами возобновят прогулки по набережной - любимому месту отдыха горожан. А затем..., затем наступит пора «белых ночей», время, когда теряют покой и даже голову не только молодые парни и девушки, но и люди более солидного возраста, время, когда человечество непроизвольно, повинувшись природным инстинктам, становится добрее и терпимее друг к другу, когда душа каждого распахивается настежь и когда начинают учащенно биться сердца в ожидании любви.

Увы, Виктору Новикову - студенту местного пединститута, судя по всему, это не грозило. До сих пор, то ли из-за природной своей скромности, то ли в силу каких-то других причин, не встретил он на своем жизненном пути той единственной, самой-самой, которая смогла бы покорить его сердце.

Неумолимо приближался Первомай. Город охватила

предпраздничная суета. На глазах преображалась центральная площадь. Повсюду вывешивались разноцветные флажки и плакаты, флаги и транспаранты. Куда ни глянь - радостные, оживленные, счастливые лица, в руках горожан неизменно предпраздничные атрибуты - по-весеннему скромные еще букетики цветов, предназначенных представительницам слабого пола, помолодевшим и похорошевшим с приходом весны. Вокруг ослепительные улыбки.

Праздника Виктор и ждал и не ждал одновременно. И если ожидание его вполне понятно, то нежелание объяснялось тем, что пройдут эти дни до обыденного просто, буднично, по старому отработанному сценарию. Намечалась обычная общежитская вечеринка с бесконечными танцами под радиолу в красном уголке, где все участники, за редким исключением, давно и хорошо были знакомы друг с другом, и были как братья и сестры, благодаря длительному их совместному проживанию под одной крышей.

В канун Первомая пришла поздравительная открытка от брата, в которой он приглашал Виктора приехать к нему в Подмоскowie на праздник, отдохнуть там недельку как это уже не раз бывало и раньше. Сразу же вспомнилась дружная заводская компания, где в праздничные дни было особенно весело и в которой Виктор чувствовал себя вполне своим. Любили парни выпить и повеселиться, могли и пошутить порою и неособо корректно, но в общем-то в пределах допустимого. Свеж еще в памяти Виктора случай двухлетней давности, когда, натанцевавшись вдоволь в заводском ДК и заметно протрезвев, захотели ребята «поднять тонус» перед очередным танцевальным раундом. А время позднее, близко к одиннадцати. Двинулись нестройной толпой к ближайшему ресторану. Важный пожилой швейцар через закрытую стеклянную дверь указал на табличку «мест нет» и развел руками. Пущенная в ход «пятерка» (при стипендии Виктора в 35 рублей, это сумма довольно приличная) сыграла свою роль, дед буквально на глазах преобразился, провел парней в зал,

усадил за крайний свободный столик, знаком пригласил официанта...

Закончив трапезу, друзья пошли на выход, поблагодарили швейцара, «потрясли поочередно ему руку». Дед на прощанье приглашал их и впредь навещать сюда. Дверь за ним захлопнулась, ребята, стоя на ступеньках, закурили. «Братцы, что приуныли! Хотите хохму отмочу! – предложил Андрей. – Смотрите!» Он вернулся к двери, постучал и приложил к стеклу очередную «пятерку». Швейцар, сидевший в кресле в глубине вестибюля и начавший уже дремать, нехотя повернул голову в его сторону. Увидев ассигнацию, он проворно вскочил с места и заулыбавшись, бодро направился к выходу. Когда дед уже начал открывать дверь, Андрей аккуратно сложил купюру пополам, и, не спеша, положил ее себе в карман, а затем спокойно, с расстановкой поставил фигуру из пяти пальцев и сунул старику под нос. Мгновенно изменившись в лице, швейцар рванулся обратно к стоящему на столике телефону. Парней как ветром сдуло...

- А что, ничем не рискую, - рассуждал Виктор, зачеты наполовину получены, остальные успею сдать до начала сессии. Недельку можно и отдохнуть, погреться на солнышке. В средней полосе весна в разгаре, там уже, наверное, в одних костюмчиках гуляют...

Назавтра друзья — студенты поехали на вокзал провожать Виктора.

- А может, передумаешь, Витек, останешься, — настаивали они, - компанию разрушаешь. И чтобы не искушать больше судьбу и дать понять ребятам, что решение его окончательное, Виктор наспех пожал им руки, пожелал праздничного настроения и скрылся в вагоне. Отыскав свое место, снял куртку и шапочку, достал книгу и, забросив на багажную полку портфель, углубился в чтение.

Минут через пять, разряжая задорным смехом атмосферу суеты, волнения и напряженности, царившую в вагоне перед

отправлением поезда, вошли три девушки и остановились возле Виктора.

- А вот и твое место, — сказала одна из них. - Надеюсь, молодой человек уступит нижнюю полочку, — прошептала другая.

Попрощавшись с подругой и что-то пошептав ей на ухо, от чего на щеке попутчицы мгновенно вспыхнул румянец, девчата, весело смеясь, покинули вагон. Вскоре поезд тронулся.

Сняв пальто, девушка села напротив Виктора и стала поправлять прическу. Виктор украдкой разглядывал ее: простое, открытое лицо, одета скромно, но со вкусом. — Симпатичная, отметил он про себя, - все более и более любуюсь ею. Неожиданно их взгляды встретились. Молодой человек, пойманный за неблагородным занятием, невольно смутился, покраснел, вновь уставился в книгу, силком заставляя себя читать. Вскоре он убедился, что занятие это пустое, что мысли его витают совсем не в том направлении. Отложив чтение, Виктор направился в тамбур покурить. Когда вернулся, девушка просматривала его книгу.

- Вы до сих пор увлекаетесь детективами? В вашем возрасте это несерьезно.

Щеки Виктора запылали как маки.

- Серьезные вещи в дороге читать трудно, а детектив он как-то завлекает, заставляет забытья, отключиться да и время летит быстрее.

- Вы далеко едете?

Виктор назвал город.

- Погощу недельку у брата и обратно, скоро экзаменационная сессия начнется.

- А мне утром в полшестого выходить. Боюсь проспать, ведь на нашем полустанке поезд стоит всего минуту. А там еще двадцать километров на автобусе. В отпуск из армии приехал мой брат, хочется его повидать - полтора года не виделись. А 2 мая вечерним поездом нужно

возвращаться обратно, опаздывать никак нельзя. А вы где учитесь?

- Ума нет - иди в пед, - говорят в народе, я так и поступил, - ответил Виктор, - сейчас учусь на третьем курсе. Да что мы все Вы, да Вы давайте хоть познакомимся, меня зовут Виктор.

- Настя, - ответила она.

- Старинное имя, вроде бы еще только-только вновь стало в моду входить? - удивился он.

- Я ж сказала, что еду в глухомань, там я родилась и выросла, а родители меня так нарекли в честь бабушки.

- За постельным подходите,- послышался голос проводницы.

- Я мигом, - Виктор помчался в конец вагона.

- Настя, занимай мою полку, отдыхай, тебе ведь рано вставать, - вернувшись, предложил он.

- Спать что-то не хочется, лучше расскажи что-нибудь интересное, ведь у студентов жизнь веселая, а я послушаю.

Виктор, польщенный вниманием попутчицы, вспоминал забавные эпизоды из институтской жизни, делился с нею как с очень близким другом самым сокровенным, забыв обо всем на свете, безудержно рассказывал и рассказывал, сам поражаясь неожиданно появившемуся у него красноречию.

Настя, припав щекой к положенной на столик стопке постельного белья, внимательно слушала его, изредка задавая вопросы, весело смеялась.

Для Виктора уже не существовало никого и ничего вокруг, во всем вагоне были лишь они с Настей. Он не сводил с нее глаз, находясь в каком-то прекрасном, сладостном гипнозе и мысленно как бы парил в этом, созданном его воображением, чудесном замкнутом мире. Равномерный перестук колес на стыках, редкие гудки тепловоза, шум встречных поездов, огни мелькавших за окном полустанков и разъездов - все это накладывало отпечаток загадочности и торжественности этому видению.

Но уже хотя и робко, звучали нотки хрупкости и шаткости

этого созданного им мира, больше похожего на радостный сон, нежели на счастливую случайность. Завтра его уже не будет, он исчезнет, этот мир, оставив вместо себя зияющую пустоту, результатом которой будет непроходящий длительное время стресс.

- Ба, уже четвертый час, мне скоро выходить. Как быстро пролетело время - расправлять уже нет смысла, подремлю немного так, - спохватилась Настя.

Виктору спать не хотелось вовсе, он находился под впечатлением от этой неожиданной встречи. Безусловно, попутчица с первого взгляда ему понравилась. С другой стороны, близкое расставание начало его тревожить сильнее, но что-то еще более тягостное беспокоило его душу. А ведь я о ней совершенно ничего не знаю, - понял он наконец причину своего волнения. Хорош кавалер: все о себе, да о себе, расхвастался как заяц. А ведь я вполне могу ее потерять. Нет-нет, этого не должно случиться. Хотелось тут же разбудить ее, эту незнакомку, неожиданно ворвавшуюся в его жизнь, но Виктор передумал - утром расспрошу ее обо всем. Прижавшись в уголочке и продолжая любоваться спящей девушкой, он и сам не заметил, как задремал.

- Вам выходить, скорее просыпайтесь, - проводница склонилась над Настей. Поезд, замедляя ход, подходил к полустанку. Быстро набросив пальто и сняв сумку, девушка направилась к выходу.

- Я вас провожу, - Виктор бросился вслед за Настей, подхватив багаж, спустился на перрон.

- Стоим всего минуту, - предупредила проводница.

Выйдя из вагона, попутчица сразу же попала в объятия пожилого мужчины. Наверное, отец встречает, - подумал Виктор, передавая ему сумку.

- Настя... - он наконец решился расспросить ее, но в это время раздался гудок, лязгнули сцепы, поезд тронулся.

- Пассажир, поднимайтесь скорее, - перечеркнула последнюю надежду проводница.

Виктор вскочил на подножку...

***

- Что-то ты хмурой какой-то, не заболел ли? Или неприятности какие? В гости с таким настроением не ездят. Ну да ладно, поехали скорее, ребята ждут тебя не дождутся. И чем ты их взял? Когда телеграмму твою получили - обрадовались как дети, - суетился брат.

- Миша, я к тебе всего на денек, второго утром я должен уехать.

- Да что стряслось-то? Уж не влюбился ли ты?

- Похоже, - ответил Виктор, - пришла, ушла, исчезла, как привидение, как мираж какой-то. А найти ее я должен обязательно. И единственный, пока, шанс - возвращаться второго.

Всю обратную дорогу Виктор переживал, а вдруг Настя передумает или обстоятельства так сложатся, что она вынуждена будет отложить отъезд. Тогда придется надеяться лишь на случайную встречу, или искать ее через справочное бюро. А ведь без фамилии, года рождения, рода занятий, с одним только именем, пусть и редким, в справочном полумиллионного города заявление вряд ли примут.

Поезд, замедляя ход, входил в последний перед полустанком поворот. Потянулся перрон. Сердце Виктора, стоявшего в нетерпении у открытой двери вагона, бешено колотилось, готовое вырваться из груди. Он пристально вглядывался в мелькавшие перед ним силуэты ожидавших посадки пассажиров, в надежде увидеть знакомую фигурку очаровавшей его незнакомки.

***

Город Виктора и Настю встретил пасмурной, прохладной погодой. Накрапывал мелкий дождик, а согласно примете, дождь в день приезда к счастью.

Was ist das “Pososchok”?

Ох и тяжелыми были девяностые годы прошлого века для россиян. Окончательно же «добил» народ дефолт 1998 года. Еле-еле, но все-таки тогда выжили. В нулевые стало полегче. Что-то, где-то и как-то «поустаканилось», стало вставать на свои, уже новые, места. Зашевелились наши предприимчивые соотечественники, оживились и иностранцы со своими инвестициями, пусть и небольшими (опасались), но все же какое ни есть, а подспорье нам горемыкам. Нашлись, а кое-где в России и появились, серьезные бизнесмены с Запада. Вот и в соседней области заработало крупнейшее (поговаривали - третье в мире) лесоперерабатывающее предприятие. Рассчитали швейцарцы с немцами точно: железная дорога есть, речка судоходная - тоже, а главное - лесных массивов - немерено. В начале они циркулем 150-километровую зону очертили, затем к радиусу еще 50 километров добавили. А на перспективу на все 300 километров замахнулись. Попал и наш район в круг их интересов.

Приехал в наше местечко один из руководителей этого предприятия - немец по национальности. Нужно же было налаживать связи с нашими лесозаготовителями. Мы ему совещание предпринимателей подготовили. Человек сто таких на нем оказалось. Главный вопрос - естественно, финансовый. Не без скрипа, но одолели его, определились с договорами. Остальные, мелочные проблемы - постановили решать в рабочем порядке. Ну, а чтобы закрепить достигнутые результаты, организовали банкет. Ведь у нас, у русских, даже самые маленькие вопросы без «устаканивания» не решаются. А тут такой размах, сердце замирает!

Желающих выступить с тостом было много, пришлось ограничиться десятью, ибо шумовой фон настолько вырос (пили-то водочку родимую), что ораторов попросту не стало

слышно. Немец хоть и пригублял по чуть-чуть, но тоже «дозочку» схватил приличную, он же не привычен к такому «водковозлиянию».

Потихонечку-полегонечку начал он собираться восвояси, ведь ему предстоял еще 150-километровый марш-бросок до дому, куда хотел бы он вернуться трезвым. Да ведь на дорогах наших не поспишь, чтобы хмель изгнать. А отсюда вывод — пить надо меньше и вовремя «смыться».

Когда же в обоих концах застолья «всхлипнули» гармошки, он окончательно понял, что здесь ему делать больше нечего. На прощание попросил слова, жестом показал - всем налить (уже обрусел). «Бросил» две-три фразы про дружбу-фройндшафт и сотрудничество, и пригубил.

- У нас так за это не пьют, нужно до дна, чтобы и обиду не оставлять, и чтобы все сбылось, что мы тут нарешали, - выразил общее мнение один из предпринимателей. Когда немцу перевели, он согласно закивал головой и допил. Закусил виноградкой и ретировался к выходу.

За столами возникла мимолетная пауза. Мертвая тишина в зале. На лицах лесозаготовителей выразилось недоумение: как так, гулянье в самом разгаре, а виновник торжества покидает банкет? Это же не в наших правилах! «Тамада»- глава районной администрации, пояснил, что гостя ждут неотложные дела и ему необходимо срочно уезжать, так что, задерживать не будем - обстоятельства выше нас.

Поняв, что иностранец для них уже «отрезанный ломоть» и его не вернешь, начали потихонечку звенеть рюмашками.

- А посошок? - неожиданно раздался чей-то отчаянный крик.

- Да, да, посошок, посошок!... - загалдели все, - иначе хорошей дороги не будет.

- Was ist das "Pososchok"? - спросил у толмача немец, уже взявшийся было за дверную ручку. Долго, как показалось хозяевам застолья, очень долго, втолковывал переводчик иностранцу смысл посошка. А в это время ребята не

дремали и сообразили блюдечко с голубой каемочкой, куда поставили наполненную до краев рюмку водки и положили дольку апельсина. В спешном порядке доставили «посошок» к выходу, жестами показав гостю, что пить надо до дна: традиции и обычаи, дескать, у нас такие.

Выпил, а куда деться, ведь все равно не отвяжутся, пока не дождут. Передернулся - встряхнулся, зажевал фруктом...

До машины немца сопровождали под ручки.

2010 год.

Поздняя любовь Ивана Ивановича

Спиленная ель-вековуха пошла не в просвет между деревьями, куда пытались направить ее вальщик с помощником, а зацепилась за крону стоявшей впереди ели-сестренки, затем стала скользить по ее ветвям, приобретая при этом вращательное движение, с молниеносной отдачей назад. Падающее дерево всей своей мощью ударило торцевой частью по вальщику.

Очнулся Иван Иванович в поселковом медпункте, куда он был незамедлительно доставлен на лесопунктовском автобусе. Фельдшерица была категорична: «Я ему помочь ничем не могу, нужна операция, и, может быть, даже не одна. А ее, как известно должно быть вам делают в больнице. Нужно бы доставить его в райцентр, но травмированный лесоруб по нашим ухабистым дорогам не транспортабелен, тем более, что вы и так его уже чуть не угробили, везя из делянок по лежневке. Выход один - циалистов и здесь, на месте, принять необходимое решение».

А решение прибывших эскулапов было единственно-

верным - вертолетом санитарной авиации доставить пострадавшего от несчастного случая прямиком в областную больницу.

Более полугода провалялся Самохин в палате для «самых-самых», перенес несколько операций. Затем потихонечку пошел на поправку. Все эти дни возле него неизменно мыкала горюшко его верная супруга Мария, к тому времени вышедшая на пенсию, ставшая здесь и сиделкой, и санитаркой, и отчасти даже медицинской сестрой при нем. Скорее всего именно этот фактор и решил стоявшую перед Иваном Ивановичем дилемму в пользу жизни.

А когда Самохин потихонечку стал ходить, комиссия вывела его на вторую группу и из больницы выписала. Дома и стены помогают, да еще при таком-то уходе. В общем, через год вторая группа была заменена на третью, которая давала право на легкий труд. Иван Иванович устроился сторожем на складах ОРС-а. Пока Самохины проживались в областном центре, ведение домашнего хозяйства полностью взяли в свои руки их сын с невесткой. Мария теперь осталась как бы и не у дел: двух хозяек у одной печи не бывает. Лишенная всяких забот и хлопот, точнее выбитая из привычного образа жизни, она как-то сразу начала сдавать. Стали привязываться разные болезни и через год, совершенно спокойно, без нытья и стонанья, она отошла в мир иной.

Иван Иванович дома также не находил себе места. И рад бы что-то сделать по хозяйству, да сомнения возникали, а вдруг да не понравится это молодым, они ведь теперь всем заправляли. И стал отец в своем-то доме чувствовать себя чужим, чуть ли не иждивенцем-нахлебником. Жизнь такая тянулась почти два с половиной года, пока по весне не подвернулась стоящая и раза в два более оплачиваемая работа сторожем в лесосеке у местного, набравшего неплохие обороты, предпринимателя Васильева, выигравшего лесной аукцион и вставшего в этих кварталах надолго.

Поселковые парни и мужики довольны, наконец-то и им

нашлась подходящая работа. «Соскучившись» по деньгам, вкалывали так, что даже хозяин-предприниматель удивлялся. Со временем не считались, перекуривали редко, да и в котлопункте за обедом не засиживались. А уж когда получили первую, огромную по их меркам зарплату, совсем «озверели», работая на износ. К концу дня еле-еле ноги таскали. Но с утра, как заведенные, снова рвались в лесосеку. Иные даже ночевать здесь оставались, в обогревательных домиках места хватало. А и действительно, что дома-то делать? Там жены-хозяйюшки без дела не сидели и без мужней поддержки легко справлялись со всеми бытовыми проблемами: и дети обихожены, и скотина прибрана, и на огороде полный порядок. А ради только ужина да сна, никакого резона ежедневно ездить в поселок не было. Одно плохо - от смертельно устававших на работе мужей, их половинки ласки почти не видели, а иные из них по праву считали не соизмеримой компенсацию заработанными рублями любовных утех. Что ж, каждому свое, как говорится!

***

Делянки Васильева располагались километрах в десяти от поселка, неподалеку от Моисеева озера. Главное же для Самохина - не надо было тяготиться безделием в своем доме. На лесосеке ночью - он сторож, а днем помогал поварихе, исполнял легкие, но нужные работы по заданию мастера. Времени хватало и на рыбалку, благо озеро всего-то в 300 метрах от его жилой будки, и на охоту. Да ведь и грибы-ягоды в хозяйстве тоже неплохое подспорье. Домой в поселок он теперь приезжал редко, всякий раз привозя дары леса, а повидав родственников, да попарившись в баньке, тут же торопился обратно. А на самом берегу озера сварганил себе шалашик, где в теплые ночи любил подремать у костерка. Сторожевую же службу в это время нес верный кобелек Тобик, которого Иван Иванович привязывал к крылечку полевой столовой. Все тихо-спокойно - Тобик отдыхает, если

почует что-то неладное - лаем своим зовет хозяина на «рабочее место». Лето и осень пролетели незаметно. Зима навеяла было тоску, но и тут Самохин не сплеховал: выпросил у предпринимателя аккумулятор, а это и свет в его домике-жилище, и действующий радиоприемник, настроенный на волну «Маяка».

Баловался и чтением, поселковая библиотека еще функционировала нормально. В феврале-марте загуляли на своих свадьбах зайчишки-беяки, одуревшие от первых лучей солнца. Стреляй - не хочу, весь поселок можно зайчишкой обеспечить. Наступившая весна еще более вострепнула «новоявленного Робинзона». Небесное светило радовало своим теплом, отогревало прозябшее за долгую зиму тело. Гуси, утки на озере частые гости - бей сколько хочешь. Отличная рыбалка на своих прикормленных местах. Не жизнь, а малина, сплошной кайф. Только успевай радоваться.

Как-то поутру чистит рыбу Иван Иванович возле своего шалашика. В котелке уже водичка закипела, картошечка для ухи варится. Вкуснятиной приятной от специй напахивает, аж слюнки потекли. Послышались всплески на озере. Глянул Самохин - лодка прямиком к нему причаливает. За веслами - родственница его дальняя, Спиридониха из Завьяловского починка, что на той стороне озера на крутом берегу возвышается. По прямой до него отсюда с километр будет, а если по берегу идти, в обход топать, то верст восемь наберется.

- Ну, присаживайся к столику, Настя, сейчас ухи с тобой сладенькой похлебаем, посудачим о житье-бытье нашем, если не спешишь, конечно. Куда путь-дорожку держишь?

- А вот до тебя я и направились, дельце к тебе одно есть.

- Давай ешь-ешь, о деле потом поговорим, на сытый желудок.

- Да одно другому не мешает. Вопрос-то в общем деликатный, тебя напрямую касающийся.

- А я что-то не так сделал? Что случилось-то?

- Неладно ты Ваня живешь. Не обижайся только и не перебивай. Выскажу тебе все, а там уж ты рассуждать будешь. Бобылем ты Иванушко живешь, сам себя что ни есть обихаживаешь. А ведь без бабьего-то за тобой ухода, опустился ты. Глянь-ка на себя - бомж-бомжом. Ты сам-то, я понимаю, всем доволен. А со стороны бы поглядел на себя — ахнул бы. Ты, поди, и в зеркало-то не глядишься?

- Ну, уж слишком ты Настюшка наехала. Какой я бомж? У меня все есть, что мне нужно. Я не пью, не курю. Деньги в банке на счете лежат - не на что мне их тратить.

- Не перебивай меня! Скажу тебе, Ванюшечка, прямо: жениться тебе надо и жить домом, а не в будке обогревательной околачиваться. Есть у нас на починке Лена Судакова. Ей 32 года. Живет в своем доме одна, мужа - алкаша уж два года как выгнала. Разведена, детей нет, не завела из-за его непробудных пьянок. Работает почтальоном на семь деревень. Гляжу на вас обоих, и сердце кровью обливается. И тебя жалко, и ее. И ведь пара бы хорошая получилась, не раз я уж это прикидывала. Ты уж, Ванюша, извини меня, но я все продумала. Жить бы вы стали у нее. На работу и с работы ты на лодке, а зимой тропинку набьешь, с километр тут всего-то и будет.

- Мне ведь, Настя, за 60, она мне в дочки годится. Засмеют же люди. - Не засмеют, а, наоборот, поймут вас правильно. А потом еще и завидовать будут. Ты ведь на все руки мастер: и домишко ее подправишь, и пристройки подновишь. Всю мужскую работу она на себе тащит. Жалко бабу. А в делах и заботах и жить-то вам веселее будет. Я тебя, Ванюшечка, с ответом торопить не стану, время еще не ушло. А пока ее буду исподволь готовить, она ведь пока о моей задумке-то ничего не знает. А собой она неплоха: и личиком, и телом. Росточком как раз под тебя будет. Аккуратная всегда, чистюля, каких еще поискать надо. А возраст, Ваня, не помеха. Что-то мне кажется, что все у вас хорошо будет.

- Давай сделаем так: мне завтра надо на поселок сбегать,

дела кое-какие поднакопились. Подговорю ее мне компанию составить, тоже, поди-ка, какая потреба у нее там есть. В это же время мы на лодке к тебе приплывем. Ты ущицей нас угостишь, а сам к ней поприглядишься. Ей я пока ничего не скажу, чтобы не смущать заранее. А когда мы обратно из поселка вернемся, чайком нас угостишь, разговором каким-либо подзадержишь. А перед отплытием ты мне свой резон и скажешь, на ушко шепнешь, что мне делать: или готовить ее для тебя, или, коль не приглянется, не тревожить, не бередить ей душу. Сценарий, разработанный Спиридонихой, удался на славу. За ухой разговор потек как-то складно, почти по-семейному. Да и Самохин роль свою сыграл отменно. Елена, судя по всему, так ни о чем и не догадалась. Понравилась она ему с первых же минут знакомства, разговор вела как с давним другом легко и непринужденно. На приглашение-закидушку, приезжать к нему в любое, удобное для нее время, шутя ответила: «А что, я баба бедовая, я и среди ночи смогу к Вам приплыть. Чем только угощать будете?».

- Угощение добыть - не проблема, только дайте, Лена, знать, когда Вас ждать - ожидать.

- Похоже вы про меня-то совсем забыли, чать лишняя я тут? - прикинулась обиженной Спиридониха.

Когда под вечер провожал гостей Иван Иванович, он заметил, что нет-нет да и бросала на него украдкой изучающий взгляд Елена.

- Ох, и хороша баба, - шепнул Иван на прощание Насте, - действуй!

***

- Знать не так уж я и плох, - размышлял позднее Самохин, - положила на меня глаз Лена-Елена, приглядывалась, что-то для себя решая. Теперь дело все за родственницей, а она баба в житейских делах опытная — не подведет. После знакомства сам не свой стал Иван Иванович, с тревогой ожидал резона с того берега озера. Лена понравилась ему, все думы теперь

были только о ней. В напряженном ожидании прошел день, затем другой еще, и еще... Сколько ни вглядывался в озерную даль Самохин - лодки не было видно. И радостное ожидание вдруг сменилось хандрой, горькой и тяжелой.

- Знать не судьба, - размышлял он, - ишь, раскатал губищу на молодницу, теперь сворачивай ее обратно. Не решилась, видимо, со стариком свою судьбу увязывать. Женщины — они мудрые, далеко вперед свою жизнь просматривают и соответствующие планы строят. Может мне и жить-то лет пять осталось, а потом что? Опять ей в бобылках ходить? Она это прекрасно понимает. А кратковременное, мимолетное счастье ее может устроить? Вряд ли. Потому и нет ответа из-за озера.

- А не попариться ли мне в баньке? Не развеять ли в ней, родимой, печаль-тоску. Баня от всех недугов хороша, в том числе и от житейских неурядиц спасает-лечит. Заодно и сынка с молодницей проведу, - размышлял Иван Иванович, - продуктами запасусь.

С утра, сдав мастеру базу в целостности и сохранности и пообещав к вечеру вернуться, окинув взглядом озеро, Самохин с груженым лесовозом отбыл в поселок. День пролетел незаметно, правда и сделано было немало. Даже в библиотеку успел сходить, взял несколько легко читаемых детективов - надо же чем-то вытравлять свое горюшко.

После жаркой доброй баньки в хорошем настроении с попутным бензовозом вернулся Иван Иванович в лесосеку. Возле котлопункта его остановила повариха и, хитро поглядывая, с усмешечкой, дескать, знаю-знаю какой ты шалунишка, тихонечко прошептала: «Там, в шалаше, тебя краля- красавица ожидает. Просила о ее приезде никому не говорить, во избежание различных слухов». Краска мгновенно залила лицо Самохина: «А и правда, Маша, ты никому о ней не говори, вопрос весьма деликатный и для меня очень серьезный».

- Я-то смолчу, да ведь, Иванушко, шила в мешке не утаишь.

К тому же и не резон тебе с нею прятаться — чать не маленькие. Если уж решился на такое, так бери быка за рога сразу — живи с ней домом-семьей. А то, ей Богу, жалко, порой, на тебя смотреть бывает, этак и в бомжи не долго скатиться.

Опрометью бросился Самохин на берег озера. А сердце стучит-колотится в ожидании резона.

- С чем же приехала Лена-Елена? - размышлял Иван Иванович. - С плохой для меня вестью вряд ли бы она сама приплыла, скорее всего послала бы Спиридонику. Значит, дело на мази. Ай да Настя-Настюшка, хорошей ты свахой оказалась.

- Хорош хозяин, нечего сказать, я к нему в гости, а он от меня на поселок убежал. Испугался, что ли?

- Да нет, в баньке давно не парился, решил душу отвести. Да и заждался я тебя, ведь обещала приехать хоть в ночь-за полночь. Так ведь было-то? Или пошутила тогда перед отъездом? - Нет, не шутила я тогда, Иван. Ты мне сразу приглянулся. А Спиридонику уже в лодке начала меня обрабатывать. Все про тебя рассказала. Уж так она тебя расхваливала, так расхваливала — прямо до небес вознесла. А потом как бы и предложение от тебя сделала. Я вот несколько дней подумала, да и решилась приехать к тебе. Не осуждаешь?

- Что ты, Лена, что ты. Я, наоборот, рад твоему приезду, помолодел даже, - засмеялся Самохин.

- В общем так: заваривай уху, кипяти чай, а я пойду отправлю бригады домой, закрою все на замки, привяжу Тобика и через часик вернусь.

Разговор за ухой, да за чаем затянулся допоздна.

- Ой, а как же я в потемках-то поплыву обратно? - как показалось Ивану, притворно встрепенулась Елена.

- Ночуй на базе, я тебе будку открою, там тепло, комаров нет. А я здесь, в шалаше, перекантуюсь, мне больше здесь нравится, свежий воздух на хвое настоящий, сеном пахнет.

Рай да и только.

- Тогда и я с тобой, не прогонишь? - с неожиданной для Ивана решительностью подытожила она. - Не сочтешь меня нахалкой?...

Все случилось-получилось легко и просто, как будто они не в первый раз встретились тет-а-тет, а были давным-давно знакомы.

Покатались дни за днями: утром, ранехонько, она уплывала на починок, а вечером, в сумерках, возвращалась к Ивану.

- Вот так медовый месяц у нас, не хуже, чем у молодых, - размышлял Самохин, - однако, скоро осень наступит, надо что-то делать-решать. Пришла пора определяться в отношениях окончательно.

Об этом он и сказал Елене перед очередным ее отъездом в Завьяловский.

- Вечером вернусь, все и обговорим, - ответила она. Напрасно ждал ее в этот вечер Иван Иванович — не приплыла. И ни завтра, ни послезавтра не появилась. Лишь спустя несколько дней, на закате, в лучах заходящего солнца, выплыла ее величество «Афродита» и, едва ступив на берег, обняв встречавшего ее Самохина, на ушко прошептала: «Ванечка, а у нас ребеночек будет».

- Точно, не обманываешь? - взволновался Иван, - может показалось?

- Разве женщина в таких делах ошибается? - зарделась в смущении Лена. - А может ты и не рад? - обиженно поджав губки, пролепетала она.

- Да как-то неожиданно, стать отцом в 63 года, тут надо с тобой, Леночка, хорошо все взвесить, обдумать.

- А что тут думать-то? Я буду рожать, так что, смирись с этим и готовься к отцовству.

- Хорошо, хорошо, милая ты моя, все сделаем так, как ты хочешь.

Всю ночь они обсуждали дальнейшие свои действия.

Наметили, что сделать сейчас, что позднее. С тем и уплыла Елена на починок.

И снова пропала. На сей раз надолго. Да, Лена не появлялась уже без малого три недели. Все передумал Иван за эти дни, пытался понять, что же там с нею могло случиться. Травмы, болезни он отбрасывал, Спиридониha бы приплыла, сообщила. Настя - лицо заинтересованное, ведь она же свела их, и будет делать все возможное, чтобы этот, пока еще хрупкий союз, не распался. Значит, произошло что-то неординарное, коли ни та, ни другая сюда не едут. Самому же плыть в Завьяловский не резон, да и с какой стати. К тому же, набиваться к кому-то, по любому поводу, было не в его правилах.

- Что ж, поиграла, видимо, со мной, потешилась, да и решила на этом точку поставить, что со старика возьмешь? - размышлял он. - Только вот зачем с ребеночком-то поздравляла? Опять же, с одной стороны, дите ей будет в радость, своя кровиночка. А с другой стороны - зачем я ей? Старый, битый жизнью, и в прямом, и в переносном смысле. Скорее всего, она понимает, что счастье наше, если оно еще случится, максимум пять лет протянется, не больше, а там я ей обузой стану. То, что жена моя Мария выдержала, ей не потянуть, молода еще, и в ее ли возрасте превращаться в ближайшем будущем в сиделку при тающем на глазах беспомощном старике.

И все же Иван Иванович еще на что-то надеялся, с озера практически не уходил, в родном поселке за это время ни разу не побывал, боялся, что вот уйдет, а она в это время возьмет, да и приплывет со своими объяснениями. А коль его не застанет на месте, вернется ни с чем назад, а там опять потянутся неделя за неделей.

Нынешняя ночь выдалась напряженной. Тобик время от времени принимался лаять, затем затихал. Видимо кого-то чувствовал: то ли воришка какой хотел попромышлять, то ли зверь наведывался. На каждое собачье предупреждение

вылезал сторож из шалаша, вскидывал на плечо ружье и делал круговой обход, и, ничего не обнаружив, возвращался обратно. Пять раз поднимала тревогу собака и лишь на рассвете успокоилась. Когда в лесосеку приехали рабочие, Иван Иванович поделился с мастером ночными тревогами. С ним же вместе осмотрели все хозяйство и, успокоенные отсутствием криминала, разошлись. Попив в столовой чайку, поспешил Самохин к своему шалашу досыпать.

Чуток сон у сторожа. Проснулся он где-то через час от весельных всплесков и скрипа уключин. В его владения плыла лодка. Заныло сердце Ивана Ивановича, когда он увидел ссутуленную фигурку Лены, как-то не в лад шлепавшей веслами по воде. Внезапно охватившая тревога парализовала все его действия. Сидел как истукан на бревнышке, боясь пошевелиться, молча наблюдал за приближением утлого суденышка.

- Ну, вот и конец моему счастью, - пронеслось в голове, - вот он последний удар, который нанесет мне сейчас подруга, а дальше жизнь потеряет всякий смысл.

И такая пустота образовалась вдруг внутри него, такое ко всему безразличие...

- Ванечка, я приехала попрощаться с тобой, - выпалила Лена одним духом, когда сошла на берег. И, не давая Самохину слова вставить, продолжила: «Я ведь неправду тогда тебе сказала. Ребеночек-то у меня не твой будет. Не хочу с обмана жизнь с тобой начинать совместную, а, значит, лучше сразу же нам расстаться. Не смогу я тебе прямо в глаза смотреть. Да и тебе к чему чужого дитя-то воспитывать».

- Да что случилось-то, толком объясни? - встrepенулся Иван Иванович, - плетешь, не знаешь и что.

- Муженек-то мой прежний, то ли догадался, то ли еще как-то узнал, что Спиридониха нас с тобой сводит, а посему захотел мне, видимо, отомстить, решил меня счастья нарождающегося лишить. В первую же ночь, как мы с Настей от тебя приплыли, он втихаря забрался в мой дом. Он ведь все

завертушки-повертушки и щеколды с крючками знал как бесшумно открыть, чать три года-то со мной не зря прожил. Прокрался потихонечку к кровати, зажал мне рот ладонью, чтобы не кричала и сделал свое мужское дело. А потом, когда все случилось, пригрозил, что если буду шум поднимать и жаловаться, ославит меня на всю округу, что с двумя мужиками одновременно якшаюсь. И всю-то ноченьку мучал меня. Назавтра опять пришел, уже открыто, потом еще. А затем уехал на «шабашку», сказал, что надолго. Я сразу же к тебе поплыла. Решила молчать, никому о Митькином насилии не говорить, и в первую очередь тебе. Отдалась тебе легко и сразу, чтобы сроки беременности соблюсти, чтобы не говорили потом с намеками и ехидцей, что я рановато родила. А когда поняла, что забеременела, поспешила тебя порадовать, почему-то казалось, что я от тебя понесла, а не от Митьки, ведь дети-то зачинаются и рождаются только в любви. Позднее засомневалась в этом, а потом и вовсе разуверилась. Вдруг родится ребенок не на тебя, а на Митьку похожий - скандал выйдет на всю округу. Да и ты не простишь, подумаешь, что я вертихвостка последняя. Три недельки думала, Ванечка, как быть, как лучше сделать, и надумала вот что: надо нам расстаться навсегда. Ты ведь если и простишь меня, подспудно все равно будешь думать о том, что не силой он взял меня, а я тебе изменила, не успев полюбить по-настоящему. Да и сама я не смогу с тобой жить, чувствуя себя перед тобою виноватой. Если бы он, Митька-то, молчал - еще пол-беды было бы. А то ведь он по-пьянке своим дружкам о тех ночных ко мне визитах разболтал, теперь вся наша округа, наверняка, об этом знает. Так что, пока мы с тобой друг к другу крепко не привязались, давай порвем все наши отношения.

Так и не смог прийти в себя Самохин, стоял как истукан, не мог даже слова вставить, так он был ошарашен тирадой полюбившейся ему женщины.

- Прощай, Ванечка, навсегда, и, пожалуйста, не приезжай

ко мне, не береги мою душу. Не склеить нам по Митькиной вине сломанного. А ребеночка я и одна воспитаю...

В одно мгновение, не дав Ивану Ивановичу опомниться, она забралась в лодку и, оттолкнувшись от берега, поплыла в свой Завьяловский.

Всплески весел и скрип уключин все тише и тише. А вот уже и лодка исчезла в туманной дымке...

***

Прошел год. Потеряв последнее, чем на закате жизни одарила и отблагодарила его судьба, Самохин сник, надломился. Его уже больше ничего не интересовало. С работой он расстался. К чему ему теперь деньги? Хватит и пенсии на вполне сносное житье-бытье. Перебрался Иван Иванович в свой дом, но и там вел пустую, никчемную жизнь, ни во что не вникая, не путаясь под ногами у сына с молодницей. Втихую начал попивать, компании, правда, не водил. Одна отрада - телевизор. Возьмет пивка, глаза в телевизор уставит и кайфует.

Навестившая Самохиных Спиридониха, в беседе наедине с Иваном Ивановичем, поделилась последними починковскими новостями.

- А ведь дочка-то у Елены твоя, сама видела, в самохинскую породу пошла. И Ленка-то рада-радешенька, что не Митькин ребеночек родился. Любила и любит она тебя, Иван. Может сойдетесь? Ты ведь тут лишний, ни сыну, ни его жене не нужен. Подумай хорошенько... Прошли-пролетели еще пара месяцев. Как-то, позавтракав, как обычно, устроился Самохин в уютном кресле, открыл бутылочку «Жигулевского», включил любимый сериал и «балдел», наслаждаясь теплом, тишиной и покоем в доме.

В дверь постучали. Иван не шелохнулся, мало ли кто из соседей заглянул на минутку. Но, до боли знакомый голос заставил соскочить Самохина с кресла.

- Ванечка, а я ведь за тобой приехала...

Круиз на халяву

Жизнь в здании администрации Старовского леспромхоза в предновогодние дни шла привычным, будничным порядком. В отделе механиков ломали голову над тем, как продержат лесовозную технику в оставшиеся дни декабря в исправном состоянии, чтобы не сорвать план вывозки хлыстов на нижние склады. Производственники в очередной раз по всем видам связи «накачивали» начальников лесопунктов, чтобы те ни в коем случае не выбились из намеченных графиков. Коллектив планового отдела, как и подобает мозговому центру предприятия, готовил программу на оставшуюся декаду, с учетом предшествовавшего отставания по всем видам производственной деятельности леспромхоза.

- Ребята, дайте мне 100,1% по вывозке древесины и разделке ее на сортименты, - напутствовал Григорий Петрович Маслов - начальник планового отдела инженеров-производственников, - остальное за мной. Будут вам и премии, и все прочие блага.

Кончались месяц, квартал и год, шли самые напряженные, самые ответственные для производства дни. Чуть ли не ежечасно, кто-нибудь из «Обллеспрома» названивал в управление ЛПХ, интересовался положением дел, запрашивал прогноз и графики на оставшиеся дни, требовал подтверждения выполнения намеченных итоговых показателей.

Инженер-экономист Лещев, недавний выпускник института, пожалуй, единственный из всего коллектива, не участвовал в этой гонке за выполнением его Величества плана. Перед ним была поставлена иная задача: на основе

спущенной сверху годовой программы предприятию на предстоящий 198... год, он делал разбивку планов по кварталам и месяцам в разрезе лесопунктов, по всем основным производственным показателям. Владимир Иванович очень любил свою работу, отдавался ей полностью, готов был сутками напролет считать, считать и считать. Ему вся деятельность леспромхоза виделась только в цифрах, как впрочем, у кадровиков - в людях, у механиков - в технике, у производственников - в кубометрах. Строгие колонны и шеренги цифр, разделенные, как в армейском полковом строю на батальоны, роты, взводы и отделения, а у него по заготовке, вывозке и раскряжевке, а также - по сортиментам, и представляли его детище — разбитый по лесопунктам годовой план работы ЛПХ. И если, думалось Лещеву, удастся сохранить этот строй цифр, если не сомнут его непогода, плохое снабжение, неожиданные поломки техники и прочие непредвиденные обстоятельства — будущее предприятия будет безоблачным, ибо план был вполне реальным.

- Владимир Иванович, - в приоткрытых дверях показалась голова секретарши Анечки, - Вас срочно просит зайти главный инженер.

- Иду, иду-у-у, - неохотно отрываясь от бумаг, пропел Лещев, - иду-у-у. Скажи ему — сейчас буду.

- Срочно, срочно, Владимир Иванович!

***

В кабинете главного инженера собрались все начальники отделов, руководители служб, в общем, главные лица управления леспромхоза.

- Владимир Иванович, - с ходу начал Дмитрий Дмитриевич, - Вы уже в курсе, что на следующий год мы намереваемся организовать вывозку хлыстов в соседнюю область на их деревообрабатывающий комбинат. Это в дополнение к тому, что мы вывозим на плотбище. Договоренность на уровне обллеспромов достигнута, между

нами и их предприятием - тоже. Осталась самая малость - согласовать с дорожными службами и отделениями ГАИ в трех их районах пропуск нашей лесовозной техники по их дорогам. Необходимо в каждом райцентре подписать вот эти бумаги у гаишников и дорожников, а в случае неувязки хотя бы в одном из районов, выехать в Древнегорск - их областной центр и прорешать этот вопрос с областными службами. Выехать придется Вам, Владимир Иванович, остальные инженерно-технические работники завязаны на выполнение плана. Завтра все они разъедутся по лесопунктам до самого Нового года. Больше мне послать некого.

- Но..., я ведь не специалист по дорогам, а в гаишных делах — вообще профан, что я там смогу решить?

- А решать Вам ничего и не нужно. Вот Вам восемь документов с запросами: по два в каждый район и в областной центр. Нам нужна виза каждого из восьми руководителей.

- Но, ведь в случае отказа кого-либо из них, нужно будет настаивать на положительном для нас решении данного вопроса, доказывать, а я, повторяюсь, в этих делах «некопенгаген».

- Твоя задача - получить визу, доказывать ничего не надо, только получить визу, визу любую, закрепленную подписью и печатью. Что напишут - то и ладно, а мы здесь будем решать, что дальше делать.

- Так может быть, лучше для такой цели обычный курьер сгодится, у меня все-таки своей работы много. Да и что я пустышкой безмолвной поеду, меня там за дурачка сочтут.

- Владимир Иванович, Вы же мужчина, ну неужели нам Марию Ивановну, старушку посылать? Тем более, что вопрос уже решен, командировочное удостоверение выписано, возьмите его у секретаря. Надо ехать.

- А как с транспортом? И когда выезжать?

- Завтра на моем «УАЗ-е» доедешь до Захаровского лесопункта, а там, начальник уже подготовил тебе автобус, на

нем ты и объедешь все восемь организаций. Проще некуда. Короче говоря, предстоят тебе, в худшем случае, двухдневные предновогодние каникулы, а может и за сутки обернешься. Отдохнешь от забот и хлопот. Съездишь, посмотришь, как наши соседи живут. «Круиз на халяву», одним словом. Радовался бы - в тепле, с комфортом прокатишься. Другим же инженерам план «толкать» придется, в лесосеках, да на нижних складах мерзнуть.

***

Вечерний звонок главного инженера обескуражил Лещева, тот отказал ему в обещанном «УАЗ-е», мотивируя сей инцидент срочным вызовом в областной центр.

- Началось... - бранное словечко сорвалось с уст молодого экономиста...

В полупустом непрогретом рейсовом автобусе два часа трясся Владимир Иванович до Захарова. Злесь его ждало очередное разочарование: начальник лесопункта категорически отказался выделить автобус.

- Мне не на чем людей в лесосеку возить, а Вам персональный автобус подавай. С меня в первую очередь план спросят, а не результат Вашей поездки.

- Но, ведь главный инженер мне обещал...

- Они все обещают, а с нами не особо-то советуются. Нет у меня автобуса - все в лесосеке. Поняли? Затем миролюбиво добавил: «Не отчаивайтесь. Специально для Вас задержал «МАЗ»-заправщик. На нем Вы доберетесь до лесосеки. Оттуда на груженом хлыстами «КрАЗ-е»-лесовозе поедете в направлении плотбища, доедете до пересечения с магистралью, до так называемых «крестов». А это шоссе и связывает все три необходимые Вам райцентра. По этой магистрали наше руководство и намеревается возить древесину в хлыстах «Шабаньядреву». От перекрестка до ближайшего райцентра Плавнино, первого в Вашем списке, - семь километров. Махнете туда на попутке, или пешком, а

потом, когда решите там все вопросы, уже рейсовым автобусом (они там ходят часто) доберетесь до оставшихся райцентров. Из Шабаньи в область — на пригородном поезде. Это все, что я смог для Вас сделать».

- А обратно-то как? - тоскливо промямлил Лещев.

- А обратно - так же. Поездом - до Шабаньи, оттуда до «крестов» на плавнинском рейсовом автобусе. На перекрестке подождете порожнего, обратно возвращающегося лесовоза. В общем, маршрут все тот же, только в обратном направлении.

- А если мороз «стукнет» под сорок градусов, и ваши «КрАЗ-ы» не пойдут? Что, замерзать мне на этом перекрестке проклятом?

- Лесовозы, я Вам гарантирую, все эти дни будут ходить на плотбище, как часики, пока Вас не вывезут. Вы не расстраивайтесь, интервал у них в дневное время всего час-полтора - замерзнуть не успеете.

- Нет, я так не согласен - буду звонить главному инженеру, и откажусь от поездки.

- Кому звонить? Главный до конца недели будет в «Обллеспроме», а на директора выходить не советую, себе дороже будет. Он семь шкур с Вас потом спустит. Так что, езжайте, удачи Вам!

***

Груженный под завязку лесовоз стоял возле котлопункта. К нему-то и подъехал «МАЗ»-заправщик.

- Задержали специально для меня, - не без гордости за свою персону подумал Лещев, заходя в вагончик, чтобы подкрепиться перед дорогой.

- А-а-а, Владимир Иванович! - Так это я Вас здесь ожидаю? Ну, что ж, пообедайте - и в путь-дорогу.

- Сколько до «Крестов» проедем?

- Часа два прокачаемся, если в пути не сломаемся, магистраль неважная.

- Тут не только сломаться, рассыпаться можно. Честно скажи, сколько же кубометров нагрузил, Вячеслав, на своего «КрАЗ-а»? - Похоже, раза в полтора допустимую норму перекрыл, да? Напасись на вас техники. Хоть бы резину пожалели, сколько уже на выстрел колес хлопануло.

- Кубометров 35 будет. Я бы и больше погрузил, по точковке у меня иной раз и по 40 было, и даже как-то 44 намеряли. Да не знал, что Вы со мной поедете, думал, прикатит какой-нибудь хлюст с гонором, есть у вас в конторе такие, а потом лишат меня премии за перегруз.

- Так ведь и я могу докладную на имя директора написать.

- Вы не из таких.

Пятьдесят километров с разговорами пролетели незаметно. Впереди замаячил знак, указывающий на пересечение с главной дорогой.

- Довез бы я Вас, Владимир Иванович, до самого Плавнина, да там гаишники нас, чужаков, не особо-то привечают, придираются ко всему, а лесовоз у меня надлежаще не оборудован, да и перегруз налицо, сами заметили. Отберут права - лишат меня заработка. Уж извините. А то, подождите в кабине попутку - все в тепле. Задержка в полчаса-час для меня пустяк - наверстаю.

- Спасибо, Славик за заботу, но кто знает, когда попутка подойдет. Может полдня проторчим. Семь километров - ерунда, я на ногу скорый - за час добегу, да и мороз стоять не даст, подгонять будет.

***

В контору к плавнинским дорожникам Владимир Иванович попал в обеденный перерыв. За столом сидел осоловевший от выпитого, неопрятного вида мужчина.

- Вам кого? - еле ворочая языком, пролепетал он.

- Да мне бы начальника надо.

- Зачем? Может я решу Ваш вопрос, я здесь мастером работаю.

- Мне нужно подписать вашим начальником документ о разрешении проезда наших лесовозов по дорогам вашего района.

Мужик оживился, крикнул.

- А ты откуда, парень?

- Из Старовска.

- Выпить хочешь?

- Нет, я на службе не употребляю, в командировке тем более, да и ехать мне надо дальше.

- Ну, что ж, с вас лесовоз дров и никаких препятствий не будет, я Вам твердо обещаю. Сегодня лесовоз дров, сегодня и подпись, через неделю лесовоз - через неделю подпись.

- Я не уполномочен решать подобные вопросы, обещать дров не имею права, мне нужна виза вашего начальника. Когда он будет?

- А его может и не быть, - мастер выразительно щелкнул пальцем по подбородку, - он принял немного и ушел отдыхать.

- Позвони ему домой, не буду же я жить здесь неделю.

- Звонить не буду, не велено.

- Тогда я в райком пойду и скажу, чем ваш начальник в рабочее время занимается. Вместе с тобой, естественно.

- Но, но, ты не пугай, а то враз рога обломаю. Ишь, выискался, едешь с просьбой, в ноги падать должен, а ты еще права качать начал.

- Я не шучу, иду сейчас в ГАИ, прорешаю там свой вопрос. Вернусь, если шефа твоего не будет - пойду в райком.

В ГАИ проблем не было, «добро» дали сразу, при условии соответствия лесовозного автомобиля требованиям правил дорожного движения. Виза, роспись и печать, как и требовалось, мигом появились на леспромхозовском ходатайстве.

- С почином, - мысленно поздравил себя Лещев, направляясь обратно к дорожникам.

Начальник ДСУ восседал за своим столом, подперев рукой голову. Оглядев Владимира Ивановича с ног до головы, и, видимо, не найдя причин для беспокойства, недовольно пробурчал: «Чего людей пугаешь? Я вот тебе покажу райком, сдам сейчас в милицию, там пусть выясняют, что ты за хлюст такой».

- Я только что оттуда, из милиции. Кто я, там уже знают. Привет тебе от гаишного старлея и его к тебе пожелание — поставить положительную визу.

Последнее, естественно, Лещев добавил от себя. Для понта.

- Не могу.

- Почему?

- Областное начальство не разрешает. Дорога строилась для сельчан, под их легкий транспорт, ваши «КрАЗ-ы» в момент выведут ее из строя.

- Мне нужно лично Ваше мнение, а не мнение областников.

- А мне, что, жалко что ли? Хоть подпишу, хоть не подпишу - ваши лесовозы все равно по этой магистрали ходить не будут. Повторяю, областники не позволят.

- Не возражаю, при наличии разрешения облавтодора, - такая виза, скрепленная печатью, Лещева, в принципе, устраивала и он, несколько успокоившись, направился на автостанцию.

***

Чуть более получаса езды на рейсовом автобусе, райцентры находились всего в тридцати километрах друг от друга, и в четыре часа Лещев уже открывал двери Вашугского ДСУ.

Пожилой, старой закалки начальник-практик, выслушав Лещева, ответил четко: «На себя ответственность брать не желаю, позвоню областному начальству».

- Типичный, полуграмотный производственник, подумал Владимир Иванович, - сам ничего не решает, работает только по указке.

- Глубинка - глубинкой, а связь здесь лучше, чем у нас налажена, моментально соединили, - удивился Лещев, прислушиваясь к разговору «деда» с областным начальником.

- Ни в коем случае, никаких разрешений, - гремела мембрана.

- Слышал? - строго спросил начальник.

- Слышал. Поставь соответствующую визу.

- А зачем тебе визы. Ты же сам слышал. Константин Сергеевич не разрешил.

- Я - человек командированный, подневольный. Как я буду отчитываться перед своим директором, на словах что ли?

- Ладно, давай бумагу.

Коряво, неграмотно написанная отказная виза начальника-практика появилась на третьем леспромхозовском запросе. Роспись свою ставил медленно, как бы красуясь, с чувством гордости за свою должность, за оказанное ему начальством доверие.

- Теперь печатью скрепите.

- На филькины грамоты печати не ставятся — это, во-

первых, а во вторых, у меня печати нет, она у бухгалтера, а та уже домой ушла, - начальник приосанился, «рос» прямо на глазах, надменно глядя на Лещева.

- Из грязи, да в князи, - подумал Владимир Иванович, - бездарь неграмотная, а себя за пуп земли считает.

- Ты пойми меня, дед, как на меня наш директор посмотрит. Твою визу без печати я мог бы и дома сделать, сосед подписал бы мне за тебя, руководство наше не знает твоей фамилии. Могли бы и от имени какого-нибудь, к примеру, Сидорова, визу сделать. Все дело в печати. Есть на ходатайстве печать вашего ДСУ, значит, был я в вашем Ващуге, нет печати — значит не был. Неужели тебе непонятно?

- Ладно, треугольная, коей талоны на бензин проштемпелевываем, устраивает?

- Ставь хоть и ее, там вроде есть название вашей конторы?

- Есть.

Мощный выдох на печать, звучный шлепок — гуляй командированный дальше.

- А Константину Сергеевичу на глаза не советую казаться, по этому вопросу он тебя и на порог своего кабинета не пустит.

- Не трухай, дед, - пробьемся, - Лещеву явно хотелось осадить начальника, - еще и визу с твоего Константина положительную сполощу. Посмотрим, какими глазами ты на нас потом смотреть будешь, когда наши лесовозы побегут по вашим дорогам. А я к тебе специально заеду, и вот эту твою отказную бумажку тебе под нос суну, может стыдно тебе тогда будет. Твой коллега из Плавнино положительно решил нашу проблему, а ты перестраховщиком оказался.

- Покажи-ка его визу-то, поди, с пьяных глаз писана, -

перешел в наступление дед, - дождется он вицы от Константина Сергеевича.

- Не могу показать, это производственная тайна, - парировал наскок деда Владимир Иванович, - до свиданьица.

В Ващугском РОВД шло партийное собрание.

- Я из соседней области, по срочному заданию, мне нужен начальник отделения ГАИ, - решительно выпалил Лещев дежурному милиции, достав для достоверности командировочное удостоверение и паспорт.

- Сейчас вызову, - не спрашивая ни о чем, и не заглядывая в документы, ответил лейтенант, и тут же направился в зал.

Процедура подписания не заняла и пяти минут. Проблема для ГАИ одна — соответствие лесовоза правилам дорожного движения. Больше их ничего не интересовало.

***

В последний райцентр - Шабанью Лещев приехал около 22 часов, и сразу же направился в гостиницу.

- К сожалению, одноместные номера заняты, двух - тоже, у нас сессия райсовета на завтра назначена. Могу только в пятиместку втиснуть, есть местечко. Так что уж не обессудьте, - пропела сердобольная старушка-администраторша.

С великою тоскою перешагнул порог семнадцатого номера Владимир Иванович. Вокруг стола сидели четверо раздевшихся до маек мужиков с красными, налитыми водкою физиономиями.

- А-а-а, вот и пятый, - радостно пропел сидевший лицом к двери средних лет мужчина, - двигай к столу, хлопни стаканчик — и в лавку. Придется тебе бежать, как вновь прибывшему. Вступительные, брат, с тебя, ну, а мы добавим немножечко тугриков - ночь наша.

- Какая лавка, Степан, - одернул его другой компаньон, - поди уж полночь на дворе.

- Тогда в ресторан пусть заглянет.

- Я не пью, - решительно выпалил Лещев.

- Может и не куришь, и по бабам не ходишь? Святой что ли?

Владимир Иванович не счел нужным продолжать бестолковый разговор, и направился к свободной в углу кровати.

Возникла непродолжительная пауза, затем Степан, как бы с обидой высказался: «Тогда на хрен в такую общагу селился, брал бы люкс?».

- Нет люксов, вообще мест нет. К вам еле-еле впихнули.

- Какими судьбами?

- По линии ГАИ.

- Милиционер, что ли?

- Считайте, что так, - твердо поставил голос Владимир Иванович, - мне завтра рано вставать, я спать ложусь.

Идя по коридору к умывальнику, услышал брошенное кем-то из собутыльников в сердцах: «Ну, мент поганый, такой вечер испортил».

Вслед за Лещевым, без особого желания, потихоньку стали заваливаться спать и мужики.

***

Настроение у шабаньинского начальника ГАИ было прекрасным.

- Проблем нет, дам вам добро, но чтоб по лесовозам все было чики-брики: и увязка, и чтоб хлысты не свисали с коника сверх положенного. Я не говорю об исправности самих лесовозов и квалификации водителей. Будут хлысты или сучки торчат - заставлю зубами обгрызать их. Так что,

передай своим лесовозникам - пусть все топоры с собой возят, иначе зубы обломают об древесину. Для наглядности могу показать одного нашего «красавца», пойдём-ка на площадку, к случаю он пригодился. Представляешь, до чего обнаглели «водилы»: везет нам в РОВД дрова в хлыстах, а посему считает, что ему, в связи с этим, все позволено. Увязки нет, вершины длинные, прыгают, как на батуте, сучки и те не дообрублены. Номерной знак на одном болте держится. В общем, полный букет нарушений. А поглядел бы ты на самого замазурика, диву дался бы. Одно слово - «Камбоджа». На всю вытянутую я его штрафанул, права, правда, вернул, пацан еще жалковато его стало. А вот начальнику его и механику тоже штраф выпишу, чтобы следили за своей шоферней.

- Где у вас ДСУ? Мне с дорожниками нужно прорешать эту же проблему с беспрепятственным пропуском нашей техники.

- Долго объяснять, да и тебе плутать придется. Садись-ка лучше в «УАЗ», в момент доставлю.

***

- Конечно, как дорожник, я не должен бы давать тебе «добро», слабоваты наши дороги, - начал начальник ДЭУ, - но позиция руководства «Шабаньядрев», как депутату райсовета, мне ближе. Они «задыхаются» от нехватки сырья, постоянно срывают планы, следовательно и наш город, да и район в целом живут хуже. Ваша древесина нам очень нужна, как та капля живительной влаги. Так что, давай свою бумагу.

- Пять положительных виз, одна отказная, - разложил бумаги Лещев, придется мне ехать в ваш областной центр.

- Не завидую Вам, Владимир Иванович, ох как не завидую. Константин Сергеевич, мне кажется, будет непреклонен. Даю сто к одному, что он Вас даже в кабинет к себе не пустит, знаю я его характерец. Тем более, что Бархатов из Ващуга его уже настроил против Вас. После того,

как Вы уехали от него, он еще раз позвонил Константину Сергеевичу, а затем предупредил и меня, о Вашем приезде, не советовал ставить положительную визу Называл Вас и наглецом, и вымогателем, и обманщиком, дескать, в Плавнине пьяного начальника «объегорил». Ну, да ладно, пусть это на его совести останется. Вижу, мужик ты хороший, так что, желаю удачи в Древнегорске.

***

Областной центр встретил Лещева крепким морозцем, аж из вагона выходить не хотелось. Однако, время подгоняло, ведь около 15 часов нужно было выезжать обратно, иначе торчи здесь без угла, без денег еще сутки.

Областное УВД Владимир Иванович нашел быстро. Решил начать с самого большого начальника, как учили его руководители леспромхоза.

- Заходи к хозяину заведения, а тот направит куда положено, - напутствовали его перед поездкой.

Однако, секретарша начальника УВД, прочитав ходатайство руководства леспромхоза, направила Лещева этажом ниже, непосредственно к начальнику отдела ГАИ. Майор «спустил» его еще этажом ниже, к курирующему восточные районы капитану. Тот действовал строго по ПДД. Виза была тут же написана, за подписью пришлось подняться к майору, за печатью - к секретарю. Весь процесс занял чуть более получаса.

Предстояло самое трудное, самое сложное, самое неприятное - встреча с хозяином древнегорских дорог, Константином Сергеевичем, представлявшимся Лещеву таким монстром. Виделся он ему здоровенным детиною, грозного вида, от одного только взгляда которого, непроизвольно должны были трястись поджилки.

Заходя в его приемную, Владимир Иванович невольно вспомнил Бога, мысленно попросил его помочь положительно

решить вопрос, хотя это его в принципе и не обязывало. Во всяком случае, желание хотя бы поспорить с неприступным, непробиваемым начальником, непререкаемым древнегорским авторитетом, у Лещева было. После встреч в районах с его подчиненными, он уже вошел в раж.

- Мне к Константину Сергеевичу, - решительно атаковал он секретаршу, направляясь прямо к заветным дверям.

- Минуточку, молодой человек, минуточку, Вы по какому вопросу?

Лещев приостановил свое движение, объясняясь с секретаршей, а та, видимо не раз побывавшая в таких переделках, ловко обошла командированного и грудью заслонила дверь кабинета хозяина.

- Я сама доложу, может он Вас и не примет, - выслушав Владимира Ивановича, пояснила она.

- Обязан принять, если не хочет неприятностей, - поднажал Лещев, - я сюда из соседней области не по пустякам приехал. А если ваш шеф с людьми работать не может или не хочет — пусть пеняет на себя, я мухой в обком слетаю!

- Константин Сергеевич Вас ждет, - мгновенно вынырнула из кабинета секретарша, - проходите.

- А я Вас представлял несколько иным, более возрастным, опытным инженером. А Вы, наверное, только-только со студенческой скамьи? Из молодых, да ранний, - улыбнулся грозный хозяин древнегорских дорог. - Мне все три начальника еще вчера доложили о вашем вояже по их районам.

- Какая разница, старый или молодой? Задание дано — надо его выполнять с максимальной пользой для родного предприятия, - парировал Владимир Иванович.

- Только ехали-то Вы сюда зря, не дам я «добро» для вашего транспорта. Мне эта дорога, в свое время, вот так

встала, - провел ребром ладони по шее Константин Сергеевич.

- А я на этом и не настаиваю, - на удивление легко вырвалось из уст Лещева, - ставьте визу и я фью-и-и из Вашего заведения. Тем более, поезд у меня в три часа дня уходит и прохладиться здесь я не намерен.

Визу Константин Сергеевич вымучивал из себя минут десять. Почти весь лист исписал, мотивируя отказ, аж вспотел. Затем пригласил секретаршу, и та закрепила его подпись печатью.

- Ну, что ж, спасибо и на этом, - сказал поднимаясь из-за стола Владимир Иванович, взглядываясь в грозного начальника, на чьем лице, от исхода переговоров, появилась торжествующая ухмылка. Дескать, что, съел, салаженок?

Решение в голове Лещева созрело мгновенно. Даже не заинтересованный в конечном результате, он в проигрыше оставаться не хотел. Появилось желание сбить спесь с этого самолюбивого, всегда себя правым считающего, надутого и слишком важного чиновника.

- А знаете, Константин Сергеевич, - с улыбкой превосходства произнес Владимир Иванович, - Ваша виза — тьфу — плюнуть на нее и растереть. Ездить мы по древнегорским дорогам будем, и Вы для нас - не указ. Виза областного ГАИ у нас положительная, а на Вас мы и чихать не хотели. До свидания!

Лицо Константина Сергеевича задергалось, пошло пятнами. Такой наглости от «сосунка» он явно не ожидал. «Хозяин» порывался что-то сказать, но не мог. Издевательски помахав ручкой, Лещев быстренько удалился.

Видимо, слышавшая бурную лещевскую тираду, секретарша, чуть не сбив Владимира Ивановича с ног, ворвалась в кабинет своего патрона...

Эпилог

Без малого два года решалась эта проблема. Константин Сергеевич при поддержке московского вышестоящего его начальства, отчаянно сопротивлялся. И все же, на уровне обкомов партии, при содействии Минлеспрома, удалось договориться. Пошла старовская древесина на Шабанью. Долгожданный обоюдovýгодный договор, наконец-то, вступил в силу.

Что же касается Владимира Ивановича, то он за эту поездку получил две «награды» - два выговора: один по партийной линии (от райкома КПСС), другой от директора леспромхоза. А дело в том, что спустя две недели после возвращения Лещева из «круиза на халяву» в адреса директора Старовского ЛПХ и первого секретаря Старовского райкома партии пришли письма, в коих во всей красе было расписано поведение командированного Лещева в кабинете областного дорожного начальника, в результате которого, с последним случился инфаркт.

Голь на выдумку хитра

В старые, для кого-то добрые, для кого-то, наоборот, недобрые коммунистические времена, начальству, то бишь руководителям предприятий и организаций (все они тогда были государственными) жилось не так вольготно, как во времена нынешние. Я бы даже сказал - трудновато им приходилось. Современному директору дано (точнее сам взял) всего (что именно перечислять не буду) так много, что прежнему руководителю и не снилось. К тому же, над прежним начальником всегда висел «Дамоклов меч», в лице райкома партии, какой партии, надеюсь тоже понятно, ибо в те времена она была одна. И этот «меч» не позволял, во

всяком случае в открытую, тогдашнему руководству заниматься тем, чем ничего не боясь, с откровенной наглостью, средь бела дня и совершенно безнаказанно занимается нынешнее.

Если раньше твое предприятие даже выполняло план, а в коллективе был полный порядок, все равно находилось «что-то», за что тебя, руководителя, могли пожурить, а то и просто разнести в пух и прах на партийных форумах (засидеться, зажиреть начальству не давали). Заседание бюро, куда тебя приглашали, а особо когда тебя заслушивали, превращалось в некую пытку, которую многие не выдерживали. Не зря же в те времена говорили, что заседание бюро райкома или обкома партии, это когда семеро одного... сношают. Неслучайно, прежние директора зачастую не дотягивали до пенсии, рано уходили из жизни после затяжных стрессов и их последствий — сердечных заболеваний. Бывали случаи, когда прямо на бюро и неотложку вызывали, и сами партийные боссы, как могли, оказывали первую помощь доведенному, ими же, почти до инфаркта человеку. А потом..., потом все опять повторялось. Очередное бюро, очередной стресс очередного руководителя, очередной «полет» с райкомовского стула на пол, «скорая помощь» и т. д., и т. п.

Но, голь на выдумку хитра, а начальство еще хитрее (жить-то хочется). Не зря считается, что русский мужик самый хитрый, самый ловкий, самый ушлый (не обязательно умный), самый смышленный. В чем вы убедитесь в последующем моем повествовании.

Медицина авторитетно утверждает, что стресс нужно снимать вовремя. Да, это так. Но, наш, российский, мужик понял это давно, еще задолго до высказываний светил от здравоохранения, которые предлагали и предлагают таблетки, уколы, примочки и прочую, по народному мнению, ерунду. Для настоящего мужика лекарство от стресса одно, оно давно всем известно - водка.

Один тогдашний руководитель, назовем его Иван Лукич, в далекие шестидесятые годы прошлого века, наловчился снимать стресс сразу же после партийных экзекуций. Покидал одним из первых секретарский кабинет, «летел» в туалет (многие даже полагали, что у него «медвежья» болезнь) и там, закрывшись в кабинке, выпивал прямо из горлышка, заранее припасенную «малушку», зажевывал лавровым листом, абы не было запаха, и бодро, в приподнятом настроении, удалялся из здания райкома. Следует заметить, что по ходу бюро, его правая рука практически всегда находилась под пиджаком, в левом внутреннем кармане которого, покоилась до поры, до времени спасительная «четвертинка». Когда напряжение на форуме нарастало, он любовно оглаживал прохладное стекло и более или менее успокаивался. Никто из коллег не знал об этой его уловке, может быть догадывались по запаху (вся «сивушка» не оседала на лаврушке), однако помалкивали и вопросами его не докучали.

Но, ведь все у нас сходит с рук до поры, до времени. Тайное рано или поздно становится явным. Любой секрет имеет свой срок давности. Настал черед приоткрыть занавес и над Ивана Лукича секретом снятия стресса.

Шло очередное заседание бюро райкома КПСС. Наш герой только что отчитался и, как обычно, поглаживал бутылочку, приводя свою нервную систему в относительный порядок. Отчитался-то, вроде бы, и не плохо, но, как выше сказано, все равно, что-нибудь да найдется. Не зря инструктор райкома накануне на предприятии крутился, с людьми беседовал, добывал негатив. И ведь «наковырял», подлец, прилично. Вопросы взволновали директора, отвечать на них было весьма и весьма неприятно. До поры, до времени поглаживание рукой «шкалика» успокаивали его. Но дальше - больше, каверзность вопросов шла по нарастающей. Рука уже не просто поглаживала горлышко, а начала непроизвольно приподнимать и опускать заветную «спасительницу» в

пределах кармана, естественно. Члены бюро обстановку накаляют, подкидывая очередную «подлянку», в соответствии с этим и амплитуда колебаний руки с бутылочкой вверх-вниз возрастает. К великому сожалению, не почувствовал Иван Лукич, как «полумерок» вышел из кармана на простор и терся уже по подкладке пиджака. Вспотевший от разноса лоб потребовал воздействия на него правой руки с носовым платком, который всегда находился у Ивана Лукича в правом наружном кармане. Когда же горлышко было отпущено, находящаяся вне кармана «малушка» предательски заскользила вниз. Мгновенно побледневший от случившегося «пытаемый», судорожно схватился за нее снаружи пиджака и прижал «беглянку» уже в районе причинного места, согнувшись при этом, чтобы зафиксировать бутылочку надежно. Затем обеими руками через пиджак стал поднимать ее «ближе к сердцу», чтобы проще было ее удерживать в полусогнутом состоянии, когда будет выходить из кабинета.

- Что с Вами, Иван Лукич- встрепенулся озадаченный секретарь, - Вам плохо?

«Пострадавший», естественно, молчал, мучимый вопросом: «А если бы она вывалилась на пол? Это был бы полный «капец», конец карьеры».

- Да у него же сердце схватило, - заволновался сосед — директор хлебозавода.

- Вам помочь? - проявил жалость секретарь, только что «дравший» его как собаку.

- Не-е-ет, не на-а-а-до, - Иван Лукич быстро-быстро закачал головой из стороны в сторону.

- Вечно вы доводите до инфаркта, - в гробовой тишине робко, полусшепотом, пролепетал кто-то из задних рядов.

Держась за сердце, точнее придерживая зафиксированную на груди «четвертинку», незадачливый руководитель при помощи соседей, вышел в приемную и

опустился в кресло. Когда же провожатые вернулись в кабинет, а секретарша убежала в орготдел за валидолом, Иван Лукич резво направился по заранее отработанному маршруту - в туалет.

Заседание в отсутствие ответчика практически тут же закончилось и «прединфарктника» на улице нагнал его друг - руководитель промкомбината, которому идти было по пути.

Порозовевший от выпитого Иван Лукич совсем не был похож на белого, как бумага больного, пять минут тому назад судорожно хватавшегося за сердце, что и насторожило Петра Петровича, заметившего эту метаморфозу и уловившего запах спиртного.

Пришлось Ивану Лукичу, под большим секретом рассказать ему всю правду. Хохотал Петр Петрович от души минут десять...

Несколько позднее, этак годиков через семь-восемь, когда «пострадавший» вышел на пенсию, а секретари райкома поменялись, и, естественно, ему ничто уже не угрожало, эта история стала достоянием всего нашего небольшого городка.

Будь мне сыном

Уж так устроен человек, что многое, касающееся лично его, он вынужден держать в себе, стесняясь, или боясь в случае раскрытия тайны, оказаться перед окружающими его людьми в невыгодном свете. Однако, носить в одиночку такой груз годами, а то и десятилетиями, чрезвычайно тяжело, порою не по плечу, казалось бы, самым хладнокровным, самым выдержанным, самым крепким. Не случайно, на определенном жизненном этапе, у любого из нас возникает

потребность высказаться, излить перед кем-то душу. Но, далеко не перед каждым мы будем исповедоваться, а постараемся сделать это при случайной встрече с человеком, с которым судьба ненароком столкнула и с которым в дальнейшем мы вряд ли еще увидимся. Или же доверяемся тем, в ком весьма и весьма уверены.

Мне в этом плане повезло: многие со мной делились самым сокровенным. Очевидно, к этому я их чем-то располагал (скорее всего умением выслушать и моею покладистостью). В моем литературном багаже немало трудных судеб, множество непростых жизненных ситуаций, различных историй.

Вполне возможно, что накопление подобного груза до определенного предела и дало толчок моей творческой деятельности.

Сегодня я выношу на суд читателей еще одну судьбу.
Все это было, было, было...

***

Семидесятый год, третий курс института. В сельхозуборочных делах мы уже не новички, группа надежная, дружная, спаянная. Вероятно, поэтому нас и забросили «на картошку» в самую отдаленную деревеньку, что находилась в шестнадцати километрах от центральной усадьбы совхоза, бывшего районного центра и пристани. В конторе нас сразу же предупредили, что электричество туда еще не проведено, а радио, как и везде в глухомани, то шепелявит чуть слышно, то совсем молчит. Клуба нет, магазина - тоже. Население - чуть более сорока человек, из них трудоспособных - всего одиннадцать. В общем, нам предстоял целый месяц практически добровольного заточения, оторванности от всего мира.

Встретивший нас на окраине Вераксина бригадир - пожилой, изможденный жизнью мужчина - препроводил шумную компанию к старинному, вероятно, еще прошлого века постройке, пятистенку и, оценив на глазок соотношение парней и девушек, в сенцах скомандовал: «Хлопцы - в левую половину, девчата - в правую!».

Большая русская печь посередине, у стены - наспех сколоченные нары, в углу колченогий, грубой ручной работы стол, скамья вдоль него, россыпь разнокалиберных обшарпанных табуреток - такая убогость предстала перед нашим взором.

- Да-а-а, уж... - пропел наш староста - негусто.

- У нас как в армии, - пояснил бригадир, - ничего лишнего. Довольствуйтесь тем, что вам выделено. Обихаживать себя тоже будете сами. Прошу не стонать, не ныть. Не вы первые, и, полагаю, не вы последние в нашей Богом забытой деревушке. Кормить обещаю справно, но и работу буду спрашивать строго. Если лениться не будете, рассчитаюсь с вами по-божески. Зовут меня Игнат Кузьмич, фамилия - Баращук. Прошу любить и жаловать.

Послышался шум подъезжающей повозки.

- Есть кто деревенские? - спросил бригадир.

- Нет.

- Тогда прошу всех во двор.

Выйдя на крылечко, Игнат Кузьмич обратился к вознице, пожилому, невзрачного вида мужичонке: «А ну-ка, Егорыч, покажи студентам, как нужно распрягать и запрягать лошадь, они у нас все городскими оказались. А вас, ребята прошу смотреть в оба и запоминать. Это ваша транспортная единица на весь месяц, без нее вам здесь не обойтись».

Не без удовольствия, как бы красуясь перед нами, Егорыч выполнил обе операции.

- Ну, а теперь, хлопцы, ваша очередь, - взгляд бригадира остановился на мне.

- Как зовут?

- Станислав.

- Что ж, Стас, давай пробуй: распряги и запряги, а я посмотрю, на что ты способен.

С помощью Егорыча, я в общем-то справился с заданием, за что и получил тут же должность ездового.

- Береги Саврасого, сынок, с тебя учиню спрос, если не дай Бог что-нибудь с ним случится, - пригрозил бригадир. - А теперь бери пару хлопцев, и отправляйтесь во-о-он в то полюшко за соломой, матрасы вам уже подготовлены.

Вечером после ужина Игнат Кузьмич навестил нас снова. Одобрительно хмыкнул, убедившись, что мы устроились в общем-то неплохо, обратился к старосте группы:

- Завтра с утра с центральной усадьбы подойдут трактор с картофелекопалкой и грузовик, так что, долго не разлеживайтесь, нежитья некогда. Все до одного на уборку. Ведра и мешки выдаст Егорыч. Трех самых дюжих парней выдели на погрузку мешков в машину, с последующей перевозкой картофеля на пристань и перегрузкой на баржу. А ездовому — задание особое. К семи утра будь готов, Стас, предстоит нам с тобой поездка в соседнюю деревню за продуктами. Смотри, не проспи.

***

- Что-то ты плохо выглядишь, никак приезд и новоселье обмывали после моего ухода? - спросил бригадир, взбираясь на телегу. - Поехали.

- Да уж какая пьянка, такие удобства Вы нам предоставили, хоть реви. Всю ночь с бока на бок катались, пока солому не умяли, до сих пор все тело чешется.

- А мне показалось, что ты - человек, к деревенским

условиям привычный, - лукаво улыбаясь, Кузьмич в упор посмотрел на меня. - Вчера по одному твоему взгляду на лошадь я это понял. Иль ошибся? Тогда поправь старика.

- Да нет, что правда, то правда, Игнат Кузьмич, до десяти лет я жил с родителями в деревне, затем уж отца перевели в город, в райком. Так что, кое в чем в сельском хозяйстве я разбираюсь. Во всяком случае, с лошадьми в свое время обращаться меня научили, любил когда-то на них покататься, в ночном бывал, на конных граблях довелось поработать.

- Рад, что не ошибся, - удовлетворенно заключил бригадир. - А остальные как?

- Остальные - чистые горожане. До института деревни не видели, разве что в кино. Вся практика - две студенческих «картошки» на первом и втором курсах. Видели наяву, как овощи растут, вот и все их познания в растениеводстве. Но ребята хорошие, не сомневайтесь в них, Игнат Кузьмич, не подведут. Тяжелым, правда, будет месяц при вашей «цивилизации». Непривычны они к такому образу жизни. Глухомань, одним словом. Да и для меня-то приезд в вашу деревню — как откат на полвека назад. У нас в деревне еще десятилетие тому назад уже все было: и комплексы построены, и механизация была на должном уровне. Наши колхозники уже тогда справно жили. А у вас даже электричества нет...

- А у меня вся жизнь в глухомани, как ты говоришь, прошла. В детстве, как помню, долго без порток, да без обуви бегал. А кого стесняться-то, к нам чужие не наведывались, далековато от нашей деревни до шляха было. Я ведь в лесной белорусской деревушке от рождения до самой отечественной войны прожил. Еще в первую мировую германцы к нам даже не заглянули, о революции мы узнали в конце 1918 года, да и коллективизация-то к нам, наверное, к последним пришла. Так и крутились-варились в собственном соку, внутри себя, несмотря на мировые потрясения. За все

время, как себя помню, лишь одна семья приехала к нам на жительство. В конце 1939 прибыли польские беженцы Влодзевские: Юзев и Ганна - муж с женой. Да и те в 1945-м, перед самым моим арестом, вернулись в уже братскую народную Польшу. Два года перед войной я в председателях ходил. К нам даже уполномоченные редко наведывались.

- А я, Игнат Кузьмич, как раз хотел Вас об этом спросить. Думаю, не северная у Вас фамилия. Выходит чужой Вы здесь?

- Чужой, - говоришь? Да нет, Станислав, не чужой, хоть и оказался здесь случайно. Был бы чужой - не прижился бы. Окажись не ко двору - бригадиром бы не поставили. Будем считать, что я не местный.

- И давно Вы здесь живете?

- Считаю сам, отвоевав всю войну в 1945-м вернулся домой с Победой, почти сразу же, осенью, мне 10 лет лагерей припаяли. Отсидел от звонка до звонка. В Белоруссию решил не возвращаться, случайно встретился с Евдокией, она меня сюда и привезла. Так что уж полтора десятка лет здесь обитаю.

- За что Вас осудили? Вроде бы на бандита или убийцу Вы не похожи, на предателя - тоже...

Минут двадцать ехали молча. Я на ответе не настаивал, считая это неприличным. Бригадир же, похоже, задумался надолго. Да и стоило ли ему перед каким-то пацаном отчитываться, бередить душу. И все же Игнат Кузьмич решился на продолжение разговора.

- Я и сам считаю, что ни за что, просто донос на меня был за одно чрезвычайное происшествие, которое в самый канун Отечественной случилось в нашей деревушке. Догадываюсь, и чьих рук это дело, да вот не судьба, не дано мне было разобраться в этой истории до конца. Быстренько меня скрутили, осудили и на лесоповал в Коми-республику отправили.

- Значит, и вас коснулись репрессии?

- Выходит, что так. Сочли немецким пособником, по статье выходила «вышка» Учли боевые заслуги, ордена, медали. В общем-то со мной особо и не разбирались, как, впрочем, и с другими. Много нас таких было. Какую войну вынесли на своих плечах люди, а там ломались, не выдерживали. Многие уходили из жизни, потеряв веру в справедливость. Герои-орденоносцы, боевые командиры, не раз видевшие смерть в лицо, все в одночасье сникали под этим чудовищным прессом, в первую очередь - психологически. Шутка ли: вчера ты - герой, чуть ли не на руках тебя вся страна носит, а сегодня, извини, дерьмо. Такое уж у нас государство было. А мне, похоже, крестьянский корень помог выдюжить и в войну, и в ту страшную лагерную годину.

- А Вы не боитесь за такие высказывания? По-вашему выходит, что многие попали в лагеря ни за что?

- Так оно и было. Повзрослеешь, с людьми побольше пообщаешься, особенно с нашим братом-ветеранами, сам поймешь, что к чему. А вообще-то, чего мне бояться, сынок? Глуше нашего Вераксина и места-то, наверное, нет. Да и отбоялся я уже, седьмой десяток скоро пойдет. Жизнь уже на исходе. Тем более, что говорим мы с тобою с глазу на глаз, без свидетелей. Да и ты, Стас, не из тех, кто на донос способен. Я за свою жизнь научился людей распознавать с первого взгляда. Ты ведь тоже крестьянских кровей, парень, от земли, от сохи. А такие стукачеством не занимаются.

- А в Вераксине о вашей судьбе все знают?

- Все знает только моя жена, все до мелочей. Она, кстати, у меня вторая. Первая погибла там, в Белоруссии, при невыясненных обстоятельствах. Ну, а вераксинцы знают то, что ты узнал сегодня: я честно работал, воевал, как положено, с наградами вернулся, в лагерях гулаговских отбывал срок.

Убедились, что не тунеядец, а неплохой работник. В подробности не лезут. Люди трудной судьбы - они с понятием, сами многое пережили. Северяне, одно слово.

- Это точно, Игнат Кузьмич, северяне к тому же, еще народ добрейший. Все с себя снимут, но помогут попавшему в беду человеку, последним куском поделятся. И как воины они сильны, крепки духом, непобедимы. Еще с древних времен ни одна война между севером и югом в пользу южан не заканчивалась. Всегда северяне брали верх. Это исторический факт. Или взять, к примеру, знаменитый вологодский конвой: никому никакого спуска не давали наши ребятки, это тоже в истории отмечено.

- Да, с чем, с чем, а с вологодским конвоем мне приходилось сталкиваться...

- Ну, вот и приехали, с разговорами и времечко скоротечно. Подъезжай вон к тому коричневому пятистенку.

***

На обратном пути Кузьмич попросил меня свернуть с дороги. По едва заметной колее спустились к реке.

- Отдохнем немножко, чайку вскипятим, попьем на свежем воздухе. Спешить нам некуда. Распряги Саврасова, пусть погуляет по лугу, пощиплет травки. Никуда он отсюда не уйдет. Старик, как и я.

Бригадир принес сушняка, разжег костер, воткнул рогатки. Откуда-то, из прибрежного кустарника вытащил котелок, набрал воды и повесил на огонь.

- Это моя поляна, Стас. Пейзаж здесь с родни белорусскому, многим напоминает родные места.

- Тоскуете, наверное?

- Не то слово, тянет на родину. Только кто меня ждет там? Кому я нужен с такой репутацией? А побывать там при жизни хотелось бы. Изменилась, наверное, деревня — не узнать.

Поколение новое выросло... Хотя, кто знает, может и нет уже моих Потаповичей, вдруг попали в разряд неперспективных? Но все равно, как почувствую свой близкий конец — умирать поеду в свою Белоруссию Я уж Евдокии сказал об этом.

Кузьмич нарезал сало, хлеб, достал огурцы, помидоры, соль. Подмигнув, вытащил из внутреннего кармана «чекушку», распечатал, налил в кружку, протянул ее мне.

- Держи, студент, у меня сегодня праздник. Ровно 15 лет тому назад, 4 сентября 1955 года, я вышел из зоны, кончилась моя лагерная жизнь. Так что, разговор у нас с тобой в первый путь как раз ко времени оказался.

- О-о-о, тогда Ваше здоровье!

- Ты не беспокойся, Стас, я не злоупотребляю этим делом, выпиваю только по праздникам, да и то рюмку-другую, не больше. Бабка моя капли в рот не берет, а по чужим избам в одиночку я не ходок. Сегодня же день особый, сам Бог выпить велел, да и компаньон у меня подходящий, с тобой, как с сыном своим, сижу. Да ты ешь, ешь, не стесняйся, успеешь еще в студенчестве наголодаться. Закуси сальцом — никакой хмель не возьмет.

- У-гу-у, - согласно кивнул я головой, а сальцо-то у Вас знатное, так само во рту и тает.

Кузьмич выпил, нехотя заел огурцом и, как бы решившись на что-то начал: «Не скрываю, приглянулся ты мне сразу. Может от того, что Бог мне ни с той женой, ни с этой, детей не дал, а теперь уж их и не будет, родительская любовь и ласка мои так невостребованными и остались. А как увидел тебя вчера, будто чем пронзило - вот таким, как ты, я и представлял своего сына. Я всю жизнь мечтал его иметь. Сколько пацанов за жизнь перевидал, сколько студентов сюда наезжало - все не то... Ты уж извини меня, старика, если что не так...».

***

Дни шли за днями. Картофельное поле в нашем отделении совхоза сокращалось быстро, погода способствовала этому. Игнат Кузьмич по вечерам частенько наведывался к нам, приносил транзисторный приемник, чтобы хоть как-то скрасить наш досуг. Подолгу болтали о большой политике, о студенческой жизни, обсуждали местные новости. И уже по само собой сложившейся традиции, провожать его приходилось мне.

Нередко я заходил в их дом, где гостеприимная хозяйка, видимо, зная о наших взаимоотношениях с Кузьмичом, потчевала меня деликатесами, поила молоком, вообще относилась ко мне, как к родному. Вскоре и ребята стали высказывать догадки по поводу бригадирской привязанности ко мне. Я же им сути разговора с Кузьмичом не раскрывал, отделиваясь шутками.

Чем ближе подходило время расставания, тем печальнее становился бригадир. С каждым разом я все больше и больше убеждался, что он хочет что-то мне поведать, но никак не может решиться на это.

Мне же, в свою очередь, не давала покоя та предвоенная история, вырвавшая десятилетие из его жизни, о которой ненароком обмолвился Кузьмич. Но я не хотел показаться ему слишком нетерпеливым, навязчивым, любопытным. Знать, время еще не пришло, полагал я, не стремясь ускорять события, предоставляя право для начала разговора Игнату Кузьмичу.

Дня за два до нашего отъезда, бригадир после утренней расстановки, попросил меня съездить с ним на заветную поляну. Всю дорогу он молчал как бы обдумывая что-то. Я не тревожил его разговорами, понимая, что он борется сам с собой.

А вот и спуск к реке.

- Станислав, - как-то нерешительно промолвил Игнат

Кузьмич, когда мы спрыгнули с телеги, послушай меня внимательно, старого, только не перебивай, а когда выскажусь, решай сам, как тебе поступить

- Понимаешь, наверное, сам, прикипел я к тебе душой за этот месяц, с первого дня, как тебя увидел, во мне будто бы все перевернулось. Иной раз ночью проснусь, заснуть больше не могу, все думаю, что в твоём лице Бог послал мне сына.

- Иной раз размечтаюсь о нём и иначе, как в твоём образе, я его теперь не представляю. Вот, скажешь, сдурел старик, совсем спятил на старости лет. Может и так, но вот ничего с собой поделать не могу. Мне уж и бабка сказала, что неладное что-то со мной происходит. Блаженный, говорит, ты какой-то стал. Да, видимо, немного мне осталось коптить этот свет, а главной-то житейской заповеди я и не выполнил - род наш на мне обрывается. Скоро вы уедете, а я по тебе как по родному тосковать буду...

- Будь нам с Евдокией за сына. Многого мы не требуем, присылай нам весточки изредка, а зимой, когда автобус будет к нам ходить, приезжай на денек-другой скрасить нашу стариковскую жизнь. Мы тебе всегда будем рады. Понимаю, есть у тебя отец с матерью, родные, знакомые, и мы ни в коей мере не отнимаем тебя от них.

Ты теперь для нас многое значишь. Может с твоим участием и наш с Евдокией век продлится, а то всю жизнь бирюками прожили.

- Да-а-а, озадачили Вы меня, Игнат Кузьмич, спасибо за признание, спасибо за такое отношение ко мне, спасибо за откровенность. Честно говоря, не знаю, что Вам и ответить.

- А отвечать ничего и не надо. Сделай так, как сердце подскажет. Я тебе от души высказал все, а ты поступай, как считаешь нужным.

В котелке закипел чай.

- Игнат Кузьмич, - решил я сменить тему разговора, чем же все-таки эта поляна Вам дорога? Вроде пейзаж везде одинаков, таких приречных лугов много, и все они сродни друг другу. А что касается растительности, она же в Белоруссии несколько иная, во многом разнится с нашей северной.

- Вообще-то ты прав, Станислав, много разного: и трава не такая, и деревья других пород, и кустарники иные. Но вот этот луг по своей конфигурации, по площади, как две капли воды похож на наш, белорусский, где за неделю до начала войны произошло событие, которое четыре года спустя повернуло мою дальнейшую жизнь в совершенно иное, чем я ожидал, русло. В общем, с того луга пошла на слом моя жизнь. А когда я впервые оказался здесь, на этой поляне, просто опешил. Ну, думаю, и судьба мне выпала - луг точь-в-точь, как в моей родной деревне на речке Красной. И хоть тяжелые воспоминания связаны у меня с тем лугом, все равно тянет меня сюда постоянно.

- Значит, то событие и повлекло Ваш арест, суд, а затем и скитания по лагерям?

- Так оно и было, сынок, правильно ты мыслишь. Вижу, ты хочешь знать, что же случилось тогда, в 1941-м?

Я согласно кивнул головой.

- Ну, тогда слушай. Ты второй после Евдокии, кто будет знать об этом. Я полагаю, ты имеешь теперь право знать обо мне все.

***

Осторожный, но в то же время настойчивый стук прервал утренний, самый сладкий сон Матрены Ивановны, жены председателя колхоза «Вперед» Игната Кузьмича Баращука.

- И кого в такую рань, да еще в воскресный день

принесло? - недовольно пробурчала она.

- Вставай, Игнат, это, наверное к тебе спозаранку кто-то приперся. Не терпится, видно, кому-то новости узнать, что ты с района-то привез. Ждали тебя с совещания партийного.

Однако, на крылечке стоял военный, с тремя кубарями в петлицах - молодой, крепкого сложения парень.

- Вы Игнат Кузьмич Барашук? - спросил он и едва дождавшись утвердительного кивка головой, предложил: «Пройдемте к машине, Вас ожидает полковник из штаба Западного особого военного округа.

Навстречу им из машины выбрался не менее крепкий, но значительно старше по возрасту офицер.

- Здравствуйте, Игнат Кузьмич,- с заметным акцентом, что несколько насторожило председателя,- произнес он. - Я полковник Барадзис, направлен командованием округа к Вам по важному и неотложному делу. Вот мои документы. Пройдемте в правление, мне необходимо переговорить с Вами с глазу на глаз.

- Прибалт, судя по фамилии, поэтому и говорит с акцентом,- успокоился председатель.

Достав из планшетки карту и развернув ее на председательском столе, Барадзис сразу же приступил к делу.

- О директиве Вы уже слышаны. Знаете, что в приграничной полосе ни в коем случае не должно быть никаких перемещений наших войск и нам нельзя поддаваться на провокации. Но, это одна сторона медали. А есть и другая. Директива директивой, но мы, военные, всегда должны быть начеку. Конкретно, нам необходимо на землях вашего колхоза, а точнее, вот на этом месте - полковник ткнул пальцем в излучину реки Красной, притоку Припяти - скрытно организовать базу для техники и личного состава одного из подразделений РККА. Пойменный луг пригоден для приема

самолетов, к тому же находится далеко от шляха, то есть совершенно неприметен для чужого глаза. Вы понимаете, о чем идет речь?

Вопрос этот решен, вот соответствующий документ. Поэтому, никаких переговоров и консультаций вести не следует, во избежание утечки информации. Колхозникам также ни слова - военная тайна. Если немцы пронюхают - последствия могут быть печальными, Вы это прекрасно понимаете.

Ваша задача: сегодня-завтра скосить траву и убрать ее с луга. Завтра в ночь ожидаем прибытия транспортных самолетов.

***

В сроки, указанные полковником, травы были скошены и увезены к ферме. В ближайшую же ночь, как и говорил Барадзис, четыре транспортника совершили посадку на лугу - гул моторов приближавшихся с востока самолетов, Игнат Кузьмич слышал сам.

Наутро к правлению подъехала та же легковушка, и все тот же молодой старший лейтенант от имени полковника пригласил Игната Кузьмича осмотреть отведенное под базу место, а заодно договориться и об обеспечении продуктами красноармейцев.

Надо отдать должное оперативности военных: в течение ночи вся территория была обнесена не одним рядом колючей проволоки, по углам виднелись вышки, на которых были заметны фигурки часовых.

- Мышь не проскочит, - невольно подумалось Барашуку, - не спит, видимо, командование.

И сама пойма неузнаваемо преобразилась: неподалеку виднелись легкоразборные щитовые складские помещения ровные ряды брезентовых палаток, громоздкие грузы,

накрытые чехлами, специальной маскировочной сетью, кое-где - просто ветвями деревьев. Даже не верилось, что весь этот чудо-городок вырос, как гриб после дождя, за каких-то 10-12 часов.

Барадзис также сообщил, что в связи с особой секретностью объекта, на ближайших подступах к нему будут выставлены дополнительные дозоры. Он также попросил Игната Кузьмича в случае появления в деревне или ее окрестностях каких-либо незнакомцев, будь то гражданских или военных, экстренно сообщать ему.

***

Шесть километров, отделявших деревню от излюбленного места на речке Красной, для друзей-восьмилеток Митьки и Алешки - пустяк. Что-что, а ради удачной рыбалки они готовы были босиком по пыльной двухколейке, а затем и по едва приметной тропинке пробежать эти километры к своему рыбному омуту, а в благодарность за это получить полнейшее удовольствие от ночевки с вкуснейшей рыбацкой ухой на свежем воздухе, а уж утром порадовать своих матерей отменным уловом.

После полудня, выполнив возложенные на них по домашнему хозяйству обязанности, направились друзья на заветное местечко, шлепая босыми ногами по теплой мягкой пыли. И только-только свернули на тропинку, как вдруг неожиданно из-за ближайшего куста вырос перед ними красноармеец с винтовкой. Не издавшие до сих пор в своем захолустье военных, ребята остановились, как вкопанные.

- Сюда нельзя, поворачивайте обратно, ребятки, - предложил им боец.

- Дяденька красноармеец, - занял Митька, - пропустите нас, мы здесь всегда рыбу ловим.

- Не положено, - солдат для отстрастки передернул затвором.

Испуганные мальчишки, сверкая голыми пятками, бросились назад к дороге.

- И откуда он здесь взялся? - чуть отдышавшись пробормотал Алешка, - что здесь красноармейцам делать?

- Может шпионов ловят, - предположил Митька, - недавно дядько Степан рассказывал, что на шляхе трех переодетых немцев поймали, они, вроде как, хотели мост взорвать.

- А у нас-то, что взрывать? - возразил Алешка.

- И то верно, - согласился Митька, - нечего у нас шпионам делать. Пошли на Тарасову яму, может там чего поймаем.

Настроение было испорчено, к тому же на новом месте почему-то не клевало. Желание остаться на ночевку отпало. Раздосадованные ребята стали собираться домой.

- Алешка, а может кустами вдоль берега проберемся на наше место, возможно там-то и нет никого?

- Давай попробуем, - согласился тот.

Осторожно, не выходя из кустарника, мальчишки добрались до луга. Заросли ивняка надежно скрывали ребятню, а плеск воды в речке Красной, заглушал их шаги. Осталось только перейти через ручей, протекавший в небольшом овражке, и они - у цели. Именно здесь, возле устья безымянного ручейка, и было их излюбленное место для рыбной ловли.

Шедший первым Митька неожиданно остановился и, прижав палец к губам, заставил Алешку пригнуться к земле.

- Видишь, - шепнул он, - дальше нам не пройти, хода нет, все обтянуто колючей проволокой.

- Зачем они тут все огородили?

- Значит надо, военная тайна.

- Хоть бы краешком глаза поглядеть, что там у них? Может пушки, или танки на учения пригнаны? Мне тятка рассказывал, что когда к войне готовятся, какие-то маневры проводят. Эх, хоть бы одним глазком танк посмотреть! Давай пойдем вдоль проволоки, может что-нибудь и увидим.

- А если нас заметят и спросят, что мы тут делаем? А то еще всыплют, чего доброго, по первое число, или родителям сообщат? Вот тут уж нас из деревни не выпустят. Прощай тогда рыбалочка.

И все же любопытство победило. Пробравшись вверх по ручью метров восемьдесят, они вплотную к колючей проволоке, протянутой вдоль обрамлявшего овражек кустарника, стали подниматься к лугу.

- Ух, ты, - неожиданно нарушил молчание Митька, - смотри!

Еще совсем недавно пустой луг, куда редко ступала нога человека, превратился в небольшой военный городок. Не видавшие ничего подобного мальчишки восторженно оглядывали и брезентовые палатки, и дощатые склады, и укрытые от постороннего взгляда огромные предметы, и сторожевые вышки.

- Давай понаблюдаем, будет потом что пацанам рассказать — от зависти лопнут, - предложил Алешка.

- Давай,- согласился Митька, - только надо схорониться понадежнее, а то с вышки могут нас заметить, тогда точно достанется на орехи.

Немного погодя, от одной из палаток отделились двое военных, совместно несшие что-то тяжелое, и направлявшиеся к зачехленным грузам, расположенным неподалеку от спрятавшихся мальчишек.

И почти в то же время, буквально перед самыми носами любопытных ребяташек, по ту сторону колючки прошел

красноармеец с винтовкой, видимо часовой. Митька с Алешкой непроизвольно припали к земле.

- Ух ты, чуть не влипли, - едва переведя дух и глядя вслед уходящему солдату, прошептал Митька, - хорошо хоть он по сторонам не глазееет, а то бы заметил нас.

Вскоре, поравнявшись с солдатами, часовой на их вопрос, рукой показал на прикрытые брезентами грузы, в направлении притаившихся пацанов.

- Сюда идут, - испуганно прошептал Алешка, - надо сматываться, пока не поздно.

- Ничего, подождем, может что-то и увидим, ведь наверняка брезент поднимать будут. Хоть бы раз в жизни на танк настоящий посмотреть, вдруг это они там прикрыты, уж больно похоже на них. Помнишь в кино «Три танкиста» показывали.

Тем временем бойцы подошли к одной «зачехлёнке», поставили груз на землю и приподняли тент.

- Смотри, точно танк, - подтолкнул локтем в бок друга Митька.

- Ух, ты, и правда.

В это время, неожиданно для военных, порывом ветра незакрепленный угол брезента приподняло и забросило наверх. Оголилась башня на которой четко вырисовывался крест. Солдаты лихорадочно запрыгали, пытаясь ухватиться за край брезента, а когда все же им удалось закрепить тент, быстренько огляделись по сторонам. Один из бойцов испуганно заговорил на непонятном мальчишском языке, другой разразился сдавленным тревожным смехом и махнул рукой, дескать, не обращай внимания.

Митька с Алешкой какое-то время лежали ни живы, ни мертвы, затем, переглянувшись, не сговариваясь стали сползать задом в овражек.

Выбравшись тем же путем на дорогу, ребята припустили в родную деревню, чтобы еще засветло известить председателя об увиденном.

- Дядя Игнат, дядя Игнат, - барабанили в дверь председательского дома мальчишки.

- Ну, что вам надо, бесенята? Отдохнуть не даете... - начал было Барашук, но осекся, увидев испуганные лица ребятишек.

- Дядя Игнат, там на пойме...

- Тсс..., перебил их председатель, - а ну-ка, заходите в избу...

***

- А дальше, дальше я оседлал своего Каштана и в потемках поскакал в райцентр, сообщил о случившемся куда следует и - обратно.

Базой занялись военные.

Когда же я вернулся с войны, на меня донесли о якобы моем сотрудничестве с немцами... Остальное, Стас, ты уже знаешь.

- Что-то мне кажется, концовка не та, Игнат Кузьмич, - я внимательно всматривался в лицо бригадира, - Евдокии-то, наверное, все рассказал.

- Ты прав, Евдокии я действительно все рассказал, потому что за 14 лет, что я воевал и «трубил» в зоне, мне надо было перед кем-то высказаться. Столько накопело на душе за эти годы! Груз непосильный. Или я не прав?

- Прав, конечно же прав!

- Как я ждал свободы! Все эти десять лет только тем и жил, что ждал этого светлого дня. А когда он пришел, когда передо мной раскрылись лагерные ворота - растерялся. Куда ехать? Домой? Ни в коем случае. Если бы реабилитировали -

тогда другое дело. В крупные города? - Нельзя. В городишках и поселках — тоже никому не нужен. Решил про себя - постараюсь осесть где-нибудь на Севере, только подальше от лагерей оторвусь. В общем, вышел из поезда в Котласе, побродил по городу, присмотрелся, людей порасспрашивал. Северная Двина приглянулась, долго ею любовался. Ну, думаю, с утра начну насчет работы промышлять, а пока, пока заночую на вокзале. Вот там, на вокзале, и повстречался я с Евдокией, она утренним парходом к себе домой отправлялась. Ночь тоже на вокзале коротала. Слово за слово, так до утра и проговорили. В ту ночь я ей все о себе рассказал, как будто прорвало меня. А на парход уже вдвоем селись. С тех пор мирно-ладно и живем.

- А концовка-то и впрямь не та. Ты прав.

- В общем, послал я верхом на коне в райцентр Юзефа Влодзевского, того, что в 1939-м к нам как беженец прибыл. Сам я остался в деревне — мало ли что могло случиться, а я ведь колхозный голова. Но, чувствовал, что зря послал его, что-то мне в нем все эти годы не нравилось. Наутро, только забрезжило, запряг я Каштана и сам в райцентр подался. Оказалось, что Юзеф здесь не появлялся. О случившемся в райкоме узнали от меня. Всполошились, срочно связались с военными. Я же скорее назад: понимал, что в деревне беда или уже случилась, или вот-вот должна случиться. Лошадь загнал, но не успел. Как ожидал, так и вышло. Сгорел мой дом, а вместе с ним и моя жена. Видимо, они хотели меня, таким образом уничтожить, считая, что я нахожусь дома.

- Немцев, конечно же перебили, хотя отстреливались они отчаянно. Сдаваться наотрез отказались.

- Когда я вернулся с войны, Юзев уже председательствовал, мое место занимал. Только ночь мне и довелось провести в родной деревне. Наутро подъехал «воронок», и меня в райцентр отвезли. Завели дело, якобы за сотрудничество с немцами. Доказать ничего не смог:

довоенный секретарь райкома погиб на фронте, а больше никто ничего о моем приезде в райцентр в то раннее утро и не знал. Документы, видимо, тоже не сохранились - сгорели в горниле войны.

- На зоне было время подумать, поразмышлять о случившемся. И пришел я в конце концов к такому неутешительному выводу: не случайно Юзев Влодзевский появился в нашей деревне в 39-м.

- Все, что произошло, - это его рук дело: и организация немецкой базы у нас перед войной, и гибель моей жены, и моя лагерная десятилетка. Все это - на его совести. Наводил я о нем справки, ответ пришел без задержки: «В сентябре 1945 года Юзев Влодзевский отбыл на родину в Польскую Народную Республику».

- Конечно, вряд ли он там проживает, искать его нужно на Западе, но только стоит ли? Да и некому, кроме меня, этим делом заниматься.

- Вот теперь все, сынок.

Послесловие

Прошло уже несколько десятилетий, после описываемых событий. Давно уже нет в живых ни Игната Кузьмича, ни Евдокии. Год спустя после нашей студенческой «картошки», они умерли в одночасье. Похоронены оба на вераксинском кладбище. Так и не уехал Баращук на закате жизни в свою Белоруссию, видимо передумал. А может быть и не успел, болезни быстро скрутили.

- По прошествии стольких лет, постоянно корю себя, что всего два раза приезжал к старикам в Вераксино, виню себя в том, что не помог, как просил Игнат Кузьмич, продлить им жизнь...

Будни «толкача»

- Василий, как у тебя насчет чайку? - Николай Петрович, отряхнув снег с валенок, вошел в тамбур двухсекционного вахтового домика, в котором ему предстояло прожить-отдежурить неделю, в качестве «толкача». Январь - время ударного двухмесячника на лесозаготовках, а посему все инженеры-производственники разъехались по закрепленным лесопунктам.

- А чего сразу-то с утра не зашли, - пробурчал сторож, - ждал Вас ждал, ущицей хотел угостить, а Вы сразу в делянки...

- Сам понимаешь, понедельник - день тяжелый. Мужики - кто с «бодуна», кто еще с какими-то проблемами за выходные не сумели разобраться - могут работу сорвать. А начинать неделю с потерь не хотелось бы. Каждый зимний день, ты же сам знаешь, на вес золота. Полдня простоя - и весь месяц полетит кувырком. График плотный, сорвешься - потом не наверстаешь. Зато сейчас я спокоен - все бригады сегодня норму дали, и в целом лесопункт находится в графике. Так что принимай меня, ставь на довольствие, но в первую очередь налей чаю, хорош он у тебя всегда получается. Особенно, когда пьешь, придя с морозца. Можешь ты, Василий, угодить. И почему тебя мать Коль-кой, как меня, не назвала? Был бы ты у нас Никола-угодник.

Николай Петрович мог бы ночевать и в лесопунктовском поселке, в комнате для приезжающих. Но в связи с тем, что вывозка древесины велась круглые сутки, лучше было по всему, чтобы он находился поближе к производству в любое время суток.

Василий же, бобыль по жизни, был всегда при деле. У

него все как-то клеилось-ладилось. Присматривая за техникой в делянках, поддерживая в постоянной готовности водомаслогрейки, затопляя печь-плиту с утра на котлопункте, он еще успевал дать на лыжах кружка, иногда километров на десять в поисках зайцев, а если очень повезет, то и лося зацепить, так сказать, для общественных нужд. К тому же и рыбак он был отменный.

Вот и сегодня, в ожидании Николая Петровича, он уже сбегал на реку, проверил «морды». Налим шел на нерест, попадал часто. На плите допревало вкусное варево, запах от которого распространялся по обеим отсекам. Попив с удовольствием чаю, разомлев, раскрасневшись, с подковырочкой спросил Николай Петрович:

- А что, угостишь ухой-то, Василий. У меня ведь «Столичная» может прокиснуть.

- Тебя жду, когда чаю напьешься.

- Так я уже готов, как юный пионер.

Чокнулись эмалированными кружками, выпили, с аппетитом принялись за уху...

- Ну вот, теперь можно и на боковую. Что-то шибко я сегодня Василий умаялся, отдохну малость. А ты давай рассказывай, что у вас тут новенького? Я ведь около месяца здесь не был.

- А что нового-то? Разве что Алешку Жаравина на той неделе женили, начал повествование Василий, плетя при этом рыболовную сеть.

- На Тоньке Бушмановой, что ли?

- На ней, на ней, на ком же еще то.

- Да ведь батько-то не согласен был?

- А что батько? Иван ведь не шкаф, взяли да и отодвинули его. У них же в семье Нюрка правит.

Замолчали, прислушиваясь к новостям, что шли по «Маяку». У Василия и тут был порядок. «Прибарахлил» аккумулятор, регулярно подзаряжал, зато и лампочка у него по вечерам горит — все не свечка, да и с приемником от жизни не отстанешь.

- Сколько времени-то Вася?

- Без двадцати восемь, Петрович.

- Ну, ты рассказывай дальше, а я сквозь дрему тебя послушаю. Ох и жарко же тут у тебя.

- К утру, смотри, не замерзни. Прогорит в печке — быстро наша клетушка остынет.

- А ты не ленись, подкидывай в топку-то почаще.

- Так ведь, и так за ночь-то пару раз вставать приходится.

- Чего это у тебя лампочка заморгала?

- Да это не лампочка, Петрович. Это сполохи от фар машинных. Кажись, кто-то сюда едет.

- А кто бы это мог быть? Вывозка в ночную смену идет со 112 квартала. Здесь всю принятую древесину к концу дня вывезли. Может заплутал кто?

- Да нет, лесовоз идет сюда. Что-то, видимо, случилось там у них, по твою душу едут, - Василий, уткнувшись в окно, всматривался в вечернюю темноту. - Ой, Петрович, ведь не один, а еще два лесовоза катят сюда. Что-то все же там неладно...

Грозно урча к вахтовому домику подъехал «КрАЗ», в комнату ввалился водитель.

- Беда, Николай Петрович, погрузчик сломался как раз у штабеля, в момент подъема пачки. А резервного - нет. Игорь со сломанным провозится целую ночь. Надо будет отсюда погрузчик перегонять, или здесь грузить.

- Перегонять - это километров 15 будет. А завтра ведь

отсюда после приемки надо будет лес везти. Опять сюда гнать? Время потеряем, да еще, не дай Бог, в дороге что-нибудь случится. Нет, это не выход, пока то, да се, ночь пройдет. За оператором-то послали?

- Да, лесовоз за ним уже ушел. Но, я думаю, мы бесполезно это сделали.

- Почему?

- Вряд ли приедет, потому как тётку они сегодня схоронили. Пьяный он...

- Вот что, Василий, ты же бывший оператор, лет десять грузил. Давай-ка одевайся, да садись за рычаги - будешь отгружать отсюда не принятую древесину.

- Да ты что, Петрович, как я на чужую-то технику сяду? А вдруг что сломается? А как лес непринятый отправлять? Вдруг у мастера что-то там не сойдется - меня же в суд потом потянут.

- С мастером я сам договорюсь, водители с нижнего склада ярлыки привезут - всеотрегулируем. А ты садись за рычаги и грузи машины, глянь-ка, их уже пять штук сюда привалило. Там есть два очищенных от сучьев штабеля - по рейсу на все девять лесовозов хватит. А там, глядишь, и Игорь свой погрузчик починит.

Опыта Василию не занимать. Оба штабеля он отгрузил лихо, как в старые добрые времена. С горем пополам загрузили последний, девятый лесовоз, собрав все разбросанные и сломанные хлысты.

- Ну что, Василий, пойдём в будку, чуток передохнем, дохлебаем уху, попьём чайку, а затем, - Николай Петрович как-то хитровато посмотрел на сторожа, - а затем перегонишь ты погрузчик в 112 квартал. Лесовозы за вторым рейсом придут туда, а Игорь к тому времени один вряд ли с поломкой справится. Чем сможешь - поможешь ему. Бог даст, общими

усилиями и восстановите погрузчик. Но, в первую очередь погрузи там лесовозы, чтобы простоя у них не вышло.

- Да ты что, Петрович, тут рисковал грузил, теперь перегон дальний, да и там грузи-рискуй. Все шишки на меня потом посыплются, случись что. Не поеду!

- Надо, Вася, надо. Поедешь. Охолонешь сейчас немножечко - и поедешь Понимаешь, надеюсь, что если не мы с тобой, то никто больше в данный момент помочь производству не сможет. Понял? Если не сделаешь, сам себя потом за это корить будешь. Представь себе - девять лесовозов полсмены простоят. И крайние тут - мы с тобой. Совесть замучает. Дошло, надеюсь?

- Да как не понять...

- А спрос, Василий, повторяю, с меня весь будет. Ты просто исполняешь мой приказ. И выхода у нас иного нет. Поезжай. Всю работу за тебя здесь я сделаю, не беспокойся...

Долго стоял на дороге Николай Петрович. До тех пор, пока был слышен шум тракторного мотора.

- Ну что ж, не до сна, видимо, сегодня будет, - подумал «толкач», - сейчас нужно водомаслогрейки проверить, а через час-другой и печь в котлопункте затопить, плиту разогреть, чайк к приезду рабочих вскипятить.

- А завтра вместе с мастером придется ехать на нижний склад, чтобы разобраться с объемами увезенной ночью непринятой десятниками древесины...

Амбиция

- Производится посадка на автобус номер 10-44, следующий по маршруту Лесогорск - Большаково.

Пассажиры, сорвавшись с пристанционных скамеечек и подхватив свою поклажу, толкая друг друга, бросились к подъехавшему к месту посадки «ПАЗ-ику». Невероятная сутолока создавалась в связи с тем, что места в билетах не проставлялись, а продавалось их столько, сколько было желающих уехать. Каждый пассажир, вполне естественно, стремился быть в первых рядах, возле заветного входа в салон. В дело шло буквально все: локти и кулаки, узлы и котомки, и, как результат, первыми у закрытой еще двери оказывались кругломордые плотные мужики, пронирыливые вьюны-пацаны, изредка солидных габаритов женщины, способные своей не хилой массой оттереть любого ловкача. Чуть в стороне, как всегда, стояли старики и матери с детишками, коим такая битва за «место под солнцем» была явно не под силу.

В ожидании прихода контролера, означавшего начало посадки, пассажиры переводили дыхание, нетерпеливо переминались с ноги на ногу, расширяя площадь опоры для резвого старта, лишь только прозвучит команда: «По одному заходите и предъявите билетики». А пока посадка еще не началась, пассажиры приняли готовность №1: не выпуская поклажу из рук, зорко следили друг за другом, готовые сразу же принять контрмеры, в случае проявления активности кем-либо из соседей. Уступать занятую с таким трудом выгодную позицию не желал никто.

- Степаныч, что это ты сегодня в «битве» не участвуешь? Аль состарился, силенок не стало? - похлопала по плечу невзрачного измождённого мужичонку, только что пришедшая на автостанцию пожилая женщина, нагруженная рюкзаком и двумя баулами.

- Постарел, постарел, Прасковья Тимофеевна, шестьдесят ведь мне уже стукнуло.

- Да ну?

- Вот те и ну, с сегодняшнего дня я у государства в нахлебниках считаюсь, пенсионер, одним словом. Ездил вот в

контору леспромхозовскую документы оформлять. Так что, праздник у меня нынче.

- То-то от тебя сивухой прет, на радостях, что ли нажрался? Смотри, в автобус не пустят. А уж стоя-то тебе поди-ка и не доехать, эвон как тебя качает.

- Не бойсь, Тимофеевна, пробьёмся, во-о-он, у самой дверки племяш мой стоит - сегодня с Мурманна приехал на сенокос к родителям. Он и на меня место займет. А контролёр, он ведь тоже человек, поймет меня правильно. Вот тебе-то, Прасковьюшка, поди, всю дорогу стоять придется.

- Да уж не привыкать, в последнее время здоровье не позволяет мне в этом штурме участвовать. Молодёжь оттирает, ходу не даёт, а уж о месте и не заикайся - не уступят. И в кого такие выросли?

- Как в кого? В нас! Небось не забыла, как сама-то по молодости шустрила, а? Так что, не обижайся теперь - как аукнется, так и откликнется. В общем, яблочко от яблоньки недалеко падает. Детки-то ведь ни чьи-нибудь, а наши.

- Витька, - обратился Пётр Степанович к племяннику, - не забудь на меня место занять!

Племянник, похоже, дядиного голоса не слышал. Он стоял возле Вальки Перепёлкиной, разбитной большаковской девахи, о чём-то вполголоса с ней переговариваясь. Судя по всему, Витька налаживал контакты, чтобы совместить в период отпуска приятное с полезным: и сенокос родителям помочь выставить, и «покадрить» с любвеобильной девицей.

При посадке парочка оказалась первой и заняла ближайшее сиденье. Бутурлин, через стекло увидевший это, понял, что племяш о нём и думать забыл. Он резко вклинился сбоку, между толпой и автобусом, и, собирая грязь с боковой облицовки автобуса на свой выдавший виды пиджачишко, стал резво продвигаться к входу, крича при этом: «Инвалида пропустите, изверги, мать вашу... Имею право без очереди!».

Благодаря неожиданному стремительному натиску, сидячее место Степанычу всё же досталось, правда не совсем

подходящее, в конце салона, где при движении всегда бывает пыльно, душно и трясовито. Соседом оказался Василий Васильевич Бирюков - технорук Мокеевского лесопункта, где также работал новоиспечённый пенсионер до выхода на заслуженный отдых.

Настроение у Бирюкова - хуже не куда. Он возвращался из управления леспромхоза после директорской нахлобучки за срыв месячного плана лесозаготовок. Начальник лесопункта в конце месяца ушел в отпуск на сенокос, а отдуваться за его просчеты пришлось сегодня техноруку, чему невольным свидетелем оказался и Бутурлин, зашедший к директору ЛПХ подписать документы на увольнение, в связи с выходом на пенсию.

Автобус тронулся. Петру Степановичу, находившемуся в состоянии подпития, не терпелось завязать с кем-нибудь разговор, да и сама дальняя дорога располагает к этому. Увы, технорук, словно оправдывая свою фамилию, уткнулся в окно, а поблизости никого из знакомых, с кем можно было бы поговорить по душам, не оказалось.

Племянник, видимо, уже в автобусе успел хлебнуть «горячительного». Тональность его разговора с Валюхой все усиливалась. Судя по его настроению, по отношению к Перепёлкиной у него намечался успех.

- ... Ты что думаешь, за эти пять лет, что служил в армии и работал на комбинате, я всё забыл? - на весь автобус рокотал Витька, - ничего подобного. Ты вот скажи-ка мне, Валюха, сколько речек и мостов от города до нашего Большакова будет, а? - Не знаешь. А я вот тебе точно скажу: речек 16, а мостов - 17, потому что Светицу мы дважды пересекаем.

Недовольный предательством племянника, по чьей вине он чуть было не остался без места, Бутурлин решил досадить ему.

- А ну-ка, скажи мне племяш, возле чьего сенокоса мы сейчас проезжаем?

- ...

- Молчишь, не знаешь. - Митьки Краснобаева. А следующий за ним - чей будет?

- ...

- Опять молчишь? - Веньки Воронина. Вот то-то, краевед-то ты, оказывается хреновенький, так что, лучше уж не бахвалься. А я вот тебе от самого города до Большакова по обеим сторонам придорожной полосы все сенокосы могу назвать: чьи они и кто сколько на них сена накашивает...

- Уж коль ты такой знаток, мужик, - встрял в разговор водитель автобуса, - скажи-ка мне, сколько столбов от райцентра до вашего поселка будет?...

Тишина надолго воцарилась в салоне. А Степаныч аж рот раскрыл, сраженный наповал столь неожиданным вопросом, уставился удивленным взором в затылок водителя.

- 317, - торжественно объявил автобусник. Сказал, как отрезал.

- Врёшь, - спустя минуту выдохнул Бутурлин, - врёшь, не поверю. Тебе что, в рейсе делать больше нечего, кроме как столбы считать? То-то аварий много стало.

- Поездил бы с мое, не только столбы, но и все лужицы наперечет знал бы...

Пассажиры дружно захохотали. А молчавший до этого сосед Петра Степановича аж за живот схватился, повизгивающе смеясь над неудачей Бутурлина.

Обиженный и униженный в глазах земляков, Степаныч завертел головой, в поисках поддержки. Увы, никто ему на выручку не пришел, а Бирюков, прервав свой визгливый смех, не преминул подковырнуть: «С кем надумал тягаться? Он четверть века на этой трассе работает, еще и не то может выдать. Хотел блеснуть эрудицией? Ну и получай в ответ. И не обижайся, сам напросился».

Петр Степанович, оконфуженный такой неудачей, в долгу, тем не менее, оставаться не желал, это было не в его характере. В хмельной голове лихорадочно крутилась мысль: «Как-то надо отыгаться. И досадить нужно именно

техноруку, чтобы не визжал, не ухмылялся. Ишь, хрен с горы, ещё утром в моем присутствии трепетал, как осиновый лист, в кабинете директора, а сейчас на мне же свое зло вымещает. Видно за то, что я стал невольным свидетелем его экзекуции».

И тут его осенило. Он вспомнил шестилетней давности промашку Бирюкова, о которой никто в лесопункте, в том числе и технорук, до сих пор не знали. Бутурлин же был в этом деле лицом заинтересованным и поэтому до поры, до времени помалкивал. Хотя, ох как хотелось порою среди мужиков побахвалиться, похвастаться своей смекалкой. Нельзя тогда было, могли бы возникнуть неприятности на работе. А сегодня он уже пенсионер, человек вольный, и бояться ему абсолютно нечего.

- Теперь держись, технорук, отвезу я тебе по полной программе. Мало, видимо, тебе сегодняшней директорской порки, - злорадствовал в душе Петр Степанович.

- Василий Васильевич, уж коль ты себя умным да смекалистым считаешь, позволь-ка мне тебя разуверить в этом, - начал «атаку» Бутурлин.

- Не вспомнишь ли, случайно, как шесть лет тому назад у меня был перелом ноги? Вы еще акт о несчастном случае на производстве составляли? - ехидничал новоявленный пенсионер.

- Помню, помню, как же, - насторожился технорук, почувствовав подвох в словах соседа.

- Так вот, никакого несчастного случая не было. Точнее был, но не в лесосеке, как у вас в акте было записано, а в быту, на свадьбе у Мишки Золотавина из Бутихи. Тогда меня пьяного с крыльца сбросили...

- Оконфузился перед пассажирами, реабилитироваться хочешь, вот и несёшь всякую чушь, на себя опять же наговариваешь. Бахвалишься по-пьяни, - оборвал его Бирюков.

- Не-е-е-т, Василий Васильевич, ты не прав!

- Прекрати базарить, Степанович, я же прекрасно помню,

как тебя в то утро сучком спиленного дерева по ноге ударило. Орал ты на всю округу. Мы же тебя тогда из-под кроны вытащили. Кончай ерунду городить, ведь всё равно тебе никто не поверит. Второй раз осрамиться хочешь? К тому же, до Бутихи от тех делянок километров двадцать было, не меньше, причём в другую от поселка сторону, и транспорт туда никакой не ходил. А пешком в ту деревню, да со сломанной ногой обратно, извини меня, это уже фантастика, чепуха на постном масле.

- Как я добирался эти вёрсты, как корчился от боли, кто топил печки в будках и столовой и приглядывал за водомаслогрежкой - это моё личное дело. У меня иного выхода не было, как оказаться в то утро в зоне валки бригады Лебедева. Я знал, что утром он никого не ждёт и по приезде на работу, сразу же приступает к валке деревьев. На этом я и сыграл. Конечно, я боялся, что вдруг вы не начнете работу, пока меня не найдете. Тогда бы мой план рухнул, как карточный домик. Вся ставка на передовика Лебедева мною была сделана. И, как видишь, я не ошибся, все получилось правдоподобно. А что касается свадьбы в Бутихе, так Вы тогда об этом и подумать не могли. Конечно, позднее моё плутовство могло бы раскрыться и мне бы несдобровать, но, видимо, Бог милостив ко мне оказался, пронесло.

Немой вопрос надолго застыл на лице Бирюкова.

- Врёшь ты все, - наконец вымолвил он.

- Это я-то вру? - вдруг с надрывом взревел Петр Степанович, - да я отродясь не врал, вот те крест, спросите хоть кого.

- Как же не врал? Ты только что сказал мне, что тот несчастный случай ты из пальца высосал. Значит, ты либо тогда лгал, когда объяснительную писал, либо сейчас неправду говоришь, на себя наговариваешь. Так что не бей себя кулаком в грудь, что ты чист и честен, аки младенец.

- Признаю, тогда я вынужден был обмануть тебя, Василий Васильевич, безвыходное было у меня положение.

Скажи бы я тогда правду, поперли бы меня с работы, больничный лист без оплаты бы остался. А ведь у меня семья, кормить ее надо было. Что ни говори, разыграл я тогда спектакль, не хуже столичных артистов, вспомнить приятно.

- Кончай глупости говорить, Пётр Степанович, седой ведь уже, а как мальчишка в бутылку лезешь.

- Нет, это вовсе не глупости. А дело, Василий Васильевич, было так:

- Зимние вечера и ночи у сторожа в лесосеке ох как долги, сам понимаешь, один-одинёшенек остаёшься, хоть волком вой. Иной раз такая хандра найдёт, хоть в петлю готов залезть. Люди вечером домой приходят, хозяйственными, семейными делами занимаются, а я как черт-те кто, с волками ночи коротать должен.

- Когда рабочие с делянки уехали, я осмотрел все, сделал, что от меня требовалось, и прилег на лавку, чтобы поспать. Только задремал, вдруг слышу, какая-то машина едет. Вышел на улицу. Оказывается, дальнобойщики заплутали и в наши делянки прикатили. Спросили, как в село Андреевское выбраться. А это как раз через Бутиху, где у моего троюродного брата свадьба на этот день была назначена, в пятницу это дело было. Вот тут-то меня и осенило. Пусть, думаю, хоть и седьмая вода на киселе, но родня все же. Пусть я и не зван был, да ведь я не гордый, и не званным могу прибыть. А что касается охраны техники, ГСМ, инструмента, да продуктов питания, так сюда, за такие вёрсты, никто воровать не поедет, тем более, что все знают - сторож в делянке имеется.

- Короче, подкинул я в водомаслогрейку дровишек, закрыл на замок свою будку и сел в машину. Довезли они меня до Бутихи, дальнейшую дорогу я им объяснил, на том и расстались. А я строевым шагом - к родне. Пришел, а уж свадьба-то в самом разгаре. Не шибко любезно, но за стол пригласили. Сел с краешку, а потом понесло меня, аж возле молодых оказался. Спьяну что-то сказал невпопад, меня

одернули. Я на себе рубаху рвать начал. Меня, короче говоря, из избы-то и выкинули. Приземлился неудачно, ногу сломал. Хмель, как рукой сняло. Надо в лесосеку попадать, а я даже встать не могу. Родня, конечно, всполошилась, как-никак, родственника покалечили.

- План созрел моментально, чем-чем, а смекалкой-то я не обижен. Выпросил у мужиков лошадь с санями, дали мне двух парней в сопровождение. Они-то меня на делянку и доставили. А «обрядиться» там за меня успели только-только до приезда бригад. Когда же я услышал гул лесопунктовских автобусов, уковылял кое-как по лебедевскому волоку в хвойник...

Закончил свое повествование Пётр Степанович, а на душе у него, вместо ожидавшегося торжества, как-то противно сделалось. Пока рассказывал, зло на технорука само по себе прошло, да и протрезвел Бутурлин немного. Как-то неудобно перед Бирюковым стало, стыдно даже. Хотел отомстить «обидчику», а оказалось, что в глазах людей сам себя унизил, да и хорошего человека ни за что обидел...

«Ка-ра-бах, - вашу...»

- Шесть передних кресел не занимать! - объявила при посадке стюардесса.

- Для «больших» мужиков приготовлены, - подумал Валерий Васильевич, бросив взгляд на откинутые на сиденья спинки кресел. Типично-крестьянское любопытство (он выходец из деревни) посмотреть собственными глазами на более высокое, по сравнению с ним, начальство, а по возможности и задать вопросик, на который бы он самостоятельно ответить не смог, взяло верх. Перелесков решил устроиться рядом с приготовленными для «кого-то» сидениями.

Валерий Васильевич возвращался из командировки в областное управление, где утверждался производственный план его небольшого перерабатывающего предприятия на будущий год. Мероприятие прошло успешно, с его цифрами и раскладами согласились все отделы. Утвердили единогласно, без всяких проволочек. А по сему и настроение у Перелескова сегодня было отменное.

- Пристегните ремни, с мест никому не вставать, - не по-женски грубовато-приказной тон молоденькой хозяйки пассажирского салона, озадачил пассажиров.

- А собственно, в чём дело? - недоумевали они.

В это время на посадочную площадку аэропорта въехали черные «Чайка» и две «Волги» и остановились возле трапа. Генерал и свита из старших офицеров, попрощавшись с провожавшими их военными разных рангов, поднялись на борт самолета и уверенно направились в переднюю часть салона, к забронированным для них местам.

- Не впервой им такая честь, видимо, оказывается, - отметил про себя Валерий Васильевич, - чётко знают свое место в самолете.

Як-40 взял курс на Лесогорск - небольшой таежный городишко, до которого было полтора часа лёту. Вопреки установившейся на этом маршруте традиции никому и ничего не давать и не объяснять, бортпроводница прошла по проходу с подносом, где рядками были установлены пластмассовые стаканчики с лимонадом и лежала горка традиционных аэрофлотовских «взлётных» леденцов.

В следующий вояж она пошла с пачкой газет, предлагая пассажирам скоротать полётное время за чтением прессы, начав, естественно, с важных персон.

- Свежие? - спросил полковник с эмблемами танкиста, взяв «Известия» и «Красную звезду».

- Да, - последовал ответ.

- Они же вчерашние, посмотрите на число, - вернул газеты военный, - они уже устарели.

Лицо стюардессы залилось краской, но она, стоически сдерживая себя, пояснила:

- Извините, для нашего региона это самая свежая пресса, мы же не столица.

Немного погодя, придя в себя, она четко поставленным голосом стала информировать пассажиров о достопримечательностях области, о промышленном потенциале, о культурной жизни...

- В данный момент мы пролетаем над рукотворным озером-водохранилищем, зеркало которого, распростёрлось на огромной площади, равной половине территории Бельгии. С затопленных районов переселено население более чем с пятисот населенных пунктов. Мощная ГЭС вырабатывает столько электроэнергии, сколько потребляет государство Люксембург..., - лился звонкий голос юной красавицы.

Весь этот поток цифр, фактов, порою нелепых по наивности комментариев, явно предназначался для высоких военных чинов, давая им понять, что и в «Аэрофлоте» люди не лыком шиты.

Однако, военные даже не прислушивались к ее речам, а вели на полутонах свой специфический, профессиональный разговор. Зато рядовые пассажиры были приятно удивлены.

- Год всего-то не летала, а как обслуживание-то нашего брата - авиапассажиров изменилось. Скажи бы кто мне, никак бы не поверила, - делилась впечатлениями пожилая женщина.

- Что ни говори, а приятно, когда о тебе так заботятся, - вторила ей другая.

- Да вы что, слепые что ли, не видите для кого эта шмакадявка выпендривается, из кожи вон лезет, - кивнув головой в сторону офицеров, оборвал их трепотню интеллигентного вида пожилой мужчина.

Валерий Васильевич прикрыл глаза, делая вид, что задремал, однако прислушивался к разговору военных. Из обрывков фраз, доносившихся до него, он понял, что вся шестёрка - офицеры и генерал, прибыли из штаба военного

округа и едут с проверкой в лесогорский военкомат.

- Товарищи военные, - улучив момент, вклинился в их разговор Перелесков, - сейчас идет война за Карабах между армянами и азербайджанцами. А не грозит ли подобное России, ведь у нас столько национальностей проживает?

Военные, как по команде, повернулись к нему.

Недоумение выражали их лица, дескать, что это еще за «лапотник» осмелился их побеспокоить. Тем не менее, ответили по-военному кратко: «Не беспокойтесь, в России мы этого не допустим».

В аэропорту назначения к стоянке самолета тотчас же подскочили две «Волги» - вся райцентровская суперавто наличность. Как и следовало ожидать, первыми вышли элитные пассажиры - высокие чины армейской иерархии. Пока автомобили не удалились за пределы аэропорта, оставшимся пассажирам - простым советским труженикам, выход из самолета был запрещён.

- Ну что, красавица, запарилась? - улыбнулся на прощанье бортпроводнице Перелесков.

- Что поделаешь, это же птицы высокого полёта, и у нас в «Аэрофлоте» по ним особая инструкция имеется. Эти полтора часа меня так измочалили, столько нервов я на них поистрепала - на год обычных полетов хватило бы, - откровенно призналась стюардесса. - Уж на что с вашими старушками хлопот бывает: то с узлами своими расстаться не могут, боятся, что украдут у них что-нибудь, то сосед по креслу подозрительным покажется - не угонщик ли? То еще что-нибудь. А с этими все время в напряжении. А ставят-то из себя. Газеты, видите ли, вчерашние. Не переносу таких, но что поделаешь - служба у нас такая. Внутри все кипит, а перед ними будь добра - улыбайся, чего бы это тебе не стоило.

- А инструкция, что, односторонняя, только ублажать их, да угождать? - поинтересовался Валерий Васильевич.

- Да, примерно так.

***

- Неспроста эта комиссия приехала, видимо, будут и по тревоге поднимать, не без этого, - размышлял дома за обедом Перелесков, - а уж кого-кого, а уполномоченных по мобилизации, коим становился бы Валерий Васильевич в период военного времени, обязательно задействуют.

День, однако, завершился спокойно, да и следующий - пятница - прокатился как по маслу, в трудовых заботах. Возвращаясь с работы домой, Перелесков мысленно уже готовился к рыбалке. Погода на выходные ожидалась самая распрекрасная. А сейчас чуть примораживало, ни ветра, ни осадков. Для любителей подледного лова - это рай, да и только.

- Валера, - на пороге его встретила жена, - минут десять тому назад звонили из военкомата, срочно просили прибыть по тревоге. Искали тебя на работе, но ты уже ушел. Я чайку согрела - выпей с бутербродиком, кто знает, сколько вас там продержат.

- Не раздеваясь, на ходу проглотив приготовленный женой перекус, Перелесков, захватив необходимые документы, направился к выходу.

- Я думаю, через час-полтора вернусь, прочтут нам, как обычно, лекцию о серьезности международного положения, о событиях в странах ближнего зарубежья, о горячих точках, призовут к бдительности и отпустят. Так что, готовь ужин.

Уже в подъезде к нему подошел старшеклассник из соседнего дома: «Валерий Васильевич, получите повестку и распишитесь. Поставьте точное время вручения».

Как и положено в таких случаях, Перелесков спешил. Он считал себя законопослушным, исполнительным, это же ценил и в своих подчиненных, а разгильдяйство пресекал на корню, всякими дозволенными и недозволенными методами. К тому же, не хотелось подводить и офицеров военкомата, с большинством из которых он был в хороших отношениях.

То, что довелось увидеть на подходе к военкомату, поразило его. Офицер с двумя гражданскими лицами жестами

милицейского жезла припарковывали все проходившие по улице автомобили. Водителей направляли в здание комиссариата. На прилегающей площади уже стояло около десятка различных машин: груженых и порожних бортовых, бензовоз, пара «УАЗ-ов».

Валерия Васильевича встретил капитан Лосев, отметил время прибытия и направил в кабинет военкома, где уже ожидали своей участи его соратники - коллеги, согласно воинского предписания.

За Перелесковым был закреплен Преображенский сельсовет, в общем-то довольно компактный, без дальних деревень, где у руля стоял ответственный, добросовестный руководитель, с коим ни по каким вопросам проблем никогда не возникало. Личные отношения были также хорошими.

- Ну, что ж, в основном прибыли все, - резюмировал военком. Ставлю задачу: «В связи с известными вам событиями..., вы направляетесь в закрепленные за вами сельсоветы, с полномочиями...».

- Теперь конкретные задачи:

- Зареченский сельсовет: ...

- Преображенский сельсовет: Здесь мы поднимаем по тревоге команды, номера такие-то. Численный состав их - 34 человека. Сверите каждого по документам. Колхозы поставляют 7 единиц техники: марки и государственные номера указаны. К ... ноль-ноль они должны быть полностью готовыми к выезду. Уполномоченный Перелесков, Вы выезжаете на автомобиле ЗиЛ-130, госномер 26-74, водитель Овчинников. Как завершите работу в сельсовете, тотчас же сообщите на мой телефон, для получения дальнейшего распоряжения.

- Чёрт побери, - ругался про себя Валерий Васильевич, надо было хоть валенки одеть, а то мёрзни теперь. Возможно еще по деревням ходить придётся...

- В общем, пропал вечер, и рыбалка завтрашняя, похоже, накрылась, - затосковал Перелесков.

На выходе Лосев шепнул: «Тревога учебная, имей это в виду. Но в сельсоветы команда запущена на полном серьёзе. Обстановка в мире сам знаешь какая, так что не допусти каких либо эксцессов, пресекай их в корне, особенно это касается пьянки. Если что пойдет не так, задействуй участкового, он наведёт порядок».

***

Водитель подвёл Перелескова к грузовику, нагруженному дровами.

- Слушай, товарищ, - обратился Овчинников, - давай заскочим до дому, дрова разгрузим. Минут сорок, не более, уйдет на это. Неужели за 30 верст гружёными поедем. А то заодно у меня дома и поужинаем. Куда спешить, наверняка всю ночь там валандаться будем, голодные и холодные.

- Никаких заездов, ты что, не понимаешь, что мне задача конкретная поставлена и сроки жёсткие установлены.

- Я ведь хотел как лучше, - обиделся водитель.

***

Ехали молча, каждый думал о своем.

Встречная машина мигнула фарами. Остановились.

- Мужики, вы местные?

- Да.

- Что у вас случилось? Три деревни вашего района проехали. Понять ничего не можем. Пьяные мужики с пьяными же бабами в обнимку по улицам ходят, песни поют, режут, воют. Раньше так в армию провожали. Или праздник у вас какой?

- Ничего не стряслось, потому и гуляют, что сегодня праздник районный, юбилей. А ты сам-то откуда?

- Из соседней области.

***

У здания сельсовета в Преображенском оживлённо. Действительно (прав встречный водитель оказался), мужики под хмельком, да и женщины, чувствуется, не без греха. Валерий Васильевич пересчитал припаркованные тут же

автомобили - семь, как и положено, переписал в блокнотик их номера. Сквозь строй сразу же замолчавших, и моментально посерьёзневших сельчан прошел в помещение сельсовета. В коридоре тоже было многолюдно, а накурено - хоть топор вешай.

Председатель, чувствовалось по всему, был весьма встревожен. Перелесков решил пока все карты не раскрывать, хотя и видел немой вопрос на лице Александра Васильевича. Сразу же приступил к делу.

- Времени у нас с Вами осталось немного, всего полчаса. Как с явкой?

- Только что прибыл автобус из Сосновки, доставил двух последних мобилизованных. Теперь все 34 в сборе. Будем их строить?

- Пока подождем с построением. Давай-ка лучше сверимся по технике: марки, номера. У меня в предписании значатся следующие...

- У меня те же, все они под окнами.

- Уже видел, даже в блокнот записал. Всё сходится.

Исправны? Горючим заправлены?

- Так точно, сделали все, что положено в данной ситуации. Баки полные, сам проверял.

- До райцентра все смогут доехать? Вдруг придется их и людей туда доставлять.

- Обижаете. Все машины на ходу. Двигатели только что прогревали.

В назначенное время все, вызванные повестками рядовые и сержанты запаса были построены.

- Все 34, как и требовалось, - еще раз пояснил председатель сельсовета.

- Сейчас сверим пофамильно, согласно моих документов.

- Валерий Васильевич, у меня двое из мобилизованных находятся в командировке за пределами района, за удобрениями уехали. Поэтому я вызвал по повестке двух других военнообязанных с соответствующей военно-учетной

специальностью.

- Что ж, начинаю переключку...

***

- Товарищ подполковник, - спустя некоторое время докладывал по телефону Перелесков, - к назначенному времени к месту сбора в Преображенском сельсовете поставлены семь единиц техники, марки и государственные номерные знаки соответствуют указанным в предписании. По повесткам прибыли 34 военнообязанных, с требуемыми воинскими специальностями. Фамилии 32-х соответствуют разнарядке, двое - Краюхин и Соломин, вызваны взамен Тихонова и Полозкова, находящихся в командировке за пределами района. Их воинские специальности аналогичны.

- Ну что ж, Валерий Васильевич, соберите вызванных в зале, минут на десять прочтите лекцию о международном положении, поблагодарите за чёткий сбор, объясните, что он был учебным, пожелайте им всего доброго и распустите по домам.

Вас я благодарю за оперативно и четко выполненную работу. Жду Вас завтра в девять ноль-ноль в моем кабинете со всеми документами. Необходимо будет также составить отчёт.

***

Гробовая тишина стояла в зале, пока Перелесков вкратце объяснял ситуацию, сложившуюся в Закавказье. И мужики, и их жены, в ожидании чего-то непредвиденного, возможно страшного, что должно вот-вот сорваться с уст Перелескова, вслушивались в каждое его слово, но не вникали в смысл сказанного. Они ждали главного: что ждет в ближайшее время этих 34-х, почти уже мобилизованных, срочно поднятых сегодня по тревоге.

Всеобщий вздох облегчения пронёсся по залу, когда Валерий Васильевич произнёс заключительные слова. Наступила кратковременная тишина, необходимая для осмысления сказанного уполномоченным, и практически тут же прерванная кем-то из «мобилизованных»: «Ка-ра-бах,

вашу мать, а мы ведь подумали, что нас на войну забирают!».

И тотчас же шум-гам поднялся в зале, зазвенели бутылки. Мужики вместе с жёнами приступили к «ликвидации» приготовленных на дорогу запасов еды и спиртного.

- Александр Васильевич, я отбываю. Обеспечь, пожалуйста, порядок.

- Не беспокойтесь, Валерий Васильевич, все будет нормально. Ох, и денек сегодня выпал. Не дай Бог всерьёз такое пережить.

«Сорок пятый»

Есть населенные пункты, где в клочках людей в кучу сбиты и все эпохи, и политика, и сферы деятельности, и быт, и прочее, прочее, прочее. В одном из лесных посёлков, например, прекрасно уживались Пушкин, Сталин, Троцкий, Брежнев, Шнобель, Семейный и так далее. И в других населённых пунктах были подобные персонажи.

В одном из отдаленных лесопунктов тянул свою житейскую лямку невысокого роста, худощавый, в общем-то, невзрачный мужичонка. Он обладал такими несоизмеримыми с телом ножищами, что сразу же при поступлении на работу, после службы в рядах Советской армии, к нему приклеилась кликуха «Сорок пятый». По размеру носимой им обуви. Работал Митька до самой пенсии водителем транспортного автомобиля, в последние годы на бортовой «семёре» (ЗиЛ-157). Особенностью дальних лесопунктов являлось то, что уж если отправлялся в город грузовик, то водителю поручалось море различного рода заданий. Ну, и вполне естественно, что возвращался он под завязку заполненным разнообразным грузом, начиная с троса, бензопил и двигателей, кончая продуктами питания. В числе последних, обязательными для каждого рейса были ящики с винно-водочными изделиями, в

то время весьма дефицитными, И, конечно же, неизбежный атрибут - пассажиры. Автобусы по бездорожью ходили не всегда, а уж до последних пунктов своего маршрута, а это в основном и были лесные посёлки, добирались весьма и весьма редко.

Кто как, а «Сорок пятый» в обратный путь брал с пассажиров подорожный сбор, в основном жидкой валютой, тем более, что она у него в кузове всегда водилась. Приезжал он в родной поселок всегда в районе полуночи, раньше у него никак не получалось. Только на следующий день, но всегда чётко, отчитывался Дмитрий и за «железо», и за магазинный товар, и за документацию, и за деньги, хотя бывало, и вываливался по приезду из-за руля машины прямо к своему крыльцу, уже в сонном от чрезмерного возлияния виде. Безусловно, все знали о таких рейсах, но времена были тихие и спокойные, да и люди тогда были гораздо порядочнее нынешних, ничего чужого не трогали, даже если что-то ценное лежало открыто, без присмотра.

Но вот пришла перестройка. Появились и расплодились братва, группировки, крыши, киллеры и прочая, по-народному, шпана. Работать стало не модно, гораздо престижнее считалось отбирать, облагать данью-налогом на всё и вся, а посему начались наезды разные, да разборки, «забивание» стрелок и прочее.

Дурной пример заразителен, и у нас в захолустном районе стали появляться «смельчаки», которые больше, конечно, по-пьянке пытались присвоить себе то, что им не принадлежало, надеясь на силу мускулов и кулаков. А иногда, для понта, «поигрывали» и ножичками. Хотя, буквально сутки спустя после содеянного, они пускали слюни и сопли на допросах в наших доблестных органах внутренних дел. Каялись слезно, клялись, что подобное с ними больше ни в коем случае и никогда не повторится.

Но бывало, как в нижеописанном случае, что приходилось милиционерам и в полной мере показать свою

выучку в рукопашном бою.

***

В тот вечер Митьке воистину подфартило. Уже около семи вечера он стоял на «точке», возле пропускного шлагбаума, подсаживая попутчиков. Пассажиры оказались, по местным меркам, серьёзными. В кабине - секретарь сельсовета, да лесопунктовская бухгалтерша с грудным младенцем, а в кузов под тент, помимо привычных «Кузьмичей», полезли аж целых три милиционера: свой участковый, его коллега-мент с соседнего сельсовета (оба одетые по форме - возвращались с совещания в РОВД), да отпускник - сыскарь в штатском из Питера.

Вопреки гаишно-участковским правилам, перед выездом служивые в погонах налили полный гранёный стакан и «Сорок пятому». Он, видимо, ни под какие ПДД и прочие инструкции, связанные с принятием алкоголя за рулем на транспорте, не подпадал, а за провоз, даже с облачённых великой властью народных защитников, он тоже брал сорокаградусной устюгского, естественно, производства.

Проехали километров тридцать. В зеркале заднего вида Митька увидел огоньки фар догоняющего их автомобиля. «Семёра» по распутице - хозяйка дороги, а «Сорок пятый» на такой проходимой машине - просто король. Он таковым себя и чувствовал, когда находился под градусами. Пропустить - не пропустить более скоростной транспорт - все зависело от него. Он и на этот раз решил показать догоняющим, кто здесь настоящий хозяин дороги. С приблизившегося автомобиля помигали фарами, настойчиво прося или даже требуя то ли уступить дорогу и пропустить, то ли остановиться. Бывали раньше случаи, когда в позднее время в проезжаемых Митькой деревнях, просили местные мужики продать им пару-тройку бутылок, в магазинах тогда торговали спиртным только до 19 часов.

- Ишь ты, - отреагировал на сигналы «Сорок пятый», - видно шибко у них в ноздрях разъело, добавка потребовалась.

Знают, что у меня в кузове водка имеется.

И все же, останавливаясь он не думал, этот товар в лесопункте был нарасхват, а неприятности с продавцом, рабочими, да и просто с жителями поселка ему были ни к чему.

Однако, преследователи настырничали, продолжая мигать фарами, предприняли несколько попыток его обогнать. Сколько бы Митька не перекрывал им проезд, они всё же сумели с огромным риском проскочить «семёру» и, лихо выполнив вираж, поставить свой «УАЗ» поперек дороги.

Двое изрядно поддатых неслабых парней вылезли из него и, ни слова не говоря, открыв дверцу кабины грузовика, в прямом смысле вытащили неуступчивого водителя из-за баранки.

- Ты что, козёл, не видишь, что тебя просят остановиться? Десяток лишних километров из-за тебя, сморчок, намотали.

- А я в зеркало не гляжу, - нагло храбрился «Сорок пятый», в резерве у которого в кузове находилось три милиционера.

- В общем, так, - решительно заявил один из «обиженных», - доставай из кузова пять «пузырей», и будем квиты.

- Гоните деньги, тогда будут и «пузыри», - смилостивился Митька.

- Не по-о-нял, чего-чего? - с угрозой пробасил другой. - Гнида ты этакая. Тащи водку, а то враз зашибу, - затряс он своими пудовыми кулачищами.

- Это кто тут у нас такой смелый? - тихонечко выбравшиеся из кузова милиционеры обошли «Зил-а» и оказались за спиной у гнущей понты парочки...

- Ох, и «метелили» же стражи порядка этих мужиков, аж мне жутко стало. В кровь им рожи «измесили», а затем этими мордами еще в грязь натыкали. Нехило, видимо в ментовке драться учат, - рассказывал на следующий день «Сорок

пятый» в гараже своим коллегам-водителям. - На всю жизнь, наверное, отбили охоту этим «крутым» наезжать на таких как я скромных тружеников.

- А не боишься, что они тебя изловят когда-нибудь?

- Нет, эти уже не тронут. Наш участковый знает, кто они и из какой деревни, о чем он нападавших и проинформировал, пригрозив при этом, что если еще хотя бы один «наезд» с их стороны будет, то по совокупности им будет грозить приличный срок. Так что, не резон им больше на рожон-то лезть.

- И впрямь, спокойно отъездил Дмитрий своим привычным маршрутом до самой пенсии, никто и никогда его больше не трогал, ибо молва об инциденте разошлась довольно широко.

А все детки виноваты...

Занесло меня в этот провинциальный древнерусский городок по делам производственным совершенно случайно. В одном из рекламных проспектов мы неожиданно натолкнулись на агрегат, который безуспешно искали до этого около трех лет. А тут надо же, какая удача - перечисляй деньги и получай на самовывоз. Не откладывая дело в долгий ящик, созвонились, и я поехал на завод, чтобы самому убедиться, не «кот ли это в мешке», а заодно проверить комплектацию и договориться о цене.

Сделка завершилась удачно, и пока водитель отсыпался в гостинице после ночной дороги, я решил пробежаться по улочкам этого старинного патриархального городка, ознакомиться, так сказать, с его достопримечательностями, а еще посмотреть, чем живут-дышат россияне в волжской глубинке.

Надо сказать, городок мне приглянулся, народ тоже

понравился: дружелюбный, добрый, отзывчивый. На все мои вопросы-расспросы местные жители отвечали обстоятельно, подробно, так, что за каких-то пару-тройку часов у меня уже сложилось полное представление о житье-бытье в этих исторических местах.

Выходя из центрального универмага, где я прикупил сувениры местной фабрики, возле магазинного фасада увидел сидящих на самодельных скамеечках бомжеватого вида старушек, торговавших семечками. Дай-ка, думаю, возьму парочку стаканов на обратную дорогу. Ночь долга, в машине все равно не заснуть, так будет хоть какое-то занятие.

- Почем стаканчик, бабульки, - рука моя с зажатой в пальцах десяткой зависла над мешком одной из торговок, сам же я пристально вглядывался в ближайшую толчею, где, похоже, продавали что-то неординарное, дефицитное, таков уж там был ажиотаж.

Мгновение спустя я вздрогнул от неожиданности, точнее от легкого испуга, чьи-то холодные кисти, как цепкими клещами обхватили мою руку.

- Толенька, да ты ли это? Какими судьбами? А я тебя заприметила, ещё в универмаг заходящим. Только вот думала, не обозналась ли я. Сомнение взяло, ведь вроде бы наши, николевские, в этот город не ездят.

- Ба, тётя Нина! Узнал Вас, узнал... - Вероятно, на моём лице было выражено некое недоумение-изумление, что она, горестно- обидчиво поджав губы, вот-вот готова была разреветься.

- Что, сильно изменилась, не узнал сразу-то? - сквозь слезы печально молвила «старушка», личико её сморщилось, как печёное яблоко, глазки сощурились, в попытке сдержать слёзы.

- А ведь ей нет еще и 60-ти, - размышлял я, - как же она так резко состарилась и попустилась?

- Да я просто не ожидал Вас здесь встретить, - соврал

ей, все ещё не веря глазам своим от увиденного. Как, за каких-то полтора десятилетия могла дойти до полунищенского состояния никольская красавица, некогда неотразимая Нина Ивановна, на которую заглядывались многие мужчины нашего городка.

- Вот, такова жизнь, Толенька, - словно прочитав мои мысли, - горько вздохнула она. - А я ведь в душе-то всё время в Никольске. И здесь-то сижу, в самом центре города, где приезжего люду много, все надеюсь, что повстречаю кого-то из земляков. Уж так хотелось, хоть кого-то из никольчан увидеть, а если удастся, то и поговорить. Вот уже три года как жду. Дождалась, наконец-то, - уже навзрыд заплакала Нина Ивановна.

- Да ты, Нина, тово-этова, напои хоть земляка чаем, поговори с ним, покараулим мы твой мешок-то. А если спрос будет, может и твоими семечками поторгуюем, - вошла в положение соседка.

- И то правда, пошли Толя, я тут недалеко живу.

Тем и характерны древние городки средней полосы России, что буквально сразу же, только сойдешь с центральной улицы, начинаются улочки с частными небольшими домами и приусадебными участками, напоминающими обычную русскую деревню, только более плотной и квартальной застройки. Домики эти уже стоят, пожалуй, более века, кои-то из них присели на один угол, другие чуть не по окна ушли в землю, на иных еще серые тесовые крыши. Деятнадцатый век, да и только.

Через какие-то десять минут Нина Ивановна свернула к калитке приземистого небольшого, словно игрушечного домика, что об два окошечка с фасада. Очередное разочарование постигло меня, ведь в Никольске у тётки Нины были хоромы ой-е-ей.

- Дожилась, врагу не пожелаешь такого, - печально глядя мне в глаза, сказала она, - вот такой крен дала моя

жизнь, а всё детки, детки...

Детей её я знал прекрасно, как и, в общем-то, всю их семью. Умерший рано муж Нины Ивановны оставил после себя крепкий новенький, с любовью отстроенный, изящно отделанный дом-пятистенок со всеми надворными постройками, современную по тем временам обстановку, нового с иглочки «жигуля» с всего лишь 10-ю тысячами наезженных километров. Потом, как-то для всех неожиданно быстро, эта семья съехала из Никольска.

Зашли, сгибаясь, в дом. Темно, холодновато, отдает сыростью, прелью. Да и домашняя обстановка угнетала своей убогостью. Старомодная мебель, большей частью самодельная, вероятно, еще оставшаяся от прежних хозяев, как-то не увязывалась с обстановкой в их никольском доме, в коем мне пару раз довелось побывать.

- Ты ведь, Толенька, помнишь, наверное, - прихлебывая чай из блюдечка, начала Нина Ивановна свой рассказ, - что старшенькая-то у меня, Надюшка, после техникума распределилась сюда. Жила на съёмной квартире. Не посоветовавшись, не поговорив даже со мной, вышла замуж. Родила дочку, затем сына-погодка. Осела здесь. Витюшка, сынок мой, подался в Череповец, устроился на «Северсталь» - на большие деньги позарился. А малая - Людмила поступила в Ярославский медицинский институт. Нынче его заканчивает. А как ей дальше жить - ума не приложу. И она, похоже, не знает, куда приткнуться. В село не хочет, а в городах без жилья, без прописки - никому не нужна.

Мы выпили с Ниной Ивановной еще по чашке, и она, тяжело вздохнув, продолжила свое повествование.

- А началось-то все с Витюшки. Толком до сих пор не пойму, в какую он авантюру вляпался? Как они говорят, нынешние-то - «попал на бабки». Да и с законом что-то не в ладах он был. В общем, сел в тюрьму на 5 лет, а за долги,

грехи какие-то - «Жигули» пришлось срочно продавать. Цену должную из-за спешки, понятно, не дали, но с долгом всё же рассчитаться денег хватило.

Потом Надюшка в Никольск позвонила, чего, мол, мама одна там маешься? Продавай дом и приезжай к нам. Здесь купим такой же. И мы хоть по чужим углам мыкаться не будем. Так я и сделала, жалко их стало. Только ведь пожилы-то они в своем доме совсем немного. Уговорил ее муж переехать в Иваново, на хорошую, дескать, работу устроимся, на денежную. Уехали. Там в жилищный кооператив записались. А где деньги-то взять на первый взнос? Пришлось продать в общем-то не обжитый еще нами дом. Цену за него дали хорошую. Им на взнос хватило, а мне вот эту лачужку прикупили. Поживи, мол, мама в ней немного, будет у нас квартира - и тебя заберем к себе...

- Вот и забрали, - залилась слезами моя землячка, - с той поры ни слуху, ни духу. Одна-одинешенька теперь осталась в этой холодной хибаре, дров не могу напастись, «улицу топлю». Пенсии не хватает, решила продажей семечек заняться. Но велик ли приварок-то? - Крохи. В общем, живу, как в народе говорят - «с колоты на молоту», во всём себе отказываю.

Я все молчал, не знал, как можно утешить старушку, чем помочь, что посоветовать?

- Так, видно, и помру - в нужде, да в одиночестве, и на похороны никто не слетится-не съедется, - запричитала Нина Ивановна, - придётся, видимо, коммунальщикам меня и хоронить-то, в гробу не тёсаном... - Разве я этого, Толя, заслуживаю, а?

- В Никольск Вам надо возвращаться, ведь там все свои, все Вас знают, без помощи не останетесь. Здесь же Вы одна-одинешенька, как Вы это понять-то не можете?

- Вот то-то и оно, что все там знают меня. Знают-то

как в полном достатке жившую, в хороших хоромах, обеспеченную всем, видную женщину. А теперь-то кто я? Как я в таком виде предстану перед земляками? Да и где жить буду? За эту халупу, если продавать, много ведь не дадут. А позориться, бомжуя в Никольске, на глазах знакомых, я не смогу. Уж лучше тут дотяну как-нибудь свой век...

- Ох, и тяжкий же крест нести досталось мне, врагу не пожелаешь.

- И все-таки, Нина Ивановна, я настаиваю: Вам надо возвращаться на родину.

- Нет, Толя, знать не судьба мне на родной земле в могилку лечь. Придется, видимо, здесь помирать. Одно только попрошу: никому в Никольске ничего обо мне не говори. А вообще-то, лучше забудь, что ты меня здесь встретил...

Крещение

Как и планировалось, «косу» разобрали задолго до обеда. Уставшие, но довольные, собрались сплавщики у костра, обсуждая перипетии закончившегося аврала. Как-никак, по «стольнику» им сегодня перепадет, а это, что ни говори, почти месячная зарплата в обычное время. И получить эти деньги они должны сегодня, их мастер в этом отношении - кремень: кровь из носа, но если пообещал - выдаст, даже если в кассе сплавучастка наличности не окажется. Здесь же, на берегу, по окончании работы у бригады запланирован и небольшой сабантуйчик. Под мясную тушёнку с печёной картошкой на свежем воздухе в весенний солнечный денек с устаточку хлопнут мужички по бутылочке водочки на

брата - и ведь ни в одном глазу. Это уже опробовано. Зато усталость как рукой снимет, а настроение будет - лучше не куда. А затем придет за ними автобус, развезет по домам. Выспятся мужики, а на завтра - не свет, не заря - опять на бережок. Надо спешить с зачисткой берегов - «караванка» поджигает.

Подшучивают друг над другом сплавщики, незлобливо, а так, утехи ради. Хлопают по плечу Лёшку Морозова — восемнадцатилетнего хлопца, зябко переминающегося с ноги на ногу возле костра в одних трусах. Вся его одежда, аккуратно развешенная, сушится тут же у огня.

Лёшку сегодня принимали в сплавщики. Пройденная им накануне обязательная обучающая десятичасовая программа и сегодняшний нудный инструктаж по технике безопасности, зачитанный мастером, - это так, для проформы. Такая теория в памяти закрепляется с трудом, а вот когда на практике столкнешься с травмоопасной ситуацией, тогда поймешь, что к чему. Тем более, что пареньку, выросшему в колхозной деревне, и жившему в десяти километрах от лесопунктовского поселка, всё здесь было в диковинку.

Правда, о сплавной традиции - крещении - хлопец уже был наслышан. А для бригады, искупать паренька в майской ледяной воде, это все равно, что подвергнуть его госприёмке.

Сыпал искрами, потрескивая, костерок. Приятно щекотал ноздри, разносимый ветерком запах картошки.

- Лёшка, прими-ка скорее стаканчик, сразу трястись перестанешь, и никакая хворь к тебе не привяжется.

Полный граненый стакан водки - в жизни для хлопца пока еще барьер не взятый, что его и забеспокоило. В общем-то итоге он пивал и побольше, но чтобы сразу, за один присест столько - пока ни-ни. Но, уж коли ему

первому мужики подают, значит уважают, действительно принимают его в свою славную сплавную компанию. И тут, хочешь, нет ли, а опростоволоситься ему никак нельзя.

На удивление прошло-прокатилось, как по маслу. Даже не моргнув, осушил Алексей посудину, крякнул. Как заправский выпивоха, занюхал хлебушком, затем, не торопясь, взял, как должное, протянутый ему на ноже кусок тушёнки и принялся жевать.

Стаканчик пошел по кругу. Себе мужики наливали по половиночке, явно растягивая удовольствие. По очереди поздравляли хлопца с вступлением в сплавную братию. Языки «развязались». Начали вспоминать сплавные бухтины, добрались до анекдотов.

- Вот вы братцы как-то анекдотец про разный кайф рассказывали, - авторитетно начал Василий Кравцов - бригадир, - так я вам скажу, что самый настоящий кайф можно получить только на сплаве. И наш кайф - не чета какому-то там заграничному. У них ведь всё от скуки, от безделья. Полрюмочки пригубят, девочку поцелуют - это у них кайф: балдеют полдня от полученного удовольствия. А мы вот сегодня, к примеру, умаялись до чертиков, а выпили - усталость сразу сняло. Чуете, как хмель по крови заходил? Вот то-то! А еще по парочке «опрокинем» - хоть снова на «косу» выходи. И настроение распрекрасное! Вот вам и кайф по-нашенски! И медики, между прочим, зря в наши головы вдалбливают, что алкоголь только вредит. Когда избыток спиртного, да часто принимать - тогда согласен. А в меру, да ко времени - ей Богу лечит и бодрит, сил дополнительных придает. Настоящим мужиком себя чувствовать начинаешь.

- Н-нап-пуга-а-ли вы м-меня, м-му-жжики к-кап-п-итально, - заговорил все ещё стуча зубами Лёшка, - в-ведь и п-плав-вать-то я н-не ум-мею. Д-думал в-всё, ух-х-ожусь

в в-воде и п-прости-п-прощай м-мам-менька с с-сес-с-трич-ч-кой.

- Не бойсь, утонуть мы бы тебе не дали. А крестить положено, таков суровый сплавной закон, до нас еще принятый. Все мы прошли через крещение, и как видишь, живы-здоровы, и даже не кашляем. Зато теперь тебе ничего не страшно. Ты сейчас у нас настоящий сплавщик.

- Силы в тебе хватает, даже с избытком, а вот сноровки да умения пока недостает. Да не тушуйся, со временем опыта наберёшься - тогда тебе цены не будет. Держи-ка еще стопарь, да оболокайся, одежда твоя вроде уж подсохла.

- А испугался хлопец не на шутку. Хоть он и знал о сплавной традиции, даже ждал, что его вот-вот искупают, а все же притупил бдительность по окончании аврала, полагая, что «крещение» отложено на завтра.

После разбора «косы» переплывали сплавщики на свой берег на бревнах. Обхватывали ногами по два надежных сортифта и по двое осуществляли переправу. К себе в пару Лёшку взял бригадир. Плыли последними. Когда причалили боком к берегу, мужики уже стояли на глинистом урезе, ожидая их. Василий первым выскочил на прибрежную отмель, протянул парню руку, а когда тот, встав, утвердился в мыслях, что бригадир его сейчас рывком вытащит из воды, тот, чуть-чуть попотянув его на себя, вдруг неожиданно выдернул руку, и Лёшка, не ожидавший подобного «предательства», бултыхнулся спиной в воду. Не достав дна начал барахтаться, пытаюсь подплыть к берегу. Одежда и сапоги тянули вниз. Неимоверным усилием «крестник» рванулся к не успевшим отплыть бревнам и грудью начал влезать на них.

Довольные своей «шуткой», сплавщики подхватили бедолагу и вытащили его на берег...

***

Всё шло как по чётко написанному сценарию. Только-только успели мужики закончить трапезу у костра, как на лужайку из прибрежного сосняка выкатил автобус.

- Ну, что Петрович, деньги привёз? - для проформы спросили подошедшего к костру мастера.

- Деньги - не проблема, они при мне. Вопрос в другом - срочно мне нужна ваша помощь. Сильно «квакнули»-то?

- Да нет, как обычно. А что, еще какой аврал подвернулся?

- Есть, братцы, срочная работёнка. Для вас это сущий пустяк, дело привычное. В деньгах не обижу.

- Да не тяни резину, дело говори, за деньги мы не боимся, знаем, что не обидишь.

- В общем так, завтра запань открываем и ...

- Как завтра? Так ведь...

- Завтра запань открываем, - повторил мастер, - а на нижней дистанции еще не расставлены бона.

Рассчитывали, что в проплав будем пускать древесину не раньше, чем через 3-4 дня, когда баржи по планам речников должны были уйти в низовья. Так и с людьми договорились. А тут, сами видите, вода стала резко падать, баржи экстренно ушли к устью. Ну, и нам не резон волынку тянуть, надо пользоваться моментом, пока вода еще большая, а то придется потом целое лето всем леспромхозом «раков давить».

- Петрович, а начальства не боишься? Ведь мы выпивши, а пьяные на воде, сам знаешь, чем это чревато, тем более что мы сегодня уже с 3-х утра ломим, притомились.

- Не впервой и вам, и мне, ну а с начальством разговор уже был. В общем, так: пару часов поспите - и все будет в норме. Ну что, по рукам?

- Ну что, мужики, уважим Петровича?

- Ладно, поможем. Петрович, только ради тебя, другому бы отказали.

- Ох, и хитро же начальство, знают кого к нам посылать.

- Ну, вот и ладненько, - заулыбался мастер. - Так, мужики, живенько в автобус, и в поселок. А в 14.00 всем быть у конторы. Время не терпит.

***

Прибыли на запань еще засветло. Расстановка бонов для опытных, хорошо знающих реку сплавщиков и экипажа катера КС-100 - дело будничное, привычное. Управились быстро. Мастер, встречавший их на берегу, пояснил, что автобус сломался, а других машин не ожидается, поэтому в поселок сегодня не уехать, и ночевать, естественно, придется здесь, на запани. Выпили мужики по такому случаю, плотно поужинали. Спать вроде и расхотелось. Прихватили пару бутылочек и тайком от мастера пошли уговаривать капитана катера спуститься вниз по реке и поставить несколько сеток в укромненьких местах, а на утра снять их с уловом.

После двух стаканов капитан дал добро, и рыбаки-любители отдрейфовали по течению от запани за поворот, с тем, чтобы не услышал Петрович шума двигателя. Там завели катер. Спустились вниз быстро, сноровисто поставили сети и, выпив еще за успех дела, уже в потёмках стали подниматься вверх по течению, обратно к запани.

Когда до цели осталось чуть меньше километра, скорость движения стала резко падать.

- Забило, видимо, водомет, ведь хламу в реке всякого хватает. Надо почистить, а то всю ночь идти будем, - заметил бригадир. - Давай, капитан, действуй, а мы тебе поможем.

Вскрыли крышку люка, убрали мусор и, задраив люк,

снова двинулись в путь. Спяну никто не заметил, что катер медленно, но верно делал крен на корму. Очухались, когда с плитки полетел на пол чайник. Но, было уже поздно, катер пошёл ко дну.

***

Быстрое течение разбросало компанию на приличное расстояние друг от друга, а Венька Петров аж на тот берег уплыл. Не было только Лёшки. Кричали, звали его - не откликался. Спустились по берегу вниз - не видно, не слышно, да и темно уже стало, искать бесполезно. Стояли понури́в головы, хмель как рукой сняло.

- Он же плавать не умел, поди утоп, что теперь с нами будет? - заныл Ерофеевич, мужичонка в годах.

- Не каркай, может утащило его дальше. Я же круги успел бросить с катера. Кидал поближе к вам, а ведь ни одним из них вы не воспользовались. Возможно он сумел схватиться за который-то, - оборвал его капитан. - Чего разнылся раньше времени?

- Вам что, вы пассажиры, - продолжил капитан, - а вот мне за катер и так уже тюрьма светит. И не дай Бог, что с Лёхой плохое случилось. Ох и сволочи же вы, уговорили пьяного меня плыть. Ухи им свеженькой захотелось. А я сейчас расхлебывайся за ваши прихоти.

- Нечего стоять, искать сейчас бесполезно - тьма кромешная. Давайте бегом на запань, а то от холода «коньки откинуть» можно, - прикрикнул бригадир...

***

Поднятый среди ночи мастер долго не мог врубиться. Стоят перед ним мокрущие мужики с бледными лицами, перебивая друг друга, что-то лепечут.

- Да не все сразу, говори Михаил, ты, обратился Петрович к капитану.

Пришлось ему все подробно рассказывать.

- Как же так, Миша, катер-то затопили? - спросил

мастер, когда его ввели в курс дела.

- Видимо, когда закрывали люк, неверно положили прокладку, в потемках ведь задраивали, на ощупь. Естественно, при работе водомёта, вода постепенно стала поступать в катер, точнее в кормовую его часть. Ну и ... дальше произошло то, что и должно было произойти. В общем, иной причины я не вижу.

По радиии сообщили о случившемся в леспромхоз. На поиски Морозова было направлено несколько групп людей. С низовья к запани поднимался катер, с которого производился осмотр обоих берегов. Но тщетно, никаких признаков, ни каких мало-мальски подходящих зацепок. Как говорится, хлопец как в воду канул.

Ничего не дал и осмотр вытащенного на берег трелевочными тракторами катера.

- Ну что, мужики, надо известить о случившемся Лёшкину мать. Кто поедет в Крутиху? - спросил главный инженер.

Молчание. Кому охота с такой вестью идти к матери.

- Да сподручнее Вам, Иван Иванович, Вы все-таки здесь самый старший по должности, и возглавляете поиски, - пролепетал Петрович, не особо-то надеясь, правда, на его согласие.

Поехали втроем: главный инженер, мастер и бригадир. Когда свернули в заулочек и остановились у дома Морозовых, минуты две сидели без движения, собираясь с мыслями. Затем Иван Иванович резко ударил обеими руками по баранке «УАЗ-ика», как бы решившись на очень трудный шаг, закурил и скомандовал: «Пошли! Выжидать нет никакого смысла».

В прихожей их встретила Лёшкина мать.

Не успели приезжие и рта раскрыть, как она, опередив их, спросила: «Вы, наверное, из-за Лёшеньки? Так он на печке лежит. На утре прибежал весь сырой, вижу не в себе,

трясёт всего. Что-то, вроде, и сказать хочет, а не может. Раздела, растерла его, да на печку его скорее, да укрыла потеплее. Боюсь, как бы болезнь простудная к нему не привязалась. Будить уж его не стала, какой из него сегодня работник. Уж пусть отоспится, да прогреется».

На душе у приезжих отлегло, мужики заулыбались.

- Ну, слава Богу! - невольно вырвалось у мастера.

- Что-что? - не поняла старушка.

- Да пускай отсыпается. Если плохо почувствует себя, позови фельдшера. А работа от него никуда не убежит, на его век ее хватит, - ответил мастер.

- Поняла-поняла, так и сделаю. А не напроказил ли он чего?

- Да нет, мать, всё нормально.

***

- Как груз тяжёлый с плеч свалился, - признался на улице главный инженер, - а я уж, честно говоря, и не надеялся, что он живой. Думал, всё, угробили парня. Это сколько же километров он ночью «отмахал»?

- Да верст 16, пожалуй, будет, - прикинул мастер.

- Да-а, бегун он отличный. Надо же, домой рванул. Это, видимо, со страху на него нашло, ведь запань-то почти рядом была.

- Пацаны, они и есть пацаны, когда прижмёт - к мамке скорее под крылышко.

- Второе «крещение» на дню - счастливым будет. Знать, и сплавщик из него хороший выйдет, - резюмировал бригадир.

- Счастье ваше, что живой, а то втроём с капитаном на «прокурорские делянки» отправились бы, - резко обрезал Иван Иванович, - а за ремонт катера этим же составом и расплачиваться будете. И «крещения» свои прекратите. Узнаю - строго привлекать буду.

- Да чёрт с ним, с катером-то, восстановим, -

парировал мастер, - главное парень живой остался. Ей Богу, на душе отлегло, когда мать выслушал.

- А все-таки, сплавщик из него выйдет хороший, - довольно потер руки Василий Кравцов. - Я это вам как бригадир говорю. Нутром чую, что толк из него выйдет. Он еще себя покажет.

На Мурман, в няньки

Фронтвики

Вернувшиеся практически одновременно с фронтов Великой Отечественной войны односельчане Алексей Жуков и Василий Петров без малого два месяца беспробудно пьянствовали, изредка куролесили, а на все замечания жителей Вересаевки, а также своих домочадцев отвечали так: «Мы четыре года воевали, всю Европу прошли, немца побили, всему миру свободу дали, а посему, имеем полное право отдохнуть». Для них война в виде фронтовых ста граммов, а зачастую и более, всё ещё продолжалась. Не поддаваясь ни на какие уговоры своих жён о том, что пора бы уже им устраиваться на работу, заняться домашними делами, коих за военное лихолетье накопилось великое множество, они с утра «заряжали» по стаканчику, а там, до позднего вечера обходили фронтвиков по всей округе, по-хмельному под стопку делясь своими военными заслугами. Остановить спивавшихся прямо на глазах всей деревни освободителей народов от фашизма удалось лишь с помощью милиции.

Однако, хватившие европейской цивилизации, демобилизованные красноармейцы работать в колхозе не захотели и начали «штурмовать» председателя сельсовета, чтобы тот выдал им справки, дававшие право на получение паспорта и, соответственно, право на отъезд из деревни. Сколько вина было выпито с сельским «головой» - одному Богу известно, только в начале августа заветные бумажки были им втихаря вручены под единственное условие - устроиться на работу в райцентре на скотобазе.

Слово своё фронтовики сдержали, устроились на работу туда, куда им и было предложено. Соответственно им помогли перевезти свои довольно-таки крепкие дома и хозяйственные постройки из деревни. Строились по соседски, во всем помогая друг другу, на окраинной улочке нашего небольшого городка, где им были выделены стандартные земельные участки в размере десяти соток.

Пока строились-обустроивались, жили, как в коммуне. Жёны готовили совместно. Дружными оказались и их первенцы - Маняша и Андрей, которые чем могли помогали своим родителям. А 1 сентября 1945 года ребяташки дружно шагнули в первый класс городской школы.

Детство золотое

С местными ребяташками маленькие новоселы сошлись быстро. Никто их не пытался обидеть или поиздеваться, как это было принято у городских мальчишек. Дело в том, что в пацаньей компании они всегда держались вместе и в обиду друг друга, что бы ни случилось, не давали. Кличка «жених и невеста» приклеилась к ним с первых же дней пребывания в

городке. Несколько позже, когда у Мани появились два брата-погодка, а затем и сестра, из компании она стала частенько выпадать: приходилось няньчиться с младшенькими. Андрейка же рос в семье один. В школе у ребят проблем также не было. Учителя отмечали их смекалку, усидчивость, примерное поведение. Домашние задания Андрей и Маняша готовили также вместе. В дома друг к другу ходили как к себе, в любое время дня и ночи. Легко идя по школьной программе, отличниками закончили начальную школу, да и семилетка обоими была завершена на четыре и пять. Отгуляли выпускной. На совместном семейном совете было решено подавать обоим заявления в восьмой класс, чтобы получить среднее образование. А дальше - дальше как судьба распорядится. А вообще-то, оба мечтали в дальнейшем поступить в институт и стать уж если не врачами, то педагогами обязательно - столь престижными и почитаемыми в те времена были эти профессии.

Излом судьбы

Так бы оно и вышло, да вот не судьба, видать. Летом в отпуск к Маниным родителям приехали из Мурманска погостить сестра матери с мужем и годовалым ребенком. Евдокия сразу же стала обрабатывать сестру, чтобы та отпустила с ними дочку на Мурман, поняньчиться годик-другой с малышом. С садиками, а тем более с яслями в те времена в Заполярье было туговато, и предприимчивые северяне нередко перетягивали к себе молоденьких девчушек в качестве нянек, выводя их, как объясняли родственникам, в цивилизованный мир. У Дуси работа была очень хорошая, а главное - денежная, терять её не хотелось, да и стаж заполярный непрерывный имел огромное значение. Пообещала Евдокия сестре, что

обижать и попрекать чем-то племянницу не будет, оденет и обует ее по-городскому и даже устроит на учебу в вечернюю школу.

Главным же козырем, решившим вопрос, оказался тот, что Маняша «слезала» с родительской шеи, становясь на полное довольствие к родственникам.

Маня вроде бы была и рада перемене в жизни, как-никак «на города» уезжала, поближе к цивилизации из деревенской беспробудной глуши, голодной босоногой тьму-тарагани. С другой стороны, не хотелось расставаться с Андреем, с которым бок о бок прошла вся её 14-летняя жизнь. Оба прекрасно понимали, что в случае отъезда Мани в Мурманск, они со стопроцентной вероятностью потеряют друг друга, причем навсегда.

Дорога

Ранним августовским прохладным утром колонна николевских автомашин отправлялась в Шарью за товаром. Маняша с родственниками устроилась на вездеходе ГАЗ-63 на откидном боковом бортовом сидении. Дорога была практически никакая. Машину на ямах бросало из стороны в сторону и верхняя планка борта нещадно била пассажиров по спинам. Неоднократно приходилось спячиваться, чтобы вытаскивать из промоин и протаскивать легко садящихся в глубокой колее на мосты слабой проходимости автомобили ЗИС-150 и ГАЗ-51. К обеду с трудом добрались до Бродовицы, где отдыхали не менее двух часов. Все мужчины без исключения «приняли на грудь», кое-кто - весьма изрядно. До сумерек предстояло преодолеть перемычку между областями - самый труднопроходимый участок дороги, а посему и водители «набирались смелости», отправляя в рот стопку за стопкой.

Дальше дорога действительно стала хуже, водители отчаянно прорывались, надрывая моторы видавших виды автомобилей. Бедные пассажиры «летали» в кузове из стороны в сторону. Изрядно побитые бортами, нещадно измученные поездкой «путешественники» на ночлег устроились в Гаревой. Естественно, перед сном решили поесть. И опять водка шла по кругу, и в результате ужин затянулся аж до 4-х часов утра. Назавтра, пока то, да сё, пока протрезвлялись водители, время отъезда утянулось за полдень. Маняша, впервые столкнувшись с такой безобразной коллективной пьянкой, сочла этот порок чисто своим, местным и поклялась своей тетке, что больше её ноги в Никольске не будет.

Разрыв

Однако, время лечит. Клятва клятвой, но тоска по родне, по Андрейке, да и в целом по своей малой родине брала свое. К тому же, ей очень хотелось показаться перед своими друзьями и знакомыми в городском обличье. Следует отметить, что жилось ей у тетки неплохо. Питалась она нормально, её приодели на современный городской лад. По вечерам она иногда посещала кинотеатры, изредка ходила на танцы. Занятая воспитанием ребенка, о дальнейшем своем образовании она пока не думала, откладывая это дело на потом. Сия Манина позиция была на руку ее родственникам. В конце - концов, такая жизнь и её, девчущку, вполне стала устраивать.

Через два года Маняша приехала в Никольск, как она выразилась, в отпуск. Со своим племянником она уже выводилась. Но няньки в Мурманске были нарасхват, и ей сразу же поступило несколько предложений от тёткиных знакомых, одно из которых, наиболее выгодное, она и

приняла. После «отпуска» девушка намеревалась перебраться в другую семью.

Родители не могли насмотреться на свою «куколку», превратившуюся, как они выразились, за эти два городских года в барышню. В разговорах с друзьями, чтобы подчеркнуть свой нынешний более высокий, чем у них статус, Маня сознательно пыталась по-московски «акать». Получалось же отвратительно, ибо зачастую у неё выскакивали слова типа «паштё», что чисто по-деревенски произносилось «пошто», то есть, почему. Такое произношение «резало» слух, и земляки, перед которыми она выделывалась, открыто смеялись над ней. В памяти никольчан она до конца своих дней и оставалась как «Маня паштё». Меткое прозвище.

Андрейка ей, честно говоря, не показался, как, впрочем, и все её бывшие друзья-подруги, уж слишком по-сельски они выглядели. Маняша ведь уже была из иного, более цивилизованного мира, они же оставались, как она выражалась, «дерёвней». На танцах она больше общалась с приезжей молодёжью, с которыми она и провожалась до дома. Андрей переживал размолвку с ней. Друзья, заметив его упадническое настроение, советовали: «Да брось ты сохнуть по ней, не видишь, она же издевается над тобой. А было бы с чего, ведь кроме детских горшков да пеленок она в жизни ничего не видит, а из себя королеву строит. Не пара она тебе».

Друзья же и помогли разрулить сложившуюся ситуацию. Однажды, когда в очередной раз в вечерних сумерках Маню подвозил на велосипеде домой какой-то иногородний хахаль, и она решила, тем самым, снова покрасоваться перед бывшими друзьями, «сделав им ручкой», один из пацанов не выдержал и, схватив, явно не случайно валявшуюся под ногами палку, сунул ее в переднее колесо. Что тут было! Замечательный кульбит,

облако пыли, крики возмущения, кровь, слезы, откровенные угрозы поквитаться. Парней же с дороги как ветром сдуло. Виновного в этой истории не нашли, скорее всего и не искали, поняв, что пацаны своего дружка всё равно не выдадут.

А Маняша, пожив еще недельку в родном доме, без выхода из него, зализав раны и сведя на нет все свои царапины и синяки, ни с кем из бывших друзей не попрощавшись, отправилась в свое Заполярье няньчиться с очередным ребенком.

Дальнейшая судьба

Разные жизненные пути-дороги избрали некогда неразлучные Андрей и Маня.

Андрей, как и намеревался, окончил педагогический институт и по распределению, как один из лучших выпускников, был оставлен в Вологде, где до самой пенсии директорствовал в одной из школ. У него две дочери, обе пошли по его стопам - учительствуют, и сын - военный, служит в Подмосковье. Семь внуков и внучек радуют своим вниманием деда.

Маня же, покочевав в качестве няньки из одной семьи в другую, подняв на ноги более десятка чужих детей, и не имея своих, в возрасте 38 лет вышла замуж за 65-летнего овдовевшего отставного полковника, который шесть лет спустя ушел в мир иной. Затяжная тяжба за наследство с родными детьми полковника, многого ей не дала. Заработанных в няньках денег, да доли от наследства, хватило ей на приобретение однокомнатной квартиры-клетушки в непрестижном доме в Мурманске. Обратно в няньки идти она не захотела, да и устала уже от чужих ребятишек. Не имея никакой специальности, до выхода на пенсию работала курьером в одном из государственных

учреждений.

Год тому назад приезжала Мария в Никольск, остановившись в гостинице. Посетила могилку родителей и, говорят, очень долго и безутешно там плакала.

«Чужой» сын

Дорога дальняя чрезмерно вас томит,
Но иногда и проблеск наступает,
Когда попутчик - незнакомый человек
Пред вами душу настежь открывает.

Какая удача - полупустой вагон. По нынешним временам явление редкое. В моем купе всего один пассажир, мужчина лет сорока. Обрадовался мне несказанно.

- До конечной едете? - спросил он.

- Да, - отвечаю.

- Ну, слава Богу, двое суток вместе будем, а то от самой Читы один как перст, не с кем словом обмолвиться было.

Переоделся, пристроил вещички, сходил к проводнику за чайком. Захватил стаканчик и на попутчика.

Пьем чай, приглядываемся друг к другу, обмениваемся ничего не значащими фразами, пытаюсь завязать разговор.

- Что в столицу позвало, за такие тысячи километров?

- интересуюсь я.

- Бизнес, все бизнес, он и за кордон иногда вынуждает ехать. Хочешь жить - умей вертеться. А если хорошо жить хочешь, тогда тем более. А у Вас что в Москве за заботы-хлопоты?

- Слушай, давай перейдем на «ты», легче разговаривать будет.

- Хорошо, я только за. В поезде, как в бане - полное равенство должно соблюдаться. Так, что там, в Москве-то, оставил?

- Я на свадьбу еду, золотую, к родителям. Они у сестры моей в самой Первопрестольной проживают. Муж её, как и ты, тоже бизнесмен, только столичный, довольно преуспевающий. Квартира в центре города, дача - в Лобне. По делам тоже как и ты всё время мотается туда-сюда. Сестра нигде не работает, сидит с детишками, да за родителями приглядывает. Квартира четырехкомнатная у них, тоже женских рук требует.

- А я вот своих родителей уже лет двадцать не видел.

- Что так?

- А потому, что я для них «чужим» сыном оказался.

- Не понял?

- А что тут понимать-то? Чужой и всё тут.

Попутчик снял с верхней полки дорожную сумку, достал бутылку коньяка, предложил:

- Давай выпьем за встречу, за знакомство, чтобы дорога легче была.

Разлил в стаканы из-под чая.

- Ну, будем знакомы, я - Алексей.

- Сергей, - взмахнул я рукой со стаканом.

- Почему, спрашиваешь, родителей не навещаю? Да потому, что в свое время нашла коса на камень, ну и...

- Что-то серьёзное произошло?

- Началось с детской обиды, а кончилось... В общем, весьма и весьма печально.

- Характерец у тебя, видать, ого-го, не позавидуешь.

- Возможно и так. В общем, отчетливо помню тот день - 14 марта 1978 года, когда вся эта история по-серьёзному завязалась, - начал свой рассказ попутчик. - мне как раз

исполнилось тогда 10 лет. Проснулся утром ранёхонько. Родители уже на кухне хлопочут, завтрак готовят. Лежу, жду когда зайдут поздравить меня с днём рождения, подарок вручат. Только напрасно ждал, забыли они про мой первый юбилей. Я уж давно замечал, что они больше Павлика, младшего моего брата, стали тешить-лелеять. А я как-то у них на втором плане стал, если еще не дальше.

- Что долго валяешься? В школу опоздаешь! - гневно прикрикнула мать.

Встал, умылся, начал одеваться.

- Дай белую рубашку, - попросил у мамы, с явным намеком на забытый ими мой день рождения.

- Зачем тебе белую? Праздник какой в школе что ли?

- Нет! - резко отвечаю.

- Ну, так нечего и просить, не настираешься на тебя.

Чувствую, слезы сейчас от обиды брызнут. Схватил портфель и бегом в школу, даже не позавтракал. А там, перед первым уроком, классная дама меня от всех учеников поздравила и книгу подарила. Еще обиднее стало: чужие - помнят, а свои - забыли. В общем, только вечером домой пришел.

Отец зашумел: «Где шляешься? Дрова надо было колоть и укладывать, а тебя нет».

Ушёл в другую комнату, уроки стал делать. От ужина отказался. Спать лег раньше обычного. Просто лежу, какой уж тут сон, если слезы ручьём потекли. Плачу тихо, чтобы родители не услышали. А они полушёпотом разговаривают на кухне, а мне всё слышно. Никак понять не могут, какая меня сегодня муха укусила.

Ещё больше обозлился на них.

А тут и конец третьей учебной четверти пришел. На последний день было назначено родительское собрание. Ходила мать. Пришла не в себе. Оказывается, классная руководительница её спросила, понравился ли мне

подарок.

- Какой? - поинтересовалась она.

- Тот, что на день рождения Алеше класс подарил.

Представляю, каким её состояние было.

С отцом они передо мной извинились, на завтра подарок купили. Но я его не принял. Дня три он на моем письменном столе пролежал, а потом его Павлик раскурочил.

А дальше - больше. Короче, полный раздрай у нас начался. Что бы не случилось между нами, я на примирение никак не шел. Наоборот, все назло начал делать. Незримая черта, как линия фронта пролегла, разделив нас. Как оказалось - навсегда. Чуть что - я всё встречал в штыки. Иной раз чувствовал, что не прав, но делал всё равно вопреки здравому смыслу.

- Да как так можно-то, Алексей? Каким же свинтусом надо быть?

- Что поделаешь, уж таким, видимо, я уродился. У меня ведь, кстати, один сынишка. Как жена ни настаивала, родить еще одного-двух, я не соглашался. Боялся, что может произойти то же, что со мной случилось. Только по этой причине сын у нас эгоистом растет.

Выпили еще немножко.

- С детства мечтал после десятилетки пойти в военное училище. А после этого «перелома» во взаимоотношениях с родителями с горем-пополам закончил 8 классов и поступил в техникум.

- Это каким же мазохистом надо быть, чтобы себе же делать так больно? В таком-то возрасте? - недоумевал я.

- Все ждал, что родители переменятся в отношениях ко мне. Не дождался.

- Ведь ты же сам всю свою жизнь исковеркал, не так ли? И живешь не той жизнью, которая должна была бы быть у тебя, - невольно сорвался я.

- В общем, больше я в отчем доме не бывал. У всех каникулы, а я устраивался на работу - вагоны разгружал. И во время учебы подрабатывал дворником. Стипендию за все годы учебы получал.

- А что, родители не помогали?

- Помогли бы, но я наотрез отказался.

Приезжали они ко мне, когда я еще на первом курсе учился. Пришли в комнату в общежитии, но разговор опять не так начали: «Что же ты, Алексей...», то есть опять получалось, что вроде как я один во всем виноват, а они тут не причем. Ничего я им не ответил, набросил на плечи пальтишко, на голову - шапку и - прочь на улицу. Долго бродил по городу, вернулся уже за полночь, когда вахтерша их из общежития попросила...

Это была последняя наша встреча.

- Что же, родители и на свадьбу твою не приезжали?

- Отслужив срочную в Североморске, я уехал в Забайкалье, подальше от родных мест, чтобы уж никто и ничто больше не напоминало мне о детстве. Когда познакомился с Людмилой, представился детдомовским сиротой. От истины это было, в общем-то, недалеко. При таком ко мне отношении родителей, я действительно чувствовал себя сиротой.

- Нет, Алексей, тут что-то не так, - недоумевал я, - неужели обида из-за дня рождения привела к таким последствиям? Ведь это же чудовищно! Из-за ерунды сломать всю жизнь и себе, и родителям? Гордыня из тебя прет, вот и все. Самолюб ты, Алексей, причем в самой высшей степени. Больше ничего тут не скажешь.

- Вот и ты туда же. Ну почему вы все только меня в случившемся обвиняете? А родители что, ангелы выходит? С пацаном так себя вести?

- Ох и тяжелый же ты человек, Алексей. Как жена-то с тобой живет?

- Да никаких проблем у нас с ней нет!

- Потому и нет, что ты её подмял под себя и пикнуть, наверное, не даёшь.

- Да нет же, живём мы с ней душа в душу, я же говорил, она еще рожать хотела. Если б было что-то не так, разве могла бы она думать об этом?

- Тогда вообще ничего не пойму?

- Кому ни расскажу о себе, при таких вот случайных встречах, никто, как и ты, ничего понять не может.

- Да-а, ситуация. Одно тебе скажу, Алексей, не казни ни себя, ни родителей, съезди к ним. Поговорите по-человечески, снимите грех с души.

Разлил попутчик остаток по стаканам. Выпили, ненадолго замолчали, задумались. Потом Алексей сказал, как отрезал: «Поздно уже, Сергей, мне туда ехать, поздно. Давай-ка сменим тему разговора» ...

Случай на трассе

Что ни говори, а нравится Петрухину в дороге, не приелись еще за два года шофёрских будней лесовозные магистрали. Кому-то они покажутся в тягость: нудные, монотонные, ничем не отличающиеся одна от другой. Вроде бы везде они одни и те же: неразличимые друг от друга, словно близнецы, деревья по сторонам, одинаковые повороты, однообразные спуски и подъёмы, схожие как две капли воды, речушки с переброшенными через них простейшими деревянными мосточками. Ан нет, для Лёньки каждое место на трассе знакомо, памятно чем-то своим, особенным. Да оно и понятно: ведь Петрухин, с рождения своего проживавший в поселке лесозаготовителей, в детстве с отцом - охотником-

любителем, а когда повзрослел - с друзьями, с ружьём на плече и рюкзаком за спиной, исколесил вдоль и поперёк всю округу верст на тридцать вокруг.

Не такая уж и однообразная для него дорога: то зайчишка неожиданно выскочит на магистраль и, ошалеv от шума и вида надвигающегося лесовоза, с места резво рванет, задаст стрекача, а затем, вроде бы вопреки логике, выскочит на бровку - и был таков. То покажутся свежие следы лисы-плутовки, то степенно пересечёт дорогу лось. Ничто не ускользнет от цепкого Лёнькиного взгляда. А вечером красота особенная, причудливыми цветами вырисовывающаяся в свете автомобильных фар. Правда, не каждый может понять её.

Но сегодня Петрухину не до красоты, его тревожит-беспокоит совсем другое. Торопится Лёнька, выжимая всё, что ещё можно выжать из отслужившего свой век лесовоза. До окончания работы приречного нижнего склада Григорьевского леспромхоза, куда заозёрцы поставляют свою хвойную древесину, остается около двух часов. Примерно столько же, может чуть меньше, будет ещё находиться в пути старенький Лёнькин «МАЗ».

- Только бы успеть, - лихорадочно поглядывает на часы водитель, - только бы застать григорьевцев на работе, а иначе... Иначе придется до утра ожидать разгрузки, так как дежурного трактора на вечер для припозднившихся заозёрцев соседи не оставляли. Петрухин вел свой выдавший виды лесовоз на пределе возможного.

С самого начала смены не заладилось сегодня у Лёньки: накануне неожиданно заболел напарник, а подменного водителя в лесопункте нет. Полсуток простоял его лесовоз на территории гаража, а мороз ночью ударил градусов под сорок. Долго возился хлопец с автомобилем, пока удалось завести его. Сходил с первым

рейсом - опять незадача: пришлось менять колесо на прицепе. Так и отстал от своих водителей где-то часа на три.

Один-одинёшенек на трассе, порожние заозёрские «МАЗ-ы» уже спешат домой, в поселок. Только что разминулся с четвёртым, последним из них, неспешно возвращавшимся после разгрузки из Григорьева. Теперь впереди никого нет...

- Километров 25 осталось, - сориентировался Петрухин, теперь должен успеть, - успокаивал себя он, продолжая держать максимально возможную для гружёного лесовоза скорость. До мелочей знакомая трасса белой лентой убегала под колеса мощного автомобиля.

Почти не сбавляя скорости (встречного транспорта нет - бояться нечего) Лёнька стал вводить в крутой поворот свой многотонный автопоезд.

И вдруг, когда лесовоз уже почти завершил поворот, неожиданно в свете фар «выросли» торчащие с обочины вершины хлыстов аварийного воя.

- Как же я забыл, ведь водители предупреждали, что Генка Никулин вынужден был сбросить хлысты, когда сегодня его «МАЗ» в этом повороте «обрезало» и лесовоз, пробив сугроб обочины, сошел с дороги, - мгновенно пробил Лёньку озноб. - Вытащить то его с горем-пополам вытащили, а вот вершины, видимо, задвинуть или отпилить нечем было. И теперь они торчали, как стволы артиллерийских орудий.

Петрухин пытался вывернуть как можно дальше от обочины, от этих злополучных хлыстов. Увы, усилия оказались тщетными. Раздались треск ломаемой древесины, грохот и лязг металла. Лёнька больно ударился о стекло, оцарапав лицо осколками.

Сгоряча, не чувствуя боли, он выскочил из кабины, заглянул под машину. Горячая вода мощной струёй

вытекала из пробитого радиатора.

- Это похоже не единственное повреждение, видимо, задело и двигатель. Ну, всё, приехал, теперь на прикол, - размышлял водитель, забираясь в теплую ещё кабину лесовоза. - Придется разводить костёр и ждать до утра, - подумал Петрухин, залезая рукой в бардачок в поисках спичек. Однако, их там не оказалось, видимо, ещё напарник забрал. Сам же Ленька не курил, поэтому ни спички, ни зажигалки в его карманах не водились.

- Что же делать? ... - задумался Петрухин, - ... Похоже, выход тут один: нужно идти. Остаться здесь без костра на всю ночь означало верную гибель, ведь раньше девяти часов утра лесовозы не появятся, а иного транспорта на зимнике ждать бесполезно, никто, кроме заозёрских лесозаготовителей, по этой дороге не ездит...

- Но куда идти? В Григорьево? До него только от нижнего склада добрый десяток километров, да по магистрали 20 с лишним топать. Не резон. А если дойти только до катища и вскрыть там одну из будок, которые, естественно, находятся под замками? Нельзя, могут посчитать взломом и кражей, тогда неприятностей точно не оберёшься. С милицией лучше не связываться. Да и найдутся ли ещё там спички? - большой вопрос. Остаётся одно: возвращаться в свой посёлок, хотя до него тоже без малого 40 километров наберётся. При этом варианте всё же одна надежда тешила Лёньку: где-то километрах в двадцати с небольшим отсюда, в обратном направлении, пересекала лесовозную трассу автомагистраль, идущая из районного городка к областному центру, и по которой хоть и изредка в ночное время, но всё же проезжали автомобили. «Как-нибудь доберусь до неё, а там видно будет» - размышлял водитель.

Холод уже стал полноправным хозяином в кабине остывшего «МАЗ-а». Начинаясь уже замерзать Петрухин

решительно выбрался из кабины и направился в сторону родного посёлка.

- Пробежусь - согреюсь, перейду на скорый шаг и так чередуя ходьбу с бегом, буду пробираться к дому, - строил планы Лёнька. О волках он не думал, твёрдо зная, что поблизости их нет, давно уже выбиты, а новых стай этой зимой не отмечалось, молва об их появлении разносится обычно быстро. Главная опасность - холод. Мороз всё крепчал и крепчал, вновь, как и в минувшую ночь, подтягиваясь к сорокаградусной отметке. За ноги водитель также не беспокоился, в валенках при движении ни какой мороз не страшен. А вот спасут ли свитер, да курточка? - это проблема.

Мороз обжигал щеки и нос, безжалостно подбирался к телу, промозглый холод охватывал колени и бёдра Петрухин, несмотря на это, продолжал идти, не позволяя себе ни малейшей передышки ибо твёрдо знал, чем она может закончиться.

Первые признаки усталости и переохлаждения Лёнька почувствовал где-то на полпути до шоссе. А километра за три до него, когда проходил он под пересекавшей лесовозный зимник районной линией электропередачи, понял, что начал сдавать. Не спасали ни свитер, ни курточка на «рыбьем» меху, не помогало и растирание тела, производимое им при ходьбе.

- Воспаление лёгких обеспечено, - произвольно фиксировал Лёнька, да и лицо поморожено. Скорее бы добраться до магистрали.

Он выкладывал все оставшиеся силы, чтобы преодолеть последний до перекрестка отрезок пути.

- Выйду на шоссе, немного передохну и дальше в путь, - настраивал себя водитель, - а пока нужно идти и идти, не останавливаясь ни в коем случае, иначе замёрзну.

Заключительные метры он шагал тяжело дыша, уже

машинально. Сознание Лёньки постепенно отключалось по мере приближения его к перекрёстку - заветной промежуточной цели, которую он себе наметил.

- Ну вот, скоро можно и отдохнуть, - успокаивал себя Петрухин, увидев маячивший впереди дорожный знак, указывающий на близость перекрёстка, - отдохнуть, но только немного, чтобы не замёрзнуть, - еле-еле передвигал ноги водитель.

Едва выйдя на шоссе, он тотчас же упал прямо на дорогу, инстинктивно сжимаясь в клубочек. Последние силы покидали его. Организм, казалось бы, прекратил всякое сопротивление, наступила апатия...

- Не спать, не спать, только немного передохнуть, и снова в путь, - пытался сбросить оцепенение Петрухин. Но так не хотелось вставать, так покойно было ему сейчас, что он не мог, казалось бы, сделать никаких движений. Какое-то неведомое тепло окутывало его, словно одеялом, погружая в сладостный сон.

- Не дойти до жилья, - тревожные мысли начали будоражить Петрухина. - Не смогу, не хватит сил, ведь впереди ещё 15 километров пути. И всё же надо идти.

С горем-пополам поднялся, посмотрел в обе стороны шоссе, прислушался в надежде на случайную машину, на ту последнюю соломинку, которая, как уже понял Лёнька, спасла бы ему жизнь.

Над дальней зубчатой стенкой леса, над горизонтом, вроде бы показался Петрухину слабенький сполох. Он стал внимательно всматриваться в ту сторону в надежде на повторную вспышку, которая могла бы означать, что кто-то едет по магистрали. Время шло, повтора не было.

- Вероятно, мираж, - размышлял водитель. - Бывает такое, когда ослабевшему человеку начинает казаться то, что ему хотелось бы видеть.

Но нет, вот и вторая, более яркая вспышка. Это не

обман зрения, это точно, какой-то транспорт движется по шоссе. Третий сполох, уже совсем рядом, четвёртый...
- Буду жить! - последнее, что промелькнуло в сознании Лёньки, мгновенно отключившемуся и свалившемуся на дорогу...

Митькин «Клондайк»

Предлагаемый вашему вниманию рассказ - вовсе не выдумка, не литературный опус. Этот случай имел место быть в одном из глубинных районов Вологодчины, в те, совсем ещё недавние времена, когда все мы были «миллионерами», когда мы впервые начали отстаивать свои честь и достоинство не варварскими методами - кулаками и дубинами, а цивилизованными способами - в судах.

До начала судебного заседания, где рассматривалось дело на предмет соблюдения сторонами договора, заключённого между председателем ТОО «Светлогорье» Иваном Семёновичем Ольховским и арендатором Дмитрием Сергеевичем Колесниковым, на откорм последним скота, возбужденное по инициативе администрации ТОО, оставалось около часа.

Суть разногласий заключалась в том, что Колесников, а в простонародье Митька-Колесо, откормив молодняк до оговоренного в договоре веса, больше держать бычков у себя не собирался и намеревался передать их в ТОО. Председатель же брать их не спешил, ибо сдавать их было некуда. Ближайшие мясокомбинаты затоварились, а с кормами на предприятии было очень туго. Митьке же, в свою очередь, за счёт своих кормов поднимать

коллективное хозяйство тоже не хотелось, да и привесов хороших ожидать уже не приходилось. Колесников - мужик хозяйственный, сметливый, труд свой, как и любой истинный крестьянин, ценил. Поэтому задарма работать, вполне естественно, не хотел. Вот и отказался он от дальнейшего кормления бычков, а председатель обратился в суд.

В назначенный день Митька прибыл в город утренним рейсовым автобусом, пробежался, как принято, по магазинам и подался в вызвавшее его учреждение. Заглянул, как посоветовали приятели к знакомому им адвокату, поинтересовался вероятным исходом судебного заседания. К сожалению, шансов на выигрыш у него не было, адвокат чётко заявил об этом, ознакомившись с договором.

-Начальство всегда право, - резюмировал Колесников, смирившись со своей участью.

От нечего делать, чтобы скрасить ожидание, Митька подошёл к доске объявлений. Его внимание привлёк распорядок проводимых заседаний, интересно было узнать, кто с кем и из-за чего судится. Под №2 нашёл свою фамилию и не без гордости отметил про себя: «Надо же, как меня здесь величают - гражданин Колесников Д.С. , не то, что по-деревенски «Митька Колесо».

- Граж-да-н-и-н, пропел про себя, граж-да-н-и-н.

Дмитрию это слово очень понравилось, от него веяло определённой серьёзностью, солидностью даже, которой он прежде в себе не ощущал, а в общем, признанием его равным среди всех членов общества. Что ни говори, а это слово «гражданин», в его понятии, уравнивало его даже с горожанами, перед которыми он обычно робел, подсознательно считая деревенских жителей людьми второго сорта. Впрочем, считал так не он один, так уж у нас в жизни повелось: провинция - всегда рангом ниже.

Под воздействием этого магического слова, он невольно, искоса приглядываясь к сидевшим в коридоре посетителям начал приосаниваться, причепуриваться, выправляться, короче, степенеть, буквально на глазах.

- Гражданин - это тебе не хухры-мухры, уважение мне вон какое оказано, - сразу как-то посерьёзnel Митька. - Вернусь домой, матери расскажу - не поверит, как меня здесь уважили.

Посмотрел распорядок на завтрашний день. Под №3 значилось: «14 часов - дело о защите чести, достоинства и деловой репутации гражданина Сидоренкова В.Ф.».

- Интересно, а что это такое? Что это за защита и от кого? Наверное, кто-то ему, этому Сидоренкову, по морде заехал или попросту отлупил его. Так ведь это хулиганством называется.

- Товарищ, - обратился Дмитрий к неподалёку сидевшему интеллигентному пожилому мужчине, - а что это за защита чести там, - показал он на листочек, - да достоинства? Это что, вмазали этому Сидоренкову, так он и в суд подал? А ведь за просто так у нас не бьют, заслужил видно?

- Нет, тут другое дело, - начал разъяснять интеллигент, - скорее всего, оскорбили его, ну, как бы по-проще, по деревенски, в общем, обозвали как-то оскорбительно. Я так думаю. Причём принародно. Ты сам-то пойми, к примеру, в больнице при больных кто-то врача оскорбит бранным словом - как ему потом в глаза пациентам смотреть?

- Так ведь надо просто грубияна заставить извиниться при всех — вот и все дела, - парировал Митька.

- Сейчас времена не те, сейчас за всё платить-расплачиваться нужно. Брякнул языком что-то непотребное о ком-то в обществе - готовь денежки. Это называется, ты нанёс моральный ущерб человеку, Так-то

вот, милый.

- А у нас в Разбегаловке все друг друга на мат посылают - и ничего. Чего тут обижаться? Если заслужил - получи матюга, прими, так сказать, как должное Я понимаю, морду бы набили - тогда вот ущерб настоящий. А то выходит, что скоро и посылать подальше нельзя будет. Этак в деревне все пересудятся, неладно ведь это будет.

- Пора и в деревне начинать цивилизованно жить, а то ведь, что ни предложение - мат на мате. Совсем испоганили русский язык.

- Так что же это получается, а если меня председатель отматюшит, я, выходит, могу на него тоже в суд подать, в защиту моей, как её там, чести?

- Конечно, можешь. Если это на людях произойдёт и они на суде подтвердят, что тебя председатель оскорбил.

- И сколько же с него «сполоскать» можно будет?

- Тут всё зависит от того, каков ты человек, какова твоя репутация в обществе, пользуешься ли авторитетом, ну и сколь крепким словом он тебя оскорбил.

- Та-а-а-к, ясненько, - закрутились быстро «шарики» в Митькиной голове, яс-нень-ко, яс-нень-ко, - на его лице заиграла пока ещё робкая, но уже вполне торжествующая улыбка.

- Теперь-то ты у меня попляшешь, дорогой ты мой председатель, отвезу я тебе на полную катушку. Коль ты это дело всё же выигрываешь, я на тебя другое заведу и вытряхну из тебя денежки, верну, так сказать, должок.

- Скажите, хоть примерно, сколько можно высудить?

- Слышал я и про 300 тысяч, и более миллиона было, дело всё зависит от обстоятельств.

- Больше мильёна? Ну нет, не поверю. Ведь на эти-то деньжищи можно себя с ног до головы одеть, по нашим, по сельским меркам, конечно. Что-то я тебе, дед, не верю.

- Читал я в нашей «районке» об этом, где-то в прошлом месяце печатали, можешь сам убедиться, - ответил интеллигент.

- И как это сделать? Откуда эту сумму-то насчитать? Сколько запросить-то у суда? Трёхэтажный мат оценить в 100 тысяч, а пятиэтажный - в 200? Так, что ли? Или как?

- Оценить — дело суда. А твоё дело, в исковом заявлении описать всё как было, приложить показания свидетелей. Ну, а сумму морального ущерба укажи «на глазок», но не продешеви, да и очень много не проси, лишка не загибай.

- Да как-то стыдно из-за двух-трёх матюгов просить миллионы.

- Так это ведь условную сумму ты поставишь, бумага стерпит. Главное - на суде веди себя серьёзно, спокойно, основательно, с достоинством. Не кричи, не перебивай, не пререкайся - таких потерпевших судьи уважают, что в конечном итоге обязательно отразится на их решении.

***

Суд, как и предполагал адвокат, Колесников проиграл. Председатель ТОО умело отверг все Митькины доводы, отвечал на вопросы грамотно, убедительно, со знанием дела, чётко ссылаясь на статьи договора. В общем, винить в проигрыше дела Колесников должен был только себя самого. По окончании заседания, уже в коридоре, судья ему в назидание сказал: «В следующий раз, Колесников, договор составляй грамотно, предварительно посоветуйся с юристами. Нынешний ваш договор из 12 пунктов, полностью заключён в пользу ТОО, в общем, оказался как бы односторонним. А то, что тебе на словах обещал председатель — извини, слово к делу не пришьёшь».

У Дмитрия же, признавшего своё поражение, в голове

вертелась уже иная мысль. Он составлял план мести.

***

Неделю спустя, всё тщательно обдумав и обговорив со своими приятелями, Митька направился в контору ТОО. Там уже, как и договорились, сидели в коридоре возле открытой председательской двери дружбаны: Мишка и Венька. На месте были и бригадиры, на одного из которых, не ладившего с руководителем и готовящегося уже сдавать дела, также делал ставку Колесников.

Вежливо постучав в косячок, Митька вошёл в кабинет.

- Доброе утро, Иван Семёнович!

- Здорово, коли не шутишь. Что-то ты больно серьёзен сегодня, Дмитрий. Что у тебя?

- Когда примете от меня скот? Я до условленного договором веса его вырастил, сейчас напрасно корма свои трачу, да силы расходую.

- Я тебе, Митька, уже сказал, что нет у меня на сегодня такой возможности, чтобы сдать скот. Тебе и в суде всё было объяснено-растолковано.

- Во-первых, я Вам не Митька, а Дмитрий Сергеевич. Во-вторых, это не моя забота, как сдать скот, а Ваша. Вам судья говорил, что по совести надо бы всё делать. А вы опять за старое. Я и так по Вашей милости в трубу вылетел.

- Ишь ты, какой х... выискался, Дмитрий Сергеевич, видите ли. Всякая б... будет мне ещё указывать. Катись отсюда, Колесо ё..., а то вышибу отсюда - как пушинка вылетишь.

Ничуть не смутившись от бурного председательского сквернословия, Митька выглянул в коридор и пригласил своих друзей и бригадира Василия Фёдоровича.

- Ну что, слышали, как он меня грязью поливал? Я это дело так не оставлю, и по горячим следам напишу

заявление в суд на публичное моё оскорбление, а вы зафиксируете всё, как я говорил. Это будут ваши, так сказать, свидетельские показания.

- Что-о-о?! - взревел председатель, - да я вас всех сейчас...

- Спокойно, Иван Семёнович, не ты нас, а мы тебя, - оборвал на полуслове руководителя Митька.

Тон Колесникова, видимо, поразил председателя, лицо его задёргалось, он с трудом налил в стакан воды, залпом выпил.

- Ты что надумал, стервец?

- А вот и это слово придётся зафиксировать, - Дмитрий даже не улыбнулся.

- Садитесь, мужики, и опишите всё, как тут было. А я ещё бухгалтеров позову, они тоже всё слышали, рядом сидят. На суде тоже свидетелями будут. Пора и в деревне порядок наводить, и начинать надо с «головы». Не зря в народе говорят, что именно с головы рыба гниёт.

Поражённый Митькиной дерзостью, председатель схватил фуражку и выскочил из кабинета, на ходу бросив: «Сейчас приведу участкового, он вам покажет Кузькину мать! Он вас поставит на место, научит, как надо разговаривать с начальством!»...

***

- ... на основании вышеизложенного, руководствуясь статьями ... суд решил: иск Колесникова Д.С. к председателю ТОО «Светлогорье» Ольховскому И.С. удовлетворить частично, в размере ...

- Вот так вот, братцы, поняли, как деньгу-то ковать надо? Это же «Клондайк» настоящий. При нашем-то российском сквернословии, только дела успевай стряпать!

- Митька, да ты просто гений!

- Да ладно уж вам, меня-то нахваливать. Вам большое спасибо, что подсобили «бугая» этого «завалить». С вашей, да божьей помощью, я сегодня на костюмчик новенький заработал. А посему, приглашаю вас в кафешку, обмыть эту удачу. За одним, за рюмкой чая, ещё одно дельце обдумаем...

Выстрел, пауза, два подряд

Судьбу деда повторяет внук. Уж так устроено в Природе, что виток спирали, по которой идёт развитие цивилизации, завершается через человеческое поколение.

1

Седой как лунь, старейший житель деревни Выселки Артём Леонтьев не спеша спустился с крутого берега Варденьги к заветному омуту, в честь его и названному Артёмовой ямой, чтобы посидеть с удочками на вечерней зорьке. Никто из односельчан не рыбачил на этом месте. Не то, что боялись прогневить дедушку, просто умеют и стараются ещё у нас в деревнях уважать старость. Вот и ему, восьмидесятилетнему Артёму, в знак уважения отошло это самое ближнее к деревне рыбное место.

Шаркая обутыми в валенки с калошами ногами по мелкому гравию возле самого уреза, дедушка в задумчивости мусолил выдавший виды мундштучок. Привычка эта сохранилась ещё с военного лихолетья, когда молодой комбат Леонтьев, принимая очередное трудное решение, посасывал пустой мундштук.

Невольно задумаешься, коль жизнь тебе подкинула задачку со многими неизвестными. Медики поставили

вопрос ребром: или смерть в любой момент, или сложнейшая операция, также с небольшой вероятностью на удачный исход. Куда ни кинь - везде клин.

Сам-то Артём не хотел ложиться под нож, полагая, сколь уж потянет на этом свете, и так, видимо, тут надолго задержался. Однако, все родственники настаивали на операции.

Огибая в задумчивости куст ивы, он неожиданно за что-то запнулся. Присмотревшись внимательно, заметил, что сопнул чью-то одежду. Неподалёку стояла и пара кирзачей, явно принадлежавшая не купающимся неподалеку пацанам, а вполне взрослому человеку.

- Никак по спецовке выданы, - подумал Артём, - да и размер подходящий, 43-й, не меньше.

Прибежавшие на его окрик мальчишки, осмотрев оставленные на берегу шмотки, в один голос заявили, что они принадлежат лесничему Ивану Храбростину.

- А где же он сам-то? - оглядываясь по сторонам, спросил Артём.

- Мы его здесь не видели, - хором ответили ребяташки.

- А ну-ка, Мишутка, добеги-ка до Храбростиных, узнай, в чём тут дело, - послал старик соседского мальчишку в деревню...

- Лесничий утонул, - молва мгновенно пробежала по деревне. Все, кто был в этот вечер в Выселках, сбежались к Артёмовой яме.

- Видел я его тут утром, когда шёл с сенокоса, - рассказывал односельчанам Матвей Белобородов. - тут вот он сидел на бережку, уже раздетый. Собирался искупаться и мне предлагал. Мол, ходил смотреть лес для мелкого отпуска, вспотел весь, да комары накусали. Искупаюсь, мол, легче будет. Я-то отказался, так как в баню собирался, накануне жене наказал истопить её к

обеду.

Вместе с вызванным участковым прошерстили всю реку, даже спустились километров на пять ниже по течению. Напрасно, пропал человек.

- Дальше унести не могло, - заверил капитан, - на Широком перекате он всё равно застрял бы. Хотя, как знать, как знать... - Как-то загадочно закончил он свою мысль.

С утра вместе с приехавшими из района прокурором и милиционерами снова тщательно осмотрели оба берега пробагрили все омута. Тщетно, как сквозь землю провалился Иван.

2

В то время, как поставленная на уши милиция сбилась с ног в поисках трупа лесничего Храбростина, сам Иван с огромнейшим рюкзаком за плечами, только ему известным путём, пробирался через тайгу к «Чёртовой протоке», одному из отрогов Великого болота, называемого в простонародье Концом света. Здесь, на одном из небольших островков, среди болотной глуши предстояло ему провести в одиночестве какое-то время, пока не завершится возбужденное за лесной беспредел судебное дело.

А что ему оставалось делать? По-дурацки начавшаяся перестройка выбила из привычной колеи и оставила не у дел большинство россиян. Как и в былые лихие годы, народ, кинутый государством, нашёл спасение в лесе, точнее в варварской безбилетной его заготовке, в воровстве и дальнейшей продаже его за бесценок посредникам, или местным владельцам пилорам. Попытался Иван бороться с лесонарушениями. Однако, увы, по оформленным затем им документам на нескольких

нарушителей, с большим трудом дела удалось довести до суда. А там, там они рассыпались, как карточный домик. Воспрянувшие духом расхитители начали исподволь, кто угрожать, кто предлагать деньги за то, чтобы он закрыл глаза на творящийся в лесу беспорядок. Поняв, что у государства поддержки он не найдёт, надумал было Иван уйти с этой работы. Но куда? Леспромхоз обанкротился, всё, что там было, безжалостно растащили-разбазарили. О колхозе вообще речи не могло идти, де-факто его уже не было. И всё, ведь выбор в глубинке невелик. Звал его, правда, к себе на Дальний Восток двоюродный брат жены - Андрей. И с работой ему обещал всё уладить, и Нине местечко найти. Пожить два года в общежитии, много ли бездетным места-то надо, а там, глядишь, и с квартиркой бы всё прояснилось - комбинат для своих работников жильё продолжал строить.

Жена Ивана с доводами брата была согласна, но не захотел тогда Иван менять свои сибирские просторы на неизвестно что, а посему избрал иной вариант, опять же решив обсудить его с супругой. Нина, естественно, оказалась против такого решения дальнейшей, общей для них судьбы.

- Попадёшь в тюрьму, я останусь ни с чем, в чужой мне деревне. Что буду делать? - вопрошала она.

Тут и поведал ей супруг свой замысел. Не сразу, но убедил. С трудом, но приняла его Нина. Рисково, но и иные варианты были несколько не лучше. А тут - как Бог даст. Посоветовался Храбростин с коллегами из соседних лесничеств и ... стал, как и они брать мзду с «чёрных лесорубов». Иван прекрасно понимал, что рано или поздно эти времена пройдут, и за них, лесничих, и лесных воров серьёзно возьмутся.

По истечении какого-то времени, когда Иван уже купался в деньгах, он, почувствовав первые звоночки,

начал потихонечку готовиться к тому, чтобы достойно встретить тот день, когда за ним придут. Сначала переписал Храбростин всё имущество на своих ближайших родственников. Деньги распихал по сберкнижкам родни, с последующим возвратом, часть спрятал в тайничок, оборудованный им в ближайшем от деревни лесу. Нине, жене Ивана, этот тайничок был знаком. Единственное, что смущало лесничего, - сможет ли супруга в одиночку, когда потребует, одолеть по тайге 50 километров пути до Великого болота, хотя знал, что она была в общем-то не робкого десятка. Выросшая в лесном алтайском посёлке, она тайги не боялась, ориентировалась в ней, как у себя в доме. К тому же, обученная отцом, могла метко стрелять. Ночёвка в лесу её тоже не пугала, приходилось с мужем не раз раньше коротать ночи возле костерка у заветного озера.

Последние взятки оказались самыми большими. В очередной раз «закрыл» глаза лесничий на крупную аферу лесной братвы. А буквально через неделю нечестных предпринимателей повязали в лесу с поличным, взяли на большой кубатуре безбилетной заготовки. Храбростин понял, что не сегодня-завтра придут и за ним, а посему начал доводить до конца свой план исчезновения. Узнав о случившемся в лесосеке, он в тот же день в соседнем райцентре продал свой джип. Все наличные деньги Иван передал лучшему другу из ближнего посёлка, чтобы он по завершении всех судебных процессов, отдал их Нине, естественно за риск и хранение дав ему определённый процент. И уже расставшись со всем нечестно нажитым, он чётко провёл инсценировку с утоплением.

План, продуманный Храбростиным до мелочей, базировался далеко не на пустом месте. Ещё в далёком детстве он был слышан от своего деда Савватия о том, как тот скрывался от колчаковской мобилизации на каком-то острове на Великом болоте. Прятался он там без малого год, пока не выбили красные беляков из их округи и не пришла Варвара, его жена, к «Чёртовой протоке» и не подала условный сигнал, как они договорились: выстрел, пауза, два подряд, на который тотчас же последовал ответ Савватия: два выстрела подряд, пауза, один.

То ли интуиция, призывавшая на всякий случай присмотреть место, дескать, в жизни для чего-нибудь пригодится, то ли простое любопытство, но посмотреть на дедово убежище он, будучи уже лесничим, сумел. Благо, километрах в пятнадцати от того места отводил он тогда зимние делянки леспромхозу. По пути и зашёл. Нашёл-таки Иван тот самый островок и полуразвалившуюся избушку, в которой проводил дед Савватий срок своего вынужденного самозаточения.

- И вот, когда возникли первые предчувствия скорого поворота в жизни, показал Иван и Нине дорогу до болота. Вдвоём они сходили туда и обратно за три дня, провели две ночи в лесу у безымянной речушки в царстве комаров. Зато теперь Храбростин убедился, что супруга дорогу к «Чёртовой протоке» найдёт без всяких проблем.

4

От того островка до границы с соседней областью было всего километров 15, а там, через каких-то два-три лесных квартала, начинались делянки местного лесозаготовительного предприятия.

Тогда, в первое посещение островка, это отложилось у Храбростина в голове как-то самопроизвольно. Теперь же

для него это был реальный путь отхода, так, на всякий случай, в силу каких-то непредвиденных обстоятельств.

Иван времени даром на острове не терял, обследовал пути выхода в соседнюю область, даже в ближайшем с его стороны поселке отоварился продуктами. Смутили его, правда, пристальные взгляды местных жителей: как-никак чужак в глухомани - сродни шпиону. Но кто его мог здесь знать как пропавшего у соседей лесничего? Да, честно говоря, к кому идти с «телегой» на него, если в Сибири на одного участкового приходится до десяти тысяч квадратных километров территории? И всё же, чтобы лишка не мозолить глаза поселянам, он сразу же после магазина, приняв на всякий случай меры предосторожности, и дав, в связи с этим, хорошего крюка, вернулся на свой остров.

5

Следователи сработали оперативно. Через три месяца дело уже было передано в суд. Надо отдать должное и лесным беспредельщикам: на «покойника» в своих показаниях они не ссылались. Может быть они боялись, что им добавят срок за дачу взятки должностному лицу. Во всяком случае, фамилия Храбростина не фигурировала ни в одной бумаге. А это значило, что обвинений в его адрес и быть не могло. По вынесении приговора, апелляцию никто не подавал, а посему дело № 1721 перешло на архивную полку пылиться до окончания срока хранения с тем, чтобы затем окончательно исчезнуть в топке котельной.

Спустя неделю после этих событий Нина Владимировна засуетилась. Соседкам объяснила, что ей, не местной, здесь без мужа больше делать нечего, и надо,

следовательно, уезжать к себе на родину - на Алтай. Быстро нашелся на домик и покупатель.

Сославшись на необходимость поездки в областной центр, «вдова» исчезла из деревни на несколько дней...

Как и было условлено, ровно в полдень прозвучал условный сигнал: выстрел, пауза, два подряд. Иван, встретившись с Ниной, принял от неё рюкзак с вещичками, документами и деньгами. И уже назавтра «покойный» Храбростин с пышными усами и окладистой бородой, в нахлобученной на самые глаза фуражке, держал путь на железнодорожную станцию соседней области, откуда дорога его лежала на Дальний Восток к двоюродному брату жены - Андрею.

Нина же, вернувшись обратно в Выселки, пожила там ещё пару недель, собрав за это время у родственников и друзей мужа всё, оставленное ей Иваном, и продав оставшееся имущество, попросила соседку, поехавшую на железнодорожную станцию, попутно купить ей билет на родной Алтай.

Пожив у своих родственников некоторое время и подготовив их на случай милицейских розысков-поисков, отправилась она дальше на Дальний Восток, где должен был начаться второй этап их совместной с Иваном жизни.

Пророк из Бекетовки

Возвращались мы как-то с другом вечерком домой из соседнего райцентра, с праздника села. Сразу же за мостом, видим, голосует средних лет мужчина.

- Давай возьмём, - говорю приятелю, - всё веселее в дороге будет.

- Боюсь, что ничего веселенького-то мы не дождёмся,

а вот неприятности точно будут. Смотри, он же еле-еле на ногах стоит.

- А может рискнём? Жалко всё же его. Если что - тогда попросим его выйти.

Притормозили.

- Мне тут недалеко, до Бекетовки, подкиньте.

- Садись. О-о-о, где это ты так набрался-то?

- Да к братану на юбилей ездил. 50 лет ему «стукнуло».

- А тебе самому-то сколько?

- В прошлом году 45 отметил.

- А чего один на торжествах гуляешь? Без жены, без детей?

- Бобыльствую я, жена уже три года как умерла, а детей у нас с ней не было. Бог не дал.

- Пьянка твоя, наверное, во всём виновата?

- Да нет, это я себе только сегодня лишка позволил. Да, в общем-то, приневолили. У нас же это принято - пить заставлять. Не выпьешь - могут за шиворот вылить. Ведь как считают: не пьёшь, значит не уважаешь. А тут «полтинник» всё же у брата. Ну, и накачали. Еле-еле от них ноги унёс, отпускать никак не хотели. А у меня ведь скотина не кормлена.

- И большое хозяйство?

- Держу свиноматку, трёх поросят на мясо, кур двадцать. Нынче весной телёночка у СПК прикупил, точнее на сено выменял. У них бескормица была, попросили. А я-то ведь свой сенокос не забросил, когда с коровой после смерти жены расстался. Подкашиваю и соседские, уже запущенные участки, сколь силы и времени хватает. Сено выставляю, потом продаю. Как видите, и нынче оно мне пригодилось. И СПК помог, и мне бычок к зиме приварок даст.

- Выходит без дела-то ты не сидишь, не как иные в

деревнях, после развала колхозов.

- В общем-то ведь я тоже безработный. Состою в центре занятости на учёте. Платят, конечно, крохи, да и то стараются продуктами рассчитаться. Вот и приходится, как могу, выкручиваться. А ещё картошечка выручает, огород-то у меня соток 30, пожалуй будет, почти весь ею, родимой и засаживаю. Более половины идёт на продажу, остальную скоту скармливаю. Самому-то немного и надо.

- На такое хозяйство помощница, наверное, нужна?

- Все хорошие при мужьях, - засмеялся попутчик, - найдётся подходящая, да свободная - женюсь обязательно.

- Без работы не страдаешь? Ведь до пенсии-то тебе ещё 14 лет как-то жить надо.

- А по мне, что на работе в колхозе, а затем в СПК, где зарплату годами не платили, что на безработице, что на пенсии - деньги одни и те же. На эти подачки - ноги протянешь. Силой Бог меня не обидел, своим хозяйством проживу.

- Так можно ведь кредит взять, развить крестьянское или фермерское хозяйство и жить припеваючи.

- А я что, в нищете живу разве? У меня же всё есть, что мне нужно. Из кожи вон лезть, обивать чиновничьи пороги, чтобы узаконить фермерское хозяйство, да кредит получить - это не по мне. А, тем более, для кого стараться-то? Я же один-одинёшенек. Мне, повторяю, чужого не надо, а своим горбом я на себя всегда заработаю. Я ведь и топором неплохо владею, вполне могу с бригадой в Подмоскowie на строительство дач податься. Звали неоднократно, только мне на земле работать сподручнее, а не мотаться туда-сюда. В общем, за будущее своё я не беспокоюсь. Мне излишеств не надо, а скромно, я как-нибудь проживу.

- До перестройки, наверное, в колхозе работал?

- Да, вся жизнь, почитай там прошла, кроме службы в

армии, естественно.

- Не жалеешь, что колхозы развалились?

- А чего жалеть-то? У нас в государстве всегда так: то в одну сторону бросит, то в другую. Качает Россию, как пьяного забулдыгу, как меня сегодня, - снова засмеялся мужик, видимо, за удачное, на его взгляд, сравнение. И вполне серьёзно добавил, - село возродится. Это неизбежно. Хотя государственная политика впрямую на это не направлена, но косвенно дело к этому идёт.

- Даже так? - резко обернулся я к нему.

- А что? Давайте порассуждаем. Свой сельский товаропроизводитель на сегодня у нас в основном загублен. В большей мере диспаритетом цен и отсутствием государственной помощи. А на прилавках что видим? - Дешёвые импортные некачественные продукты-суррогаты, да нашу непотребную ерунду. Откройте любую банку - есть не будете, никакого вкуса. Вы ведь, наверное, настоящей-то тушёнки и не пробовали?

- Да нет, приходилось. Действительно, никакого сравнения. Раньше одним её запахом сыты были. Приятно вспомнить.

- А тут ещё из кожи вон лезем, чтобы в ВТО попасть, - продолжал попутчик. - А надо ли нам это? Я полагаю, что совсем ни к чему. Они-то, западники, пустят нас туда, обязательно пустят. Им ведь это выгодно. А затем заполонит Запад наш рынок своей дешёвкой и безвкусицей. И нам ведь конкуренцию с ними не выдержать. Особенно в сельском хозяйстве. А когда они наш рынок заполучат, будут диктовать свои условия, с каждым разом ужесточая их. А разве это нашему руководству понравится? Нет, конечно. Ну и топнет кто-то из наших будущих президентов ножкой, как незабвенный наш Никита Сергеевич в своё время на ассамблее ООН башмаком по трибуне стучал. Ну, Запад-то этот демарш

нам не простит. Прекратят они поставку нам своих продуктов, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

- Не радостную ты нам картину рисуешь, дружок.

- А вы что хотите?- Далее, когда же дело к голоду в стране пойдёт и помощи ждать будет неоткуда, что тогда? А выбора-то и не будет. Придётся государству все силы бросить на село. Помните героев Н.Островского? Незабвенного Павку Корчагина? Которые «железку» в лес мухой построили, когда Киев без дров на зиму остался Или помните у В.Маяковского: «Нашим товарищам дрова нужны, товарищи мёрзнут...». В жизни всё повторяется, хотим мы этого или нет.

- Ну, ты, мужик, загибаешь.

- А вот чуёт моё сердце, что так и будет. И тогда бочку дизельного топлива за один литр молока давать будут, а не как сейчас - за три литра молока литр солярки купишь. И не просто давать, а домой тебе привезут и просить будут, чтобы обмен состоялся. Вот тут-то и я со своими тридцатью сотками и живностью в королях окажусь. Востребован буду. Это сейчас я и мне подобные никому не нужны. А там в ножки город селу будет кланяться. Не зря говорится: «Голод не тётка...».

- Ну и фантаст ты, мужик, крепко же тебя занесло. От выпитого, наверное?

- Кто пьян, да умен - два угодя в нём, не так ли в народе-то говорится?

- Зовут-то хоть как тебя, угодник?

- Иваном, - опять засмеялся попутчик, - символическое, в общем-то у меня имя.

- То, что ты тут, Иван, наплёл, никогда не сбудется...

- Тормозните, ребятки, здесь - вот моя деревня, приехал я. Спасибо, что подвезли.

- Счастливо тебе, Иван, дерзай на сельской ниве.

И, уже выйдя из машины, он, наклонившись к приоткрытому боковому стеклу, сказал: «А всё-таки, не забывайте мои слова, мужики. Это ведь только в сказках все Иваны - дураки. В жизни же большинство из нас, Иванов, - умные и толковые люди и в будущее глядят не на один год. Деревня, ведь, никогда одним днём не жила».

- Умны вы, деревенские мужики, только вот задним умом.

- Как сказать, как сказать, - донеслись до нас прощальные слова попутчика.

Постскриптум.

Прошло с момента встречи с Иваном чуть более десяти лет. Не все, но всё же его прогнозы сбываются: санкции мы получили, сейчас огромные усилия прилагаем к развитию собственного производства, как промышленного, так и сельскохозяйственного. Вынуждены это делать.

Выходит прав был в 2006 году Иван-крестьянский сын. Ещё как прав!

2017 год.

Исповедь

Ежегодно отдыхая во время отпуска в родных Подлипках, я неизменно встречаюсь с Михаилом Кузьмичём Баклановым - инвалидом Великой Отечественной войны. Будучи от работы относительно свободным, он был покровителем деревенской

ребятни пятидесятих-шестидесятих годов, тех лет, когда являясь ещё относительно молодым, любил возиться с нами. Всю жизнь прожил Кузьмич бобылём. Из-за своей тяжёлой военной инвалидности, не женился, абы не быть обузой потенциальной супруге. А не имея своих детей, Кузьмич во всём благоволил нам, пацанам, нередко защищая нас от разгневанных односельчан, из-за наших набегов на их сады и огороды и других шалостей. Всю свою не истраченную ласку он расходовал на нас. За благосклонность к нам, за доброту, мы его крепко уважали и привязались к нему настолько, что и сейчас, в зрелые годы, при каждом своём приезде сюда, в родные места, обязательно навещаем старика, привозим ему подарки, что всегда нашего друга детства до слёз трогает.

О войне он нам никогда ничего не рассказывал. На наши вопросы о ней, отвечал неохотно, и мы в наших беседах в дальнейшем старались не поднимать этой темы. Одно мы знали, что воевать ему довелось всего лишь два неполных месяца. Получив в одном из боёв тяжёлое ранение, он более двух лет провалялся в госпитале, после чего, списанный подчистую, вернулся в родные Подлипки. Признанный районной врачебной комиссией полностью и навсегда нетрудоспособным, получив первую группу инвалидности, он занялся нехитрым деревенским кустарным ремеслом и рыбалкой, благо, что речка протекала неподалёку, а при его ограниченности в передвижениях, это было ему в самый раз. Глядя на него, пристрастились и мы к этому занятию, проводя почти всё своё свободное время возле богатых рыбой омутов. Так во взаимной дружбе и проходило наше босоное детство, пока мы один за другим не разъехались из своей деревни в поисках счастья на стороне.

Вот и в нынешний отпуск, на следующий же после моего приезда день, я направился к Михаилу Кузьмичу. После того, как мы с ним обнялись, усадил меня старик за стол, достал нехитрое деревенское угощение, налил чаю, и, не расспросив меня, как обычно, о житье-бытье, о городских новостях, сразу

же, неожиданно для меня, завёл разговор о себе.

- Ты, представляешь, Ванюша, крепко я сдал за этот год. Да ты и сам, наверное, заметил, вон как меня обтянуло.

Чувствую, не долго мне осталось ходить по этому свету, что-то оборвалось внутри, да и сердечко частенько зажимает по ночам. При этом вижу я постоянно один и тот же сон - всплывает в памяти тот мой последний бой, когда я был тяжело ранен. Просыпаюсь среди ночи весь в поту, ведь как бы заново переживаю ту страшную драму, случившуюся в тот день со мной. Никому я не рассказывал об этом бое из-за одного неприятного момента - боялся, что неверно истолкуют мой поступок, когда в критический момент я вынужден был бросить оружие. По тем временам за такое меня ожидали бы весьма неприятные последствия. До сих пор сам себя корю за это, хотя, когда я оказался в том безвыходном положении, у меня практически не было иной возможности выжить.

Десятки лет носил я всё это в себе, переживал, но в последнее время почувствовал: нельзя мне это больше в сердце держать, нужно поделиться с кем-то ближним, рассказать обо всём случившемся. А тут ты как раз, Ванюша, и подвернулся. Поведаю тебе - может быть и мне легче станет.

***

- Неожиданным ударом выбили нас немцы в тот жаркий августовский день из небольшой украинской деревушки. Оставив заградительный заслон, мы отходили. Тут же перед нами была поставлена задача: закрепиться на ближайшей высотке, и в течение вечера и ночи оборудовать надёжный плацдарм, чтобы сдержать противника на этом рубеже обороны. Спешно двигались по пыльной дороге, пересекая бескрайнее пшеничное поле. И вдруг, внезапно, впереди показали немецкие танки, вышедшие наперерез нам с фланга. Разрывы снарядов, крики заматавшихся по дороге бойцов. Солдаты рассыпались по полю. Оказавшись один, я полз наугад, путаясь в стеблях пшеницы, подальше от лязга

гусениц вражеских машин. Полз до тех пор, пока не выдохся. Отлежался, перевёл дух. Спустя некоторое время, когда затих грохот танков, я перебежками, а местами и ползком, начал передвигаться в направлении высоты. Вдруг, совершенно для себя неожиданно, выполз на полевую дорогу. Не успев оглянуться, услышал справа и несколько сзади от себя раскатистый хохот. Повернув голову по направлению смеха, похолодел. Метрах в двадцати пяти от себя увидел двух, лежащих за пулемётом немцев. Попытка моя рвануться назад, была пресечена короткой очередью, которая прошла землю в считанных сантиметрах от ног. Невольно пришла в голову мысль: «всё, отвоевался».

Фашисты играли со мной, как с загнанным в ловушку зверьком, прицельной стрельбой не давая возможности ни подняться, ни подвинуться куда-либо, ни шелохнуться, издевательски смеясь при этом. Вдоволь потешившись надо мной, немцы решили прекратить «игру». Второй номер стал жестами показывать, что мне делать, первый же номер при этом не спускал с меня глаз, держа палец на спусковом крючке. Жестикуляция понятна: бросай винтовку, поднимай руки и иди в их сторону. Ну, нет - только не плен. Я лихорадочно искал малейшую возможность спастись. И тут меня вдруг осенило - есть же такой шанс, не надёжный, правда, но всё же шанс, и, видимо, последний. Медленно поднимаясь с земли, потянул за ремень к себе винтовку, затем, следя за первым номером, как бы с досады, резко, с силой, отбросил её в сторону, Как я и ожидал, точнее надеялся и даже молил Бога об этом, фашист на мгновение перевёл взгляд с меня на летящую винтовку. Воспользовавшись этим, в тот же миг я резво оттолкнулся от земли, прыгнув обратно в пшеницу. Уже в полёте услышал треск очереди, и ощутил, что меня как бы разрезают пополам. Чувствуя острую боль, я из последних сил пытался забраться вглубь поля. Полз, полз, полз, пока не потерял сознание...

- Без малого полвека носил я всё это в себе. Мучился,

страдал, переживал, осуждал себя. Но, что бы я мог сделать, Ванюшка? Да ничего, ведь даже винтовку они не дали бы мне вскинуть, сразили бы из пулемёта наповал.

Плечи Михаила Кузьмича затряслись, на глазах выступили слёзы...

Трудный вопрос внука

- Дед, а дед,- тормошит меня шестилетний Андрейка, - а Бог есть на самом деле, или его придумали?

-Что это тебя вдруг заинтересовало? - нехотя расстаюсь я с дремой. - Привели тебя опять на мою голову, отдохнуть не дашь.

Внуки всегда коротают дни у меня, когда приболеют и не могут посещать садик. На больничный идти родителям нельзя, причину для увольнения хозяин найдёт быстро. Не те времена сейчас, потерять хорошо оплачиваемую работу легко, а искать приходится годами.

- Папа и мама говорят, что Бога нет, что всё это выдумки богатых, и Бога они придумали для того, чтобы пугать неграмотных бедных людей, чтобы они были послушными и не смели им перечить, - настырничает малец. - А наша воспитательница, Людмила Сергеевна, наоборот, много хорошего рассказывает о Боге, показывает и читает нам книжки о нём, где есть и рисунки с его изображением. Ещё она говорит, что Бог находится на небе и оттуда прекрасно видит все наши шалости и непослушных детей будет наказывать. А если мы и во взрослой жизни будем грешить, то после смерти попадём не в рай, а в ад, где черти будут поджаривать нас на сковородке.

Андрейка уставился на меня своими большими чёрными глазами, ожидая ответа.

Что ему сказать, если я и сам, высококвалифицированный

специалист, имеющий два высших образования, начитанный, проживший на свете восемь десятков лет, не знаю на этот вопрос точного ответа. Поэтому и решил уйти от разговора шаблонной в подобной ситуации фразой.

- Конечно, Бога, как такового, в человеческом облики, Андрейка, на небе нет. Колько уже космонавтов побывало на орбите - никому он не встретился. Да и странно было бы обнаружить его в нескольких сотнях километров от нашей земли, если вселенная бесконечна.

- А почему Бога в книгах и журналах изображают как человека? - протягивает мне внук один из номеров «Чудеса и приключения».

- Здесь изображён лик святого Великомученика, это не Бог, - пояснил я. - А вообще-то, что-то есть такое, что регулирует, контролирует и направляет всякую деятельность на земном шаре. Учёные называют это Высшим космическим разумом. Пока тебе, Андрейка, ещё рано об этом думать - не поймёшь.

Объясняю мальцу, а у самого невольно наплывают воспоминания из далёких уже военных сороковых...

- Осенью 1939 года я был призван на срочную службу. Попал на Балтийский флот. В июне 1941 года за успешное выполнение особого задания я был поощрён отпуском на родину. Не успел погостить - началась война. Быстрые сборы, мать вся в слезах. На прощание нерешительно протягивает мне иконку, маленькую такую. Это, говорит, Николай Чудотворец - твой хранитель. Возьми с собой, места она много не займёт, зато оберегать тебя будет. И перекрестила меня. Я, конечно, встретил это в штыки. Мол, комсомолец и в Бога не верю, да и ребята засмеют. И сам скорее за порог. Она уже вдогонку умоляет: «Возьми, сынок, спрячь подальше от чужого глаза, и мне спокойнее будет. Молиться за тебя буду». С неприязнью глянул я на лик святого, кажется, на всю жизнь запомнил и воспринял его, как недруга своего. Скрепя сердце завернул иконку в тряпочку и на самое дно рюкзака положил.

Прибыл в Кронштадт. Наш эсминец как раз к отплытию

готовился. Ребятам своим обрадовался, с ними любые тяготы нипочём...

Начались суровые военные будни, битва за Балтику. Немцы нажимают всей своей мощью, стараясь запереть нас в Финском заливе. Один за другим пал ряд прибалтийских городов. И вот на очереди Таллин. В составе конвоя сопровождаем транспорты из этого города в Ленинград. Немцы бомбят непрерывно, их флот покоя нам не даёт. Опасность подстерегает со всех сторон: и с воздуха, и с воды, и из морских глубин.

Что тогда случилось, я так и не понял: то ли бомба в корабль попала, то ли на мину нарвались (шли в боковом охранении со стороны берега), то ли подводная лодка нас торпедировала. Помню одно - рвануло со страшной силой, меня взрывной волной выбросило от орудия далеко за борт. И уже в воде какими-то обломками сверху накрыло. Мелькнуло в сознании, ну, вот и всё, отжил своё. Однако одежду и сапоги сумел сбросить - сказалась-таки флотская выучка.

Караван ушёл. Останавливаться и спасать было нельзя, иначе сами бы подверглись величайшей опасности. Таков был приказ. Из последних сил держась на поверхности, пытался плыть к берегу, до которого по моим расчётам было мили полторы. Сколько я барахтался в полуобморочном состоянии - не знаю. Начались уже галлюцинации...

И вот вдруг, как озарение, в ярком светло-жёлтом круге перед глазами возник образ Николая Чудотворца, ну точь-в-точь как на иконке - мамином подарке, которая вместе с эсминцем в рюкзаке ушла на дно морское. Он мне ничего не говорил, не показывал, но, тем не менее, воздействовал на моё сознание, каким-то образом внушая, что мне нужно плыть не к берегу, а вдоль него. Видение стало смещаться в сторону, и я стал менять курс, ориентируясь на него. Оно, как маяк, звало к себе, и я плыл на него, пока не ударился головой об обломок мачты...

Очнулся на прибрежной отмели. Какие-то люди суетились

возле меня, разжимая намертво вцепившиеся в мачту пальцы. А дальше опять провал в памяти, на сей раз уже надолго...

Кто мне помог? Или что меня спасло? - не знаю. Тем более, как всё это объяснить мальцу? Не поймёт. Наверное, ему ещё рано об этом рассказывать...

Кажется пауза затянулась. Глянул на внука, а он вглядывается с тревогой в моё лицо.

- Деда, тебе плохо, да? Может маме позвонить, или «скорую» вызвать?

- Давай-ка лучше мы обедом займёмся, - меняю я тему разговора, - помоги мне картошку почистить.

«Пожалели-приголубили»

Нет, что ни говори, а фермером жить не так уж и плохо. Если, конечно, взвалить на себя ношу посильную, то бишь, не хватать, как некоторые жадюги, землю десятками, а то и сотнями гектаров, не возводить гиганты-фермы. Я так и настроил себя с самого начала: земли взял в меру, купил лошадёнку, завёл двух коров, несколько бычков, да по мелочам кое-что - и пошло-поехало. Работаю в удовольствие, ведь не для «дяди», а для себя стараюсь. Жена тоже с удовольствием трудится, родители что-нечто помогают.

Но, сами посудите, трудно всё-таки непрерывно «ломить и ломить». Нужна, как и всякому русскому мужику, разрядка. А я парень молодой, друзья имеются. Конечно, не такие, что на дармовщинку выпить любят и на твоей бутылке дружбу строят, а вполне порядочные люди. Приду - приеду к ним, выпьем в меру, поговорим о том, о сём, благо, что сейчас тем - пруд пруди, и все горячие. Короче, отведу душу, и опять за работу.

Вот и нынче, отгостил в городе пару деньков, благо есть на кого оставить своё беспокойное хозяйство. Навестил своих

одноклассников, а утречком, испив ещё немного напоследок с закадычным другом, отправился на мотоцикле восвояси.

Еду, строю планы на день сегодняшний, на завтра. Душа поёт, приятно всё же чувствовать себя успешным хозяином-собственником, ни от кого не зависеть, радоваться, что дела, тьфу-тьфу, идут неплохо. Мурлычу про себя песенку, потом незаметно так и погромче петь стал. Одно слово - балдею. И захотелось мне ещё чего-нибудь хорошенького. Ну, думаю, приголубил бы хоть кто-нибудь, что ли, пожалел. И вдруг - шальная мысль: а что, если имитировать аварию? Как-то ко мне отнесутся водители?

Сказано - сделано. Выбрал местечко подходящее, где насыпь невысокая, пологая, но всё же приличная, и поворот на шоссе довольно крутой. Имитация под аварию идеальная. Съехал аккуратненько, упёрся мотоциклом в куст, завалил его чуть-чуть на коляску, так, чтобы заднее колесо висело, но чтобы и бензин из бака не тёк. С дороги это место хорошо просматривается, должны увидеть. Сам же развалился чуть подальше на траве, будто бы вылетел при аварии. Хмелею от запахов разноцветья-разнотравья, крепче, чем от вина.

Слышу шум приближающейся машины. Затих, лежу не шевелясь. Скрип тормозов, открываются дверки. Диалог мужчины и женщины.

- Миша, Бога ради, не ходи, не наследи, а то свяжешься с милицией, не расхлебаться потом будет, затаскают, а то и виновным тебя сделают.

- Да нехорошо как-то, может человек умирает, а мы проедем мимо.

- А чем ты ему поможешь, ну, чем? А неприятностей потом не оберёшься. Поехали, пока никого нет на трассе. Если что, не видели, вот и весь сказ.

Хлопнули дверки, взвыл мотор. Рванула резво с места машина и ушла в сиреневую даль.

Нет, такие не пожалеют, не помогут - не дождёшься. Там, где женщина в семье заправляет, порядка и порядочности не

жди. А таких мужиков-подкаблучников - убивать мало.

Очередная машина на подходе. Опять диалог мужчины с женщиной. Но тут мужчина ей не уступил. Спустился с откоса, подошёл ко мне, ухо приложил к груди, резко от меня оторвался, почуяв хмельной запах. Кричит жене или подруге: «Ну, паразит, до чего напился, с откоса слетел. И ведь ничего не сделалось, ни царапинки. Дышит нормально, оклемается. Мотоцикл цел. Поехали».

Отчалила легковушка. Ну, эти хоть убедились, что у меня всё в порядке, спасибо и на этом.

Снова шум мотора, скрип тормозов - грузовик. Подходит водитель, попинал меня легонько. Я, продолжая играть, голос подал, прохрипел что-то невнятное. Наклонился он ко мне, похлопал по щекам. Я приоткрыл глаза. Он мне со злостью: «Тьфу, алкаш несчастный, сдать бы тебя куда следует, да связываться неохота». Пнул напоследок и уехал.

Настроение упало, тем не менее продолжаю лежать. Вдруг найдётся добрая душа, отнесётся ко мне по-человечески.

Снова грузовик. Подходят два мужика, но не ко мне, а к мотоциклу. Пришлось промычать, дескать, слышу, не смейте что-либо стащить.

- У-у, зараза, сейчас я тебя протрезвлю, - со злобой проговорил один из них и подошёл ко мне. Послышался шорох раскрываемой на ширинке молнии. Чего-чего, а этого я не ожидал. Начал подниматься, чтобы избежать неприятного дура. Мужиков как волной смыло.

Ну, думаю, пожалели-приголубили. Только хотел встать на ноги, слышу, ещё одна малолитражка на подходе. Тотчас же завалился снова.

Остановился «Москвич», приоткрылись дверцы. Из машины никто не выходит. Пристально вглядываются. Женский голос: «Доедем до ближайшей деревни и позвоним в милицию. До города рукой подать, через десять минут здесь будут. Всё, что надо сделают, а нам не резон встречать в это дело. Поехали».

Я, как ужаленный, подскочил, и бегом к мотоциклу - негоже с гаишниками связываться, под хмельком ведь. Как назло, мотоцикл не заводится. Нервничаю, от страха колотить стало. Наконец-то затрещал мотор. Сел, врубил скорость и - на откос. Двигатель заглох на подъёме, мотоцикл назад скатился, я чуть не упал. Ещё одна попытка - снова неудача. Да что это такое, откос-то вроде бы и не крутой.

Со стороны города шум машины. Наверное, гаишники едут. Сердце заколотилось, жутко стало. Останавливается «УАЗ».

- Как тебя угораздило?

- Да задумался немножко.

- Не ушибся.

- Есть маленько.

- Выехать не можешь?

- Не могу, глохнет почему-то.

- Давай подсоблю, подтолкну чуток.

- Хорошо.

- Э-э-э, да тебя трясёт всего, видимо ушибся сильно.

Слезай, я выведу на дорогу.

Сел, включил первую передачу не спеша выехал на шоссе. Посоветовал напоследок:

- Зайди в больницу, проверься. Не ровен час, может и сотрясение у тебя. Потом сказаться может. Со здоровьем не шутят. Будь здоров! - Сказал, и, не дожидаясь ответа, уехал.

- Спасибо тебе, добрая душа, и на добром слове, и за помощь, - мысленно благодарю шофёра. А в голове одна мысль зудит, вертится - только бы до дома добраться, пока гаишники не нагрянули.

Рванул с места: скорей, скорей, скорей... Тут уж не до песен стало, ноги бы унести.

«Нарушитель»

Приняв присягу на верность Родине, мы, новобранцы, мгновенно почувствовали, как круто изменилась наша армейская жизнь, а точнее сказать, начались в общем-то обычные солдатские будни. И вот, спустя несколько дней после этого знаменательного, оставшегося в памяти на всю жизнь, события, я впервые заступил на пост. Охраняемый мною в эту тёмную августовскую ночь объект находился, в виду особой его опасности на отшибе, в самом дальнем углу территории воинской части, в непосредственной близости от леса, вплотную подступавшего с северной стороны к нашему городку.

Буквально в тридцати метрах от опушки была установлена смотровая вышка, в перпендикулярных от неё направлениях прямыми лучами расходились два ряда колючей проволоки, между которыми и должен был я совершать свои регулярные обходы. Свет прожекторов, установленных на вышке, направленный вдоль своеобразных коридоров, высвечивал мою фигуру и делал меня видимым со всех сторон, и, наоборот, сколько бы я не напрягался, дальше двух метров за «колючкой» ничего разобрать не мог.

Положение - глупее не придумаешь, а чувство - будто я предстал перед всем белым светом совершенно голым. Непонятные мне, городскому жителю, ночные шорохи и крики обитателей леса, в которых, мною ощущался будто бы чей-то злой умысел, невольно вызывали страх. После чётких наставлений командиров и строгой установки разводящего, все эти лесные шумы невольно ассоциировались у меня с действиями нарушителей, которые по моему мнению, именно в эту ночь, и именно на моём участке, должны были проникнуть на территорию охраняемого мною объекта и завладеть имеющимися там... Казалось, я был обречён, и, видимо, не случайно руки в течение длительного периода времени судорожно сжимали автомат, единственную в данный

момент надежду. Большим усилием воли я заставил себя печатать шаги в обоих от вышки направлениях. Несколько успокаивала меня маячившая у соседнего объекта и видимая мною изредка фигура моего собрата, также впервые заступившего на пост. Помахав приветственно руками и ободрив тем самым друг друга, мы расходились в разные стороны, чтобы в одиночестве продолжать свой путь.

Чтобы как-то отвлечь себя от грустных мыслей, я стал отсчитывать шаги - туда и обратно в обоих направлениях, сознательно увлекая себя этим занятием. И вскоре мне удалось добиться просто феноменального результата: сто двадцать семь шагов в одну сторону и восемьдесят девять в другую трижды подряд удалось насчитать мне. Увлёкшись этим подсчётом, я несколько успокоился.

Чуть-чуть забрезжил рассвет, вскоре стали проступать отдельные предметы, отчётливее проявились стоящие на опушке деревья. По моему мнению, все тревоги остались позади, ибо с каждой минутой видимость улучшалась, и, естественно, я визуально мог бы определить наступление какой-либо опасности. Постепенно стал одолевая сон, и, чтобы преодолеть его, я начал интенсивнее ходить. Мысленно я уже был в казарме, предчувствие близкого отдыха вызывало положительные эмоции.

Потянул прохладный утренний ветерок, заставивший съёжиться, зашелестела листва, различные звуки слились в одну монотонную мелодию.

Пройдя в очередной раз шагов сорок от вышки, я неожиданно у себя за спиной услышал не то шорох, не то шелест, какой-то совершенно посторонний шумок, который явно не вписывался в утреннюю звуковую гамму.

- Вот оно, свершается то, чего я больше всего опасался, - мгновенно пронеслась мысль. Тотчас же я развернулся и быстро зашагал обратно к вышке, откуда, как мне показалось, угрожала опасность. Руки при этом чётко выполняли все необходимые манипуляции с автоматом. Рот приоткрылся,

уже с губ готов был сорваться окрик: «Стой, кто идёт?». Однако, никого и ничего подозрительного не было видно со стороны леса, откуда донёлся мгновение назад этот непонятный шум. Взобравшись на вышку и пристально вглядевшись в опушку, заметил, как что-то рыжее мелькнуло от деревьев и затерялось в густой высокой траве, как раз в моём направлении.

Замешательство моё длилось секунды три, не более, ибо вскоре это, нечто рыжее, оказалось самым обыкновенным беличьим хвостом, самого зверька в траве видно не было. На сердце тотчас же отлегло. Уверенными прыжками зверёк вскоре достиг «колючки», проскочил под ней и, не задерживаясь, стал по ступенькам забираться ко мне на вышку. Я стоял зачарованный, боялся пошевелиться, чтобы нечаянно не спугнуть лесную красавицу, пожаловавшую ко мне в гости. Достигнув площадки, она остановилась и вопросительно посмотрела на меня своими плутоватыми бусинками-глазами.

И тут я понял: ну, конечно же, прикормили её солдатики, вот и прибежала она сюда за очередным подарком. В карманах шинели ничего съестного не оказалось, я горестно развёл руками, а потом похлопал себя по карманам, как бы извиняясь перед ней за то, что у меня даже сухарика не завалялось. Ещё секунды две-три белка внимательно смотрела на меня, и видимо, поняв, что ждать от новичка нечего, прыгнула на лестницу, спустилась вниз и тем же путём стала возвращаться в лес, только рыжий хвост мелькал среди высокой травы.

Солдаты, выслушав мой рассказ дружно смеялись. - Повезло тебе, - продолжил разговор мой друг и земляк Володя, - твою бдительность проверил настоящий «нарушитель», а вот ко мне на пост пожаловал командир роты с разводящим и отчитал затем за не совсем чёткие мои действия.

Дальше служба пошла спокойнее, мы втянулись в строгий армейский порядок. О былых страхах вспоминалось с

улыбкой. А о том, что со мной приключилось на посту в первый день, не давала забывать белка, регулярно появлявшаяся на любимившемся ей объекте и ставшая общей нашей любимицей. Солдаты, извещенные мною о «нарушителе», идя на этот пост, не забывали прихватить что-нибудь съестное для лесной гостьи, своеобразно принявшей у меня первый солдатский экзамен.

Бедовый ты парень, Валера!

День первый

Дискотека подходила к завершению. К группке отдельно стоящих парней подошла девушка.

- Валера, тебя можно пригласить на танец?

- О-о-о, - пропел кто-то из друзей, - да на тебя спрос!

- Пойдёмте, - Валера взял за руку незнакомку и повёл к танцующим.

Танец, другой, третий... И вдруг неожиданная просьба: «Проводи меня, пожалуйста, до дома, мои подружки уже ушли, видимо обидевшись на меня, что я с тобой затанцевалась. А мне одной в Груздево страшно идти».

- Что же это они с тобой так поступили?

- Да бывает, находит иногда на них. А может мне позавидовали.

- А, кстати, откуда ты меня знаешь?

- Да мы же в одной школе учились, только я на три года позднее тебя шла.

- А сейчас чем занимаешься?

- Учусь в медучилище, перешла на второй курс. Зовут меня, кстати, Ольга. Мог бы и поинтересоваться, с кем танцуешь, хотя бы приличия ради.

- Да я как-то и не думал с тобой знакомиться.

- А что, так уж я плоха? Не понравилась?

- Да нет, просто ты планы наши с ребятами рушишь. Мы хотели на бережок сходить, посидеть до утра. Скоро разъезжаемся. Когда-то опять с ними встретимся!

- Проводи, прошу тебя. Ну пожалуйста, будь джентльменом. Прогуляешься, не пожалеешь.

- Это сколько же до вас «чапать»? Километра три будет?

- До моего дома чуть больше, мы в самом конце деревни живём.

- А чего ты, собственно, боишься?

- Да мало ли какой хулиган или пьяный встретится. Всё-таки больше километра лесом идти. К тому же, ночью одной вообще-то жутковато бывает.

- Я тоже выпивши. А вдруг и на меня что-нибудь найдёт-накатит? Не сладишь со мной.

- Да я тебя, Валера, давно знаю, ещё по школе. Ты не обидишь. Если честно, то я в школьные времена влюблена в тебя была.

- Даже так? Что же тогда-то не призналась?

- Стеснялась, ещё маленькая была.

- А сейчас?

- Сама не знаю, подошла к тебе - и всё.

Тёплая звёздная августовская ночь. Дорога почти в четыре километра длиной. Рядом девушка разговорчивая, весёлая. Неожиданно перескочила через кювет, нарвала на лужочке букетик колокольчиков и ромашек:

- А это тебе!

- Спасибо,- опешил Валера,- только это я должен тебе цветы-то дарить.

- Ну уж если ты такой недогадливый, так я решила тебе подарить первой.

- Неудобно даже.

- Ой-ой-ой, а мы стесняться ещё умеем. А покраснел-то как! Прямо как девушка не целованная.

Ольга неожиданно обняла Валеру и поцеловала его прямо в губы. В ответ Валера хотел обхватить её руками, но из-за букетика замешкался, и она этим ловко воспользовалась, слегка оттолкнув в грудь, отбежала.

- Нельзя тебе целоваться! - смеялась Ольга.

- Это почему же?

- Да просто не умеешь, наверное. Мама не научила.

- А при чём тут мама? - обескураженный Валера явно перестал соображать, что ещё больше развеселило Ольгу.

- Ой, не могу! - смеялась она от души.

Так и шли до самой деревни. Ольга всячески подначивала явно сбитого с панталыку Валеру. В такой ситуации он оказался впервые и всё больше и больше терялся. Она играла с ним, и игра эта, судя по всему ей нравилась.

Когда вошли в деревню, неожиданно от одного из домов отделились три фигуры и, встав посередине дороги, стали поджидать парочку. Ольга подхватила Валеру под руку, шепнула: «Не бойся, это наши ребята, я их отошью».

Поравнялись с парнями.

- Эй, пацан, поговорить бы надо. Отойдём?

- Лёня, отвали! - резко скомандовала Ольга, - прочь с глаз моих!

- Ничего, мы его одного дождёмся, посмотрим, что запоёт.

Троица сопровождала их до самого дома.

- Я вижу, вы не поняли? - обратилась Ольга к парням. - смотрите, хуже будет, если не отстанете. Пойдём, Валера, я тебя чаем напою.

- Да неудобно как-то, разбудим твоих.

- А моих-то всего одна мама, да и та в санатории отдыхает. На днях должна вернуться. Так что, кроме кота никого не потревожим.

Сидели, пили чай, вели непринуждённый разговор, хотя подспудно Валера был в напряжении. Троица за просто так его не отпустит. Фингалов наставят, это как пить дать.

Глянул осторожненько в окно - стоят «орёлики», никуда не

уходят, дожидаются. Сколько чаю не пей, а домой идти надо.

- Ну, спасибо, Оля, за чай с вареньем, пора и восвояси.

- Не отпущу, оставайся у меня до утра.

- Да ты что? Они же разнесут по всей деревне, что я у тебя ночевал.

- Не посмеют, я им пикнуть не дам. У меня с ними свои счёты. Так что, ничего страшного. К тому же я, может быть, давно хочу, чтобы ты со мной был. Ты не подумал об этом?

Ольга обняла Валеру, крепко и надолго припала губами к его губам и медленно, трясущимися пальцами, стала расстёгивать его рубашку...

- ...А ведь я у неё не первый, - переживал немного погодя Валера, - а чего же тогда говорила, что меня любила. Как же так? И, тем не менее, девчоночка-то клёвая, совсем неплоха, как в начале показалось. Даже очень-очень хорошенькая.

- Ты куда?- спросила Ольга.

- Понимаешь, мать будет переживать, до утра не заснёт, пока я не приду.

Валера выглянул в окно, недовольно хмыкнул. Парни сидели на брёвнах у дома напротив.

- Не беспокойся, я тебя выведу.

Осторожно ступая выбрались в огород.

- Пойдёшь между грядок до забора, увидишь калитку. Через неё выйдешь на полевую дорогу, а там, я полагаю, легко сориентируешься.

Всё прошло, как по нотам. Оставив с «носом» деревенских пацанов, «гуляка» лёгкой спортивной трусцой рванул домой.

День второй

Мама, мы сегодня с ребятами едем в Боровое к Олегу Кравцову на день рождения. Там и заночуем. Вернёмся утром, - обманывал домашних Валера.

- Сынок, все каникулы ты с друзьями, мы с отцом тебя

практически и не видели. Послезавтра ведь уже уезжаешь. Побудь хоть эти два дня с нами.

- Мама, ну я же не старик, чтобы в четырёх стенах время с вами проводить. Ещё успею насидеться дома. Вот закончу учёбу, буду здесь в школе работать. Все вечера за тетрадками да учебниками будут проходить, надоем ещё вам. Погулять-то мне всего годик осталось.

- Ну, как знаешь, - в сердцах бросила мать, махнув на сына рукой...

На этот раз Леонид с компанией встретили Валеру с Ольгой у самого её дома.

- Вчера огородами уполз, как мышь трусливая, - наехали пацаны на провожатого, - сегодня не проскользнёшь. Мы все ходы-выходы тебе перекрыли, так что, готовь морду под фонари. Да и негоже парню за девчоночью юбку прятаться. Скажи спасибо Ольге, при ней мы тебя бить не будем.

- Ну вот, сегодня ты останешься у меня до утра и ни-ку-да не уйдёшь, всю ночь будешь мой, - шептала Ольга.

- А я знал, что ваша шпана от меня не отступится, и будет ждать меня всю ночь, поэтому матери сказал, что поеду в Боровое с ночлегом. Так что, беспокоиться за меня в эту ночь никто не будет, а эти - аборигены ваши местные - пусть ждут...

Проснулся Валера около восьми, когда солнечный лучик пробился к нему через не до конца задёрнутую занавеску. Ольга заваривала чай.

- А ты чего меня не будишь?

- Не захотела тревожить, так сладко ты спал. Посапывал, как ребёнок маленький. Жалко будить было. Зато улица для тебя свободна, блокада снята. Парни «слиняли» около шести часов. Но уйдёшь ты от меня вчерашним путём, через огород - в поле. Лучше подстраховаться, соседи, сам знаешь, всё видят и слышат. А матери ни к чему о наших встречах знать. Так что, тихонечко, аккуратно выходи.

День третий

- Ну, Валера, тебя сегодня грудевские парни точно отделают. Два раза от них ушёл, на третий не выпустят, - смеялись друзья. - А до утра тебе там ждать не придётся — в 6 часов автобус на Вологду, а он ждать не будет. Вещички-то хоть собрал, а то вдруг не успеешь?

- Да мать уже всё приготовила, сумки уложены. А ночевать с Груздеве мне и так не придётся, у Ольги мать сегодня из санатория вернулась.

- Так может и нам туда с тобой прогуляться, подстраховать тебя? Всё равно нам сейчас делать нечего, а спать ещё рано. Заодно и кулаки «почешем».

- Зачем, не нужно. Безвыходных положений не бывает.

- Правильно, не бывает. Только ведь говорят, что и смерть - это тоже выход.

- Ну, загнули. Не беспокойтесь, что-нибудь придумаю, на месте сориентируюсь.

- Что ж, тогда будь здоров, на автостанцию мы придём, проводим тебя честь по чести. Да, возьми-ка баночку пива, на обратном пути выпьешь. Стресс снимешь, «фонари» свои, в честном бою полученные, «обмоешь».

- Спасибо братцы за сочувствие, - улыбнулся друзьям Валера, пряча банку во внутренний карман пиджака...

Разговор с Ольгой как-то не клеился. Оба понимали, что предстоит длительная разлука. Как знать, может быть и навсегда они сегодня расстанутся.

- За эти дни я так к тебе привык! Как родная ты мне стала. И такое впечатление, что я тебя давным-давно знаю.

- А у меня как бы школьная любовь к тебе опять вернулась. А может быть, она и не проходила? Ведь повторно в одного и того же человека не влюбляются, правда?

- Не знаю. Мне так с тобой хорошо, что расставаться не хочется. А приходится. Ничего не поделаешь. Эх, раньше бы

нам с тобой встретиться!

- Валера, мы с тобой уже обо всём договорились. Давай здесь, на околице, попросимся? До дома я теперь одна дойду. А тебе с нашими подонками встречаться не стоит. Они же тебя у нашего дома ждут.

- Нет, Оленька, мышкой трусливой в их глазах я не хочу остаться. Чему быть, того не миновать. Но уйти я должен достойно, пусть и битым.

- Ну а как же ты с разбитым лицом поедешь, как в университет свой пойдёшь?

- Я думаю, всё обойдётся. Тем более я сам должен понять, чего я стою, и на что способен. Пробьёмся, - бодрился Валера.

Неподалёку от Ольгиного дома стояли двое, Лёнька с дружкой. Третьего не было видно.

- Может, спрятался где? - размышлял Валера, незаметно, как ему казалось, для пацанов оглядывая ближайшие заборчики и лежащие на земле брёвна.

- Не крути башкой, студент, мы в прятки не играем. Нас сегодня двое, но тебя и парой уделаем. Слабоват ты против нас, интеллигент хренов. Мы, конечно, думали, что ты сдрейфишь и до дома не дойдёшь, а сбежишь к маменьке своей от околицы. Но ты - молодец, а по сему бить тебя будем несильно, но морду расквасим и пару рёбер постараемся сломать, - зубоскалил Лёня, расшаркиваясь при этом перед влюблёнными и уступая им дорогу к дому.

- Ну что, до встречи, Оленька, завтра я позвоню. А сейчас, прошу тебя, иди домой. Всё будет нормально.

Дождавшись, пока захлопнулась калитка, Валера решительно пошёл на изрядно доставших его наглецов, в ночных сумерках маячивших неподалёку.

- О-о-о, а мы мо-о-гём, браво-браво, - издевательски захопал в ладоши Лёня, в то же время несколько удивлённый решимостью, обречённого, казалось бы, горожанина.

- Рано радуешься, козёл, ты, видимо, не знаешь, что мой брат в ментовке служит, - напрягал студент блокировавших

его пацанов, - и персонально для тебя, Лёня, он дал мне баллончик «Черёмухи». Надеюсь, ты знаешь, что это такое, а если нет, то сейчас поймёшь.

Валера решительно полез во внутренний карман. Мгновенно вытащив банку с пивом, он бросился на парней, на ходу вскрывая её. Взболтанное содержимое, выпущенное «на свободу», пшикнуло весьма энергично, а пенная струя, направленная в сторону Лёни, заставила парней отскочить в сторону.

Эффект неожиданности, а также ночная августовская темнота, сработали на все сто.

Когда до местных аборигенов дошло, что их обвели вокруг пальца, Валера уже был вне зоны досягаемости.

Ох ты, зимушка - зима!

А жизнь рекой течёт
И в наших тихих городах.

Дорожные плиты вместо деревянных тротуаров - это хорошо или плохо? Оказывается, кому как и смотря в какое время года. Летом, весной и осенью - всем хорошо, за исключением мам, толкающих перед собой коляски, ведь им приходится проявлять искусство ювелирного вождения этого «транспортного средства». Жалуются и женщины-любительницы туфель на шпильках. Тонкие каблочки как наждаком сдирает. А зимой, похоже, плохо всем. На саночках ребёнка не провезти: либо влево, либо вправо они соскальзывают, ибо профиль не счищаемого с пешеходной дорожки снега покатый на обе стороны. Встречным пешеходам тоже трудно разойтись. Впору дорожный знак «Уступи дорогу» ставить. Ну, мужик-то с мужиком как-то

разойдутся, они у нас в основном тощенькие. То ли шибко изработались, то ли крепко испытые, то ли от чрезмерной любвеобильности худоба на них нашла. Женщина с женщиной - тоже разойдутся, даже если это будут уж очень симпатичные толстущечки. Ну, «проскребут» они друг друга животами, и дальше пошли, каждая в свою сторону. А вот если мужчина с женщиной на таких двухскатных горюшках встретятся? А-а-а, заулыбались? Дошло?

Вот-вот, со мной такая презабавная история в минувшую зиму приключилась, что просто закачаешься, а может, пальчики оближешь. Так у нас, кажется, говорится. Причём последствия этой истории привели к ещё двум, не менее забавным, но и не менее серьёзным случаям.

История первая

Ты пришла, и я пришёл,
И тебе, и мне хорошо.

Спешу как-то утречком на работу по улице Советской по плитам, точнее, по утопанному на них снегу арочного профиля. Как обычно, пристально наблюдаю за встречными пешеходами, дабы заранее подобрать место, чтобы разойтись мирно, без взаимных оскорблений, или падения одного из нас. Есть там прогон метров 50, может немножечко более, где нежелательно иметь встречного пешехода - не разойтись. Пригляделся, вроде бы успеваю пройти его, ибо далеко впереди, как мне показалось, маячила фигура полненькой женщины. Смело зашёл на пятидесятиметровку. Увы и ах, проскочить я не успел, она тоже вошла в этот прогон. Что делать? Подобрал место, где можно было бы, встав на цыпочки на закраинке, пропустить её, джентльмены же мы, мужики. Когда она подошла ко мне вплотную, одна моя нога предательски заскользила, и я резко стал заваливаться на

спину. Ну, думаю, опозорюсь теперь перед дамой. Но, есть, видимо, ещё Бог на свете, а может женщина решила добром ответить на моё джентльменство. Она мгновенно обеими руками обхватила меня и крепко-крепко прижала к себе. Аж дух захватило! Наверное, с полминуты простоял я в её объятиях, а может и дольше она меня не отпускала. Мои руки автоматически тоже стали её обхватывать. Потом мне как-то неудобно стало, не мы же одни на улице. Сказав «спасибо» направился дальше, к месту работы. Первая же встречная женщина укоризненно посмотрела на меня, покачала головой. Дескать, что же вы среди бела дня при всём честном народе обниматься-то надумали? Конечно, мне перед ней было очень стыдно. Но, зато с той поры мы с моей «спасительницей» - незнакомкой стали ежеутренне здороваться. Дни шли за днями. Но вот, как-то мы подошли к этому же прогону и опять же одновременно. Я, не доходя до него, притормозил, шагнул в сторонку, ближе к чьей-то ограде, чтобы полностью освободить ей дорожку. А она махнула мне рукой и крикнула: «Идите-идите, как-нибудь разойдёмся!». Нет, думаю, второй раз, да опять же при народе, вдруг снова опозорюсь. Сделал ей отмашку, дескать, подожду. Прошла мимо меня гордо, независимо, даже глазом в мою сторону не повела. И даже, уж чего я от неё никак не ожидал, не поздоровалась. А я, сильно растерявшись от такого её демарша, только вслед ей успел буркнуть: «Здрасьте!». Стою, чешу «репу». Да, прав Черномырдин: «Хочешь как лучше, получается как всегда».

Со следующего дня стал ходить на работу на 15 минут раньше: зачем лишний раз мозолить глаза моей «незнакомке». Потом что-то жалко мне стало этих минут, что от домашних дел отрываю. С другой стороны, если выходить позднее, то на работу будешь регулярно опаздывать. Социалистическое воспитание не позволяло мне это делать. И я решил сменить маршрут движения: стал ходить по улице Красной. Всё вроде бы встало на свои места.

Но, уж как говорится, беда одна не ходит.

История вторая

Недолго музыка играла,
Недолго фраер танцевал.

Больше месяца проходил я на работу новым маршрутом. Да вот, опять незадача. Как-то в конце февраля, в солнечный денёк иду с обеда по ставшей уже родной Красной улице. Вижу, перед перекрёстком, в моём же направлении стоит машина ДПС. Водительская дверка открыта, на ней буквально висит пьяненький мужичонка. Поравнялся с ними. Слышу: «Мужчина, подойдите сюда!». Ну, думаю, в свидетели сейчас запишут меня из-за этого пьяницы. Увы и ах. Совершенно для себя неожиданно, виновным лицом оказался... я (???)

- Почему идёте не по тротуарам?

От неожиданности, я спервоначала растерялся, завертел во все стороны головой, потом, малость поочухавшись, говорю: «А, собственно, где Вы тротуары видите?» - И рукой ему показываю на кошачье-собачьи следы на том месте, где, по мнению блюстителя порядка, должны быть тротуары. Но, он продолжал гнуть свою линию: «Я за Вами давно наблюдаю, аж от самой улицы Восточной» (типа высоко сижую, далеко гляжу). Но я уже полностью пришёл в себя и рубанул ему в ответ: «Так от самой улицы Восточной и до улицы Ленина, тротуары зимами вообще не чистятся. Вот уж несколько десятилетий там по зимам нога человеческая не ступала».

Посчитав инцидент исчерпанным и махнув рукой, я продолжил своё движение на службу. Видимо моя отмашка от офицера, как от назойливой мухи, подействовала на него, как красная тряпка на быка. Как бойко он выскочил из своей машинки и рванул за мной с криком: «Мужчина, а ну-ка остановитесь!». Но на данный момент «правил бал» уже я. Тем более, что столько знакомых лиц спешило (тоже по левой

стороне дороги) на работу. Это же мои свидетели. Сердце замерло от предстоящего торжества, когда ощутил за своей спиной его горячее дыхание. Даже Бога молил: ну, схвати ты меня, хотя бы за плечо - такую комедию разыграю на глазах моих-то знакомых - потом звёзды с погон полетят. Не от моего, естественно противодействия, а в будущем, от милицейского начальства за превышение своих полномочий.

Но, видимо, парень одумался (не зря всё же он техникум сельскохозяйственный закончил), не стал меня трогать, а может раскусил мой замысел. Но, отступить не захотел, забежал вперёд меня и этим своим манёвром преградил мне дальнейший путь.

- Пройдите на тротуары! - настырничал он.

Пришлось повторить: «А где Вы их видите? Или по колено в снегу я должен брести там, где только домашние животные иногда пробегают?».

Обходя милиционера, на ходу бросил: «Я сейчас же пойду на Вас жаловаться начальнику РОВД».

- Жалуйтесь, это Ваше право. Это вы все только и умеете делать.

Целый квартал за мною двигался милицейский автомобиль со скоростью похоронной процессии, метрах в десяти позади меня. Такого почётного эскорта я за всю свою жизнь не достаивался и вряд ли когда удостоюсь. А поддатенький мужичонка, меж тем, стоял, прижавшись к обочине, покачиваясь на «слабеньких» ногах и размахивал руками. Так, видимо, и не понял, бедолага, то ли он арестован, то ли задержан, то ли свободен.

А я, тем временем, пересёк улицу Ленина и сошёл на расчищенные тротуары. Милицейская «тачка» с бешеной скоростью и рёвом реактивного двигателя, рванула дальше, в нижнюю часть города.

Начальник РОВД встретил меня приветливо, внимательно выслушал, посочувствовал, выразил сожаление о содеянном его подчинённым. Напоследок дал хороший совет, как в

дальнейшем в подобных ситуациях поступать Совет дельный, спасибо ему. Жизнь долга, может он и пригодится когда-нибудь.

Моя устная жалоба без внимания не осталась. На одной из планерок офицеру милиции было вынесено замечание.

Только вот и по этой улице ходить мне расхотелось.

История третья

Я прохожу, а у колодца
Судачат бабы про меня.

Очередной маршрут оказался чуть длиннее, но, как мне казалось, более безопасным. Помните?: «Всякая кривая короче прямой, если последняя проходит мимо начальства». И я так же думал. Какой же я был наивный! Всего половину марта ходил я другими улицами. Заметил, что как-то подозрительно на меня стали поглядывать вездесущие пенсионерки из этого микрорайона, называемого в простонародье «Мещане». Дальше - больше. Боковым зрением отмечаю участившееся шевеление занавесочек на окнах. Нет-нет, да и просматривались сквозь них контуры любопытных лиц. Так я оказался «под колпаком» любящих сенсации сердобольных старушек.

Развязка наступила в конце месяца, когда одна из «божьих одуванчиков» позвонила моей супруге и спросила: «А что, вы с мужем в разводе? А то он по утрам от нас, «мещан», на работу ходит»...

Благо, снег к тому времени на плитах растаял, и я вернулся на привычный маршрут. Всё вроде бы встало на свои места. Только вот надолго ли? Зим-то впереди ещё много.

Кемские страдания

«Перетряхивал» недавно свои архивы и случайно натолкнулся на записи 80 -90-х годов прошлого века, касаемые проблем многострадальной Кемской стороны. К сожалению, главные из них, так до сих пор и не решены, и решатся, по-видимому, не скоро.

Перефразирую древних: «Всё течёт, но ничего не меняется». Да, так оно и есть. Как не было в Кему хорошей дороги, так её и поныне нет, село ещё дальше развалили, да и лесной комплекс, увы, не комплекс, в хорошем смысле слова, а примитивное, в основном, производство. Медицина практически нулевая.

Судите, читатели, сами. И сравнивайте старые мои записи, предлагаемые вам ниже, с нынешним положением дел в Кеме.

Дела служебные у командировочного люда одним днём обычно не решаются. Пришлось и мне заночевать как-то в кемской сторонке. Вечером, после дел праведных, Бог весть чем (хотя вышло дороговато) поужинал в местной кафешечке и, абы скоротать время, надумал сходить в кино. У нас, на периферии, предпочитают пока ещё «гонять» серьёзные фильмы 50-70 годов, где нет ни мордобоя, ни модного ныне секса, но всегда есть интрига. Сюжет остроумно закручен, ну и конец, естественно, прекрасен. В общем, вдоволь поревёшь, если слабонервный, но затем полдня будет блуждать на твоём лице блаженная улыбка в знак того, что полюбившиеся герои фильма наконец-то встретились и поженились. Наше поколение было воспитано на этих фильмах, они нам нравились, и, вполне естественно, по возможности мы не упускаем случая посмотреть их ещё и еще раз.

Но на сей раз удача от меня отвернулась. Обещанной «Свадьбы в Малиновке» посмотреть не удалось, ибо, как мне по секрету сообщили вездесущие и всезнающие деревенские ребяташки, кино не привезли ввиду того, что где-то в волоку

застряла машина.

Ох, уж это бездорожье - поперёк горла встало оно кемскому жителю (а здесь проживает ни много, ни мало - треть населения района !!!): ни больного увезти, ни товаров привезти - всё с приключениями. И когда эта дорожная свистопляска для них кончится? Похоже никогда.

Делать нечего, вернулся в комнату для приезжающих, почитал старые газеты и журналы. Хотел прикорнуть - не спится. Дай, думаю, прогуляюсь, благо вечерок такой прекрасный, подышу хмельным деревенским воздухом, освежу лицо прозрачной студёной водой из лесной речушки и тогда уж - на боковую.

Иду потихоньку по угомонившейся сельской улочке, о житье-бытье нашем горестном размышляю. Смотрю, на окорённых брёвнах у строящегося дома мужичков, эдак, с десятков сидит, «смолят» кто самокрутку, а кто и сигаретку, и меж собой так тихонечко разговаривают. Дай-ка, думаю, послушаю, о чём это мужики калякают. У баб, там всё ясно наперёд, можно уши не распускать и проходить мимо ни чуть не задерживаясь. А наш брат, тем более в возрасте, о глупостях глаголить не станет.

Мои предположения оправдались, я это сразу понял, как только присел на самый краешек бревна в уголке, чтобы своим присутствием не смущать собравшихся.

- ... И вот ведь до чего додумалась Марфа-то моя, - донеслось до меня, - мне бы, говорит, только найти человека, у кого сахарный песок есть, на мешок в обмен отдала бы овцу романовской породы, глазом бы не моргнула.

- Так ведь и разориться можно, - возразили ему, - ведь овца-то поди раза в 4 дороже будет.

- А что делать? Варенья-то тоже сварить охота, а где сахар взять? - заступился за Марфу её суженый.

- Да-а-а, проблема, - подхватил его сосед, - по полкилограмма на душу в страдную-то пору сунули под нос - ни стыда, ни совести. Вон, свояк с городов приехал, говорит,

что у них, как и раньше, полной нормой в июле отоварили. А ведь им ни варенье варить, ни на сенокос ходить не надо.

Живут же люди!

- Да что там, на городах, - бросив «бычок» поддержал тему рыжеватый молодец, - в Кологриве, такой же дыре, как и наша - полную норму сахара отвалили. Да, говорят, там за сдачу мяса, молока, грибов, ягод хоть что купить можно вне очереди. Даже машину. А у нас песок - проблема.

- А ведь и правда, мужики, - пошёл разговор по кругу, - костромичи лучше нашего живут. Помните, когда у нас первый провал с табаком приключился, посылали туда гонца? Два рюкзака тогда Витька Ерохин привёз.

- За винцом несколько раз к ним ездили и пустыми не возвращались. Приятно вспомнить, - пощелкал по горлу кучерявый блондин.

- Слышал и кудангцы успешные вылазки туда делали, - поддакнул кто-то.

- В Костроме, видать, у начальства головы хорошо варят, - втянулся в разговор молчавший до этого седовласый старичок. - Они ведь и дорогами-то занялись раньше нашего. Наше чиновничество только ещё озадачиваться этими проблемами стало, а они уже от Шарьи до Пыщуга асфальт положили. Стали нашим предлагать соединяться, чтобы проезд сквозной был от них к нам, да у наших-то ещё не у шубы рукав был - отказались. Наши планы только разрабатывать начали, а они уже Павино прошли и на Вохму с асфальтом двинулись. Мы первый АБЗ строить начали, а они уже Вохму проскочили и вперёд - на Боговарово.

- Да-а-а, у них там полупустые автобусы раскатывают, а нам в райцентр не на чем выбраться. Смех и грех - роженицу на руках выносили, когда наш вездеход в промоине на дороге застрял.

- А в аэрофлоте что наглецы придумали: за 10 минут полёта - 20 рублей «драли». На страданиях народа нажиться хотели. Кто-то в верхах их поправил - до 7 сбросили.

- Сейчас вот дорога просохла, её прогрейдировали, автобус стал ходить, так ведь в него не влезешь, молодёжь нам ходу не даёт. Надо бы мне полежать в больнице, пролечиться-проколоться, так ведь на Борке стационар прикрыли, а в автобусной толчее я остатки здоровья потеряю, пока в Никольск приеду. Там уж не в палату меня ложить надо будет, а в морг нести.

- А может нам, мужики, принять костромское подданство?

- не то в шутку, не то всерьёз заявил кто-то.

- А что, Степан, дельное твоё предложение, с ними мы не пропадём. Племянник мой зимой ездил в Дунилово, помогал им лес на плотбище вывозить. Так он говорил, к ним в посёлок часто павинцы ездят, закупают всё что можно. Расчёт сразу же. По заявке тебе могут любую бытовую технику привезти под грибы, ягоды, мясо.

- Лес наш им очень нужен. «Шарьядрев» без нашего сырья «задыхается». У них ведь тайга только на севере области, и много там кубатуры не наберёшь. А вот явись бы мы к ним с нашими-то огромными массивами - с радостью нас приняли бы, с распростёртыми руками. И дорогу на Кологрив за год-два нам бы построили.

- Да ведь предки-то наши раньше костромскими и были и жили, старики говорят, неплохо. На ярмарки и в Кологрив, и в Мантурово и ещё дальше куда-то, аж на Волгу ездили-торговали. Дорога к ним и сейчас ещё не полностью заросла. И чего их в вологодское-то подданство тогда кинуло? А мы теперь маяться должны из-за них.

- Не согласен я с вами мужики, - не то шутя, не то всерьёз подключился к разговору круглолицый «бугай», - в сельсовете мне как-то две цифры назвали. В прошлом году у нас родилось 59 ребятишек, а умерло всего 27 человек. Видите, какой прирост населения? А вы всё стонете, да ноете: то не так, да и это не эдак. Неплохо мы, оказывается, живём, коли дети регулярно на свет Божий появляются, статистику, брат не обманешь.

Как тут навалились на «амбала» мужики! Всем скопом мать-в-перемать его склонять начали. Ну, думаю, тут и до мордобоя дойти может, пора мне отсюда потихонечку сматываться.

Круто замешено

Чего больше всего боялся Сергей Березин, то и случилось. Не доезжая где-то сотни километров до своего городишка вынужден был вновь испечённый коммерсант «встать на якорь». «Стукнул», как говорится на водительском жаргоне, двигатель его старенького грузовичка. Теперь только на буксире придётся добираться, иного выхода нет. В копеечку обойдутся и буксировка, и восстановление или замена двигателя.

Изредка проносились мимо запоздалые легковушки. Березин их не останавливал, в этом не было необходимости, ему требовалось для буксировки мощное транспортное средство. А вот таковой-то попутчик как раз и не появлялся. Оставалась практически одна надежда, туманная и довольно призрачная, на своего земляка, тоже коммерсанта, чей «КамАЗ» Сергей видел сегодня в областном центре. Но сегодня ли он поедет, да и захочет ли связываться с буксировкой, не было ясно, ведь отношения между коммерсантами были натянутыми, сказывалась конкуренция.

Смеркалось довольно быстро, пора было готовиться к позднему ужину и ночлегу. Закипел на костерке чай из смородины. Сергей вскрыл баночку консервов и без всякого аппетита начал есть. Он страшно переживал за случившееся. Прибыль, которую он хотел подучить после реализации товаров, улетучивалась, лопалась, как мыльный пузырь. А так вроде бы удачно складывалось всё для него в этом новом деле.

В торговлю, можно сказать, его привела случайность. Как

и множество россиян в нынешнюю лихую годину, попав под сокращение на автопредприятии, он без малого целый год провёл в поисках работы. Увы, в небольшом райцентре найти её было практически невозможно. В центре занятости уговаривали «сесть на землю», обещали послать на фермерские курсы, предлагали содействие в получении льготного кредита. Березин же понимал, что крестьянский хомут не для его шеи - не выдюжить. Об этом же, кстати, красноречиво свидетельствовал и опыт местных фермеров.

Совершенно случайно подвернулся удобный случай: средней руки коммерсанту потребовался водитель. Сергей своего шанса не упустил. Поездив с ним без малого два года, он проникся купеческо-торгашеским духом, нажил свою «копеечку», и по совету своего нового шефа и учителя вышел на самостоятельную стезю. Купил по дешёвке в пригородном ТОО старенький «газик», насколько позволили накопления подлатал его, обустроил - и в путь-дорогу, по связям, налаженным при шефе, при их совместной работе.

Первый рейс, не в пример блину, не оказался неудачным, а вот со вторым выходила незадача. Ещё в первой поездке его забеспокоил двигатель, что-то в нём было неладно, для острого шофёрского слуха уловить посторонние шумы не составляло особого труда. Надо бы встать на ремонт, да договорённость с поставщиками не позволяла этого сделать. Единожды обманув компаньонов, трудно рассчитывать на дальнейшее с ними сотрудничество, тем более в самом начале торговой карьеры. Да и терпеть убытки Сергей не собирался, это в его планы не входило. Пусть небольшая, но прибыль - вот его кредо.

Отговаривала, как могла, от поездки и супруга, а женское чутьё редко подводит. Подтверждение тому - сегодняшняя авария.

Устроившись поудобнее в кабине, Сергей задремал. Уже сквозь сон услышал, как скрипнули тормоза легкового автомобиля. Березин опустил стекло.

- «Загораешь», водило?

- А что, помочь можешь? Только чем? Вашей «девяткой» меня не отбуксировать.

- Мы и не собираемся. А вот совет можем дать. Сзади «КамАЗ» идёт, минуток через 10 он к тебе подчалит. Там за баранкой свой человек, он сможет доставить до места. Только раскошелиться, браток, тебе придётся немножко. А так, вряд ли кто ещё тебе подвернётся. Не советуем отказываться от его услуг. Сам знаешь, «шалют» нынче на дорогах по крупному, особенно по ночам. А отсюда до ближайшего жилья всё-таки километров 15 с гаком будет.

- Стращать меня не надо, я не из пугливых.

- А мы и не пугаем, просто советуем от помощи не отказываться.

- А он мне ещё своих услуг не предлагал.

- Мы тебе предлагаем.

- Да у меня земляк, тоже на «татарине», вот-вот должен подъехать, он поможет.

- Не особо-то на своего земляка надейся, небось тоже, как и ты, «загорает» где-нибудь. В общем, не упускай своего шанса, парень. Ну, бывай здоров! Про совет не забудь, хотя у нас сейчас и не «страна советов».

- Бывайте.

Через некоторое время послышался шум подъезжающего «КамАЗ-а». Из кабины вышел здоровенный парнище, вразвалочку направился к березинскому грузовичку.

- Вот это амбал! - Охнул про себя Сергей.

- Помощь нужна?

- Да надо бы отбуксировать. Жду вот земляка, на него надеюсь.

- А я, что, не гож?

- Заломишь, наверное, много?

- Моя такса - 5% от стоимости груза. На сколько «лимонов» товару в твоём «захаре»?

- Да где-то на 20.

- Верю на слово. Гони миллион - и по рукам.

- ... (!?)

- Что скривился, много?

- Да это же грабёж!

- Брось, небось слышал, когда судно морское терпит бедствие, иностранный спасатель «дерёт» более крутые проценты, причём, узаконенные мировой общественностью. Я тебе, вроде бы как, скидку даже делаю.

- Я не смогу столько дать, я ведь только начинающий бизнесмен, лучше подожду земляка.

- Дело хозяйское, только вряд ли он тебе поможет.

- Почему?

- Потом поймёшь. Ну, что ж, вольному, как говорится, воля.

«Бугай» направился к «КамАЗ-у». Взвыл мотор, машина исчезла за поворотом. Только-только задремал Сергей, снова скрип тормозов и уже знакомый парень с «жигулёнка» без всяких предисловий повелительно изрёк: «Пожалел миллион, теперь будем за полтора торговаться».

- А я земляка буду ждать.

- Не дождёшься.

- Почему?

- Всё ещё не понял? Сейчас поймёшь. Итак, гони полтора «лимона» и честь по чести доставим до места.

- А вы, собственно, кто такие, чтобы командовать мною?

- Мы помогаем таким как ты, попавшим в беду, не бескорыстно, естественно.

- Это что, вроде фирмы какой?

- Считай, как хочешь.

- А если я не хочу иметь с вами дело?

- А это уже нам судить, и конкурентов мы не потерпим. Так что земляк тебе не поможет.

- Кровососы, на чужом горе наживаетесь!

- Ты сам такой же, тоже кровь людскую пьёшь, так что заткнись. Небось цены-то на свой товаришко нагоняешь будь здоров, спекулянт несчастный. А когда сам попал в беду,

орёшь, что тебя грабят. Ты ещё хуже грабителя, сволочь. Мы таких, как ты, всех наперечёт знаем, поэтому с вас и такса особая. Колхозника или рабочего бы не обидели, с них и так семь шкур дерут. Так что, гони полтора миллиона, и считай, что тебе повезло.

- Нет!

- Что ж, хозяин - барин.

Парень вытащил остро заточенный штырь, подошёл к переднему колесу и проткнул его.

- Вот так, «негоциант», последний раз предлагаю дотащить твою «лайбу» за полтора, потом будет дороже, а ущерб - больше. Если ещё не дошло - думай, мы отлучаемся на 20 минут, как раз колесо успеешь переставить.

- Пошёл прочь, зашибу...

- Ещё посмотрим, кто кого, а пока ещё раз до свидания.

Ровно через двадцать минут невдалеке притормозила уже осточертевшая «девятка», и тот же парень, ехидно улыбаясь, направился к Березину.

- Однако, ты молодец, салага, уже успел поставить запаску. Ну, так как? Надумал?

- Не подходи, у меня пистолет! - заорал Сергей.

- Убери свою «газульку», козёл, не на того напал! - Парень в мгновение ока вытащил пистолет с глушителем и не целясь выстрелил по фонарю стоп-сигнала березинского «газика». Глухой хлопок, шорох рассыпавшегося стекла.

- Так вот, милый, ни шума, ни пыли. Таким же «макаром» и тебя могу прихлопнуть, спекулянт.

Сергей, как бык, напролом бросился на обидчика, но тот ловким приёмом уложил его на землю. Два расчётливых удара ботинком и Березин, как ни пытался встать на ноги, не смог. А налётчик хладнокровно проткнул все шины, березинской же монтажкой разбил стёкла в кабине.

- Виталя, - позвал мужской голос из «жигулей», - Виталя, для начала хватит, впредь умнее будет, поехали.

- Иду, шеф, иду.

Виталий подошёл к всё ещё корчившемуся Сергею, пнул его ещё раз.

- Ну, что, доходяга, будем считать, знакомство состоялось? Только не вздумай на нас заявить, или хуже того, пытаться с нами рассчитаться. У тебя ничего не выйдет, а уж мы-то тебя достанем, и в таком случае все «кранты» тебе перекроем. А землячок твой тебе уже не поможет, об этом мы позаботимся. Ну, будь ласка, сморчок, не желаю тебе больше встречаться с нами.

Спустя примерно час, когда Сергей уже пооклемался и, навалившись на баранку, осмысливал случившееся, мимо его автомобиля, не сбавляя скорости, промчался на своём «КамАЗ-е» земляк, на которого он возлагал свои последние надежды...

- Да-а, круто замешено, - изрёк Березин, - круче некуда...

Ранним утром притормозил «Беларусь» с тележкой.

Чумазый шустрый парнишка выскочил из машины, присвистнул, удивлённый увиденным.

- Это кто же так твою машину разделал?

- Да есть кому.

- Так и будешь загорать?

- Не знаю, что делать. И, как назло, никого на трассе нет.

- Ладно, давай вывесим машину, подложим брёвна, благо тут неподалёку старый мост разобран. Пока я отвожу молоко, ты снимай колёса. На обратном пути я их отвезу, в мастерских мужики заклеят камеры, возьмут недорого. А там, глядишь, к ночи и уедешь.

- Не уехать мне.

- А что, поломка какая?

- Двигатель «стукнул».

- Ладно, решим проблему с колёсами, отбуксирую тебя в колхозный гараж, там хоть машина твоя под охраной будет.

- Лучше бы домой оттащить.

- Это далеко ли?

- Да, пожалуй, сотня километров наберётся.

- Ой-ё-ёй! Ну, ладно, посоветуюсь с мужиками, что-нибудь придумаем.

Колхозники помогли Сергею чем могли, а всё тот же тракторист отбуксировал машину до дому. Рассчитаться было нечем, да и парнишка понимал, что сразу у Сергея это дело не получится. Условились, что Березин завезёт деньги через две-три недели, когда пойдёт в очередной рейс.

Спустя полтора месяца Сергей заехал в колхозные мастерские, чтобы за всё рассчитаться. Однако, выручившего его тракториста он не нашёл. Ему пояснили, что парня кто-то сильно избил, когда он отвозил молоко на сепараторное отделение, и что он сейчас в тяжёлом состоянии лежит в районной больнице.

Сомнений не было, это было дело рук банды с «девятки». Но как это доказать правоохранительным органам - Березин пока не знал. Но он твёрдо для себя решил, что не успокоится до тех пор, пока Виталий и их компания не будут наказаны за содеянное.

Только, что это будет: личная суровая месть, или суд праведный - он пока не решил.

Пять километров счастья

- Здорово лётчик, - с порога звонко прокричал Венька Упырь - величайшая тополихинская знаменитость, - а я за тобой. Поехал сюда по делам, а Барковы просили зайти к тебе. Братанчик твой, Лёха, с городов вернулся, не понравилось ему в Апатитах, решил осесть в родной деревне. Известил в письме об этом своих родителей, а те пиво на радостях заварганили к его приезду. Вчера он прибыл, а сегодня гулять будем. На автобус успеешь, времени достаточно. Ну, я помчался, мне ещё кое-куда заглянуть надо. Приезжай обязательно, ждать будем.

Сергей Пономарёв с Алексеем Барковым двоюродные братья, одногодки. Давно уже семья Пономарёвых покинула Тополиху в поисках лучшей жизни и поселилась в райцентре. Пацанёнком каждое лето гостил Серёжка у своей тётки, дышал свежим деревенским воздухом, отпивался парным молоком, купался вволю, до посинения, куролесил с Лёхой и не забытыми ещё друзьями, за что им и попадало от Лёшкиной матери, не переносившей детских шалостей. Позднее, когда попривык Сергей к райцентру, втянулся в ритм ребячьей городской жизни, перестало его тянуть в некогда родную деревню.

Среднюю школу оба заканчивали в городе, в Тополихе лишь восьмилетка была. Лёшка жил на квартире у Пономарёвых. За два учебных года сдружились братаны снова. И были, как говорится, не разлей вода. С получением аттестата их пути-дороги разошлись. Сергей сходу поступил в лётное училище, где сейчас и учится на последнем курсе. Алёшка же, рванувший было за ним, «пролетел» по состоянию здоровья, нашли-таки врачи какую-то хреновинку в его организме. Отслужив положенные три года, краснофлотец Барков возвращаться в деревню не захотел, а решил устроиться в Заполярье, где проживало немало выходцев из его деревни, которые и обещали уладить все его проблемы и с работой, и с жильём.

Не по душе, однако, оказались ему и постоянные метели, и холодные ветра, и однообразная карликовая растительность. Но больше всего досаждали комбинатовские выбросы: пыль и газ. Вечная чернота - снега белого не увидишь. Да и дышать нечем. Вот и решил Алексей вернуться в Тополиху.

Лет 6 не бывал Сергей в родной деревне, да и с Алёшкой повидаться очень хотелось. Возмужал, наверное, на флотских харчах.

Спустя несколько часов после Венькиного оповещения, перецеловавшись с многочисленной барковской роднёй, курсант уже снимал пробу с деревенского пива. Гости

собирались медленно и переговорить удалось со всеми и обо всём. Порадовался и за Алексея, которому председатель пообещал новенький грузовик - работай-радуйся, а через год-другой наклёвывалось жильё в двухквартирном доме. Лёшку всё это вполне устраивало, особенно жилплощадь. На отцовский дом ему рассчитывать не приходилось, ибо после него в семье было ещё шестеро братьев и сестёр школьного и садикового возраста.

Сколько было выпито «белушечек», Сергей не считал, шло, как говорится, легко, как по маслу. Доброе деревенское пиво - это не брага, не «ханыга», с копыт не сбрасывает. От неоднократно предлагаемой водочки он категорически отказывался. Хмель в голове, конечно ходил, делал Сергея всё более и более весёлым и разговорчивым.

Краешком уха Сергей уловил, что тётка Мария кого-то ждёт, беспокоится, что долго они, эти желанные для неё гости, не идут. Но он не придавал этому значения. Ему было уже очень хорошо и чужие заботы его особо не беспокоили.

Волнения Марии закончились, когда в разгар веселья в дом ввалилась четвёрка молоденьких девчат. Тётка как-то враз преобразилась: заохала, запричитала, заметалась по избе, погнала из застолья перебравших мужичков, готовя место запоздалым гостям, стала подсаживать их к столу, наливая пиво и подкладывая закуску. Короче, засуетилась возле них, как наседка подле цыплят.

Цепкий Серёгин глаз выловил из этой четвёрки одну, полненькую симпатичную девчонку - красавицу, о которых в народе говорят, что при ней всё имеется, всего в меру. Как только появилась возможность, курсант подсел к ней. Познакомились, разговорились. Наташе ещё предстояло учиться в выпускном классе, а далее она мечтала поступить в ВУЗ, но какой, пока не решила: то ли в пед., то ли в мед.

Остаток вечера Сергей не отходил от неё, плясал и танцевал только с ней. Когда выпивали, нашептывал ей тайные тосты, касающиеся лишь только их одних. В общем,

«поплыл» будущий лётчик, позабыл обо всём на свете. Он не обращал внимания, точнее не придавал значения гневным тёткиным взорам, направляемым на него. Для него уже не существовало никого вокруг, всё его внимание было приковано к очаровательной соседке. Похоже, что и она проявляла к нему симпатию.

Наташа с подружками жила в соседней, в пяти километрах от Тополихи, деревне. Пономарёв вызвался её проводить, на что она дала своё согласие. Он тут же намекнул, что не плохо бы оторваться от её подружек.

Расходились уже за полночь. Сергею с Наташей удалось чуть раньше незамеченными ускользнуть и от посошка, и от нежелательных для него Наташиных подруг.

- Серёжа, давай постоим у дома напротив, подождём, когда девчонки выйдут и уж спокойно вслед за ними пойдём. Они покричат, позовут нас, а если мы не откликнемся - побегут нас догонять, посчитают, что мы уже ушли.

- Опытный конспиратор, - с тоской в душе подумал Сергей, - видимо не впервой ей провожаться. Да оно и понятно, такая симпатичная, вряд ли обделена вниманием парней. Чувство ревности невольно охватило его. А как хотелось, чтобы он, Серёжа, был у неё первым и единственным, отныне и навсегда.

Покричав, как показалось Пономарёву, для проформы (тоже, видимо не впервой) девчата быстрыми шагами стали удаляться. Сбывались Наташины предположения.

Напряжение несколько спало, всё же, что ни говори, а удалось остаться наедине. Поняв это, Сергей обнял Наташу, а когда она, повинувшись его порыву, прижалась к нему, стал лихорадочно её целовать. Неожиданно резкий толчок в грудь отбросил его к калитке.

- Что ты себе позволяешь?

С грохотом ударившись о закрытую дверь, Пономарёв, скользя вдоль неё, начал заваливаться на землю. Делал он это вполне сознательно, решив прикинуться обиженным, ни за

что пострадавшим. Обхватив голову руками, он насколько мог, жалобно, начал стонать.

Наташа, оцепенев от происходящего, какое-то время со страхом смотрела на него, затем присела, склонилась над его лицом.

- Серёженька, что с тобой!

Поняв, что нужно ещё больше вызвать у неё жалость, Сергей ещё раз простонал что-то невразумительное и не спеша протянул ей руку, как бы прося помощи.

- Серёженька, тебе больно? Где ты ушибся? - ощупывала его голову Наташа, а затем стала целовать его в щёки, лоб, губы...

Пять километров счастья, для совсем потерявших голову влюблённых, пролетели незаметно. К дому Наташи подошли, когда уже стало светать. Пономарёв попытался её задержать, но она, сославшись на то, что в деревне все всё видят, а потом сплетен ненужных не оберёшься, да и мать, должно быть уже встала, наскоро чмокнув его в щеку подтвердив, что сегодня с подругами опять придёт в Тополиху, скрылась за калиткой.

И обратная дорога показалась Сергею не такой уж длинной. Он летел, как на крыльях, строя планы на грядущий вечер.

Да, крепко запала ему в душу Наталия, раньше подобного с ним не случалось. Были с девчонками и знакомства, были и свидания, но всё это было не то. Наташа уверенно входила в его жизнь, и он с превеликим удовольствием воспринимал это.

Вернулся к Барковым гуляка около пяти утра, когда уже было совсем светло. Лёг на мезонине, на указанное ему ещё с вечера место. Какое-то время не мог заснуть, как бы вновь переживая минувшие вечер и ночь, и снова строил планы на предстоящую встречу. И, кажется, только-только задремал, как зычный голос дяди Пети заставил его проснуться.

- А ну, вставай, гулёна, пошли опохмеляться. Я уже одну рюмочку «пропустил» - легче стало.

Попытка с головой закутаться в одеяло, и тем самым продлить свой сон, не удалась. Одеяло тут же с него было сорвано. Пономарёв понял, что сопротивляться бесполезно, что спать ему больше дядя не даст, ибо он тормозил уже всех подряд.

Не успел спуститься с мезонина и войти в избу, как вездесущий дядя Петя сунул ему под нос стопку водки.

- Пей и проходи за стол, умыться всегда успеешь, а то мне одному пить скучно. Да и жена моя, Мария, сегодня ох как не в духе. Фыркает на меня, чуть затрещину от неё не получил. А ведь виноват-то в этом ты, Серёженька. Ну, да ладно, пей!

- Как погулялось-то? - снова пристал с разговором дядя. - похапал, небось? Ну, ну, не красней Не бойся, не расскажу никому. А девка она, вообще-то ладная, справная, в самом соку. Эх, мне бы годочков тридцать скинуть, как и ты, приударил бы за ней. А прижаться к такой - многого стоит. Молодец ты, племянничек, самую лучшую девку увёл. Во всей округе красивее нет.

- Да, дивчина что надо, с такой согласен хоть на край света, - подтвердил хлопец.

- Скажу по секрету, - прервал его Пётр Иванович, - ох и попадёт тебе сегодня от тётки. Она же Наташку сюда с горем пополам залучила, хотела свести её с сыном нашим - Алексеем, твоим братаном, значит. Уж больно ей эта девка нравится, да и ему тоже, как увидел - приглянулась. Лучше-то бы Алёшке и желать не надо. Уж как Мария-то обрадовалась, когда она с подружками к пиву пришла. Всё хорошо у неё складывалось, да вот ты тут всю малину испортил.

Сергей невольно поперхнулся, откашлявшись, сказал: «Так ведь, дядь Петь, надо было вчера сразу же и сказать, что вы на Натаху глаз положили и в семью свою хотите взять, поженив на ней Алексея. Я же об этом ничего не знал. А сам-то Лёха, чего молчал?»

- Ну, батько, ты, слышу, всё рассказал уже Сергею о моей задумке, - с порога заявила вошедшая в комнату тётя Мария, -

вижу, как в тоску он сразу впал. - Вот что, Серёженька, оставь-ка ты в покое Наташу, не твоего она поля ягода. Тебе что, денёк-другой с ней потешишься и бросишь, уедешь и забудешь. Вы ведь, городские, все такие. А она - девка серьёзная, работающая, к земле привязана, ей и хлопца тоже нужно такого же, а не красавца залётного. Я ведь полтора года вокруг неё кружева плела, отца с матерью её подготовила, чтобы свести Натаху с Алексеем в пару. Пока далеко у вас дело не зашло, уезжай-ка ты поскорее домой, очень тебя прошу. Автобус где-то через час подойдёт, как раз на него успеешь, - слёзы навернулись на глаза Марии.

- Так я же пригласил её и сегодня к вам. Она только и согласилась-то из-за того, что я здесь останусь. А Алексей ваш ей не люб, я это вчера прекрасно понял, - пытался защититься Сергей.

- А это уж не твоего ума дело Тебя не будет, мы всё тут с ней и уладим. Понял? Собирайся на автобус.

Сергей впервые видел тётку такой расстроенной, злой, не по доброму настырной. Видимо, серьёзно задумала свести Алексея с Наталией. Алёшка согласен, это у него даже на лице написано. Но ведь Натахе-то он совсем не нужен, это точно. Что же делать? А может и впрямь уехать, а то грандиозный скандал из-за меня может получиться. До родителей донесётся - они меня проклянут. Да и под косыми взглядами барковской родни, которым я нечаянно перешёл дорогу, праздник будет не в праздник. К тому же, к Наташе они меня и близко не подпустят.

Наскоро собравшись, ни с кем не попрощавшись, Пономарёв покинул ещё вчера столь гостеприимный, дружелюбный и хлебосольный, по отношению к нему, дом Барковых. На улице догнал его дядя Петя, вызвавшийся проводить Сергея до автобусной остановки. Успокаивал, как мог, и в то же время как бы оправдывался.

- Ах, мать твою так, перетак, как всё нехорошо получилось. Но, ты, Серёга, не сердчай, не обижайся на Марию. Ведь ты

такие планы у неё чуть не сорвал! Считай, что на сегодня - это у тётки главная цель.

- Планы, цель, а обо мне-то, о Наташе вы подумали? Вот возьму, да и рвану сейчас к Натахе, объясню ей всю ситуацию, - возразил Сергей.

- Эх, Серёга, Серёга, ведь тогда на тебя вся родня ополчится, отвернётся от вашей семьи. А жизнь-то долга. И ещё не известно, сладится ли у вас с Наталией, или нет. Ты ведь у неё далеко не первый. И вчера она позарилась на тебя не как на человека хорошего, а как на лётчика будущего. По жизни перспективный ты для неё был бы, но не любимый. Так что, не дури, а без обид всяких поезжай-ка домой. А там, глядишь, всё перемелется, утрясётся...

Два дня не находил Сергей себе места, затем решился всё же съездить к зазнобе.

Чувствуя недоброе, с ватными ногами вошёл в дом. Пахомовы обедали. Наталия выскочила из-за стола, вытолкнула Пономарёва в сени, и не дав ему молвить слова, выпалила: «Зачем явился? Видеть тебя не желаю. Родни, видите ли, испугался. Трус, а ещё в лётчики подался. Родину-то тоже по тёткиной указке защищать будешь? А я-то надеялась, думала орёл на моём пути встретился, а ты... ты... ты...» - горько заплакала красавица.

- Нет, полюбить я тебя и уважать не смогу, Ступай вон!

Технический инспектор не приедет

Телефонный звонок поднял с постели Баташова около шести часов утра.

- Не дадут выспаться даже в воскресенье, - недовольно пробурчал Иван Петрович, направляясь в коридор, где был установлен аппарат, - и кого в такую рань приспичило?

Звонил начальник Ольховского лесопункта.

- Иван Петрович, у нас несчастный случай, погиб рабочий на нижнем складе, обгорел у костра.

- Когда?

- Вчера, в субботу, обнаружили его около семи часов вечера, причём совершенно случайно. Колхозница из Ивановки шла в наш лесопунктовский магазин, она на него и наткнулась.

- Что же так долго молчал?

- Сообщить вчера не смог, никак не мог дозвониться. Вот и сегодня еле-еле на Вас вышел. Сами знаете, какая у нас связь.

- Как фамилия рабочего?

- Басалгин. Да Вы его хорошо знаете. Возраст - 51 год, жил один, дом у него свой, последний по правую руку при выезде из посёлка.

- Что за костёр?

- Бригада работала на сбивке бонов, обогревательного домика у них не было, в течение рабочего дня поддерживали костёр.

- Пьяный, наверное, был?

- Не без этого. Вчера вечером я хотел собрать всю бригаду, чтобы прояснить обстановку - ни один лыка не вязал. Он, естественно, тоже в стороне не стоял, пили вместе.

- Участкового вызвал?

- Да, только что сюда приехал. Собираем всю бригаду. Тяжкое для них похмелье вышло.

- Не можешь, хотя бы примерно, сказать, когда он скончался?

- Нет, но его видели в посёлке днём, где-то между двумя-тремя часами. А точнее сказать не могу. Участковый выясняет.

- Труп на вскрытие не отправили?

- Нет. Капитан сказал, что как только осмотрит место, даст команду увозить. А вездеход у меня уже наготове.

- Ну, что ж, проведи предварительное расследование.

Постарайся на место происшествия никого не пускать, ничего там до нашего приезда не трогайте. Извещу о случившемся директора, тогда и решим, кому и когда выезжать.

Баташов положил трубку, присел в коридоре на корточки, задумался.

- Ещё одно ЧП. Что за напасть такая, - размышлял Иван Петрович, нервно теребя футболку, - всего четыре месяца в должности главного инженера, а уже третий серьёзнейший несчастный случай, не считая их роста по мелочам и разбитого возле передвижной столовой автобуса, на который упало сухостойное дерево, спиленное в обеденный перерыв одним из вальщиков. Если технический инспектор свяжет этот случай с производством, всё, конец, выгонят с работы, как пить дать выгонят.

Чертовщина какая-то. Ведь всего неделю назад отправили в областной центр техинспектора, расследовавшего третью форму в лесосеке. Не успел он домой вернуться, опять вызывать, возможно, придётся.

Вроде бы ничего не изменилось с уходом Епифанцева - бывшего главного инженера: люди те же, технология осталась прежняя, а вот поди ж ты, одолели несчастные случаи. Более десяти лет проработал Епифанцев здесь главным инженером, и, совсем не случайно, был замечен руководством «Обллеспрома» и переведён на должность директора соседнего Нагорного леспромхоза. Спокойный, деликатный, никогда не повышал голоса, в коллективах лесопунктов был своим человеком. Директор даже упрекал его за это, считая такие отношения панибратством. Он полагал, что нельзя так вести себя с рабочими. И всё же не зря пошёл Епифанцев на повышение, дело своё он хорошо знал и работал на совесть. Баташов в этом особенно убедился, когда принимал от него дела. Работа всех служб главного инженера была отлажена чётко. Абсолютно не было проблем с лесосечным фондом, производственники в строгом графике держали лесопункты, отдел главного механика, который возглавлял при нём Иван

Петрович, поддерживал машинно-тракторный парк в исправном состоянии, слаженно трудились снабженцы, год от года снижался производственный травматизм.

Только-только Епифанцев за порог - и как снежный ком покатился - случай за случаем.

- Ведь замещал же я его раньше во время отпусков - и ничего. Что же сейчас-то происходит? - недоумевал Баташов. - Рок?

- Надо поднимать директора, известить его о случившемся. Ничего не поделаешь, судьба, видимо, такая, - Иван Петрович поднялся и набрал квартирный номер Барышева.

Через полчаса собрались у директора втроем: хозяин кабинета, Баташов и заместитель главного инженера по технике безопасности Варламцев. Барышев был явно удручен. Вроде бы и нет в этом случае прямой вины ни одного из присутствовавших, трудятся оба на совесть, тем не менее, ответственность за состояние охраны труда и техники безопасности на предприятии лежит именно на них, следовательно, и спрос будет учинён в первую голову с них.

Не представляя чёткой картины случившегося, трудно что-либо решать. Поэтому, после краткого обсуждения, директор предложил: «Берите мой «УАЗ» и отправляйтесь сейчас же в Ольховский. Вечером, в крайнем случае, завтра утром, до 8 часов, позвоните мне и подробно всё доложите. В 9 часов я должен поставить в известность обком профсоюза. А уж им решать, связывать этот случай с производством или нет».

- И запомни, Иван Петрович, выговор и строгий выговор у тебя уже за технику безопасности были. Что за этим следует - сам знаешь. Свяжут случай с производством - придётся нам с тобой распрощаться, как бы мне жалко не было. В общем, поезжайте с Богом.

- Николай Викторович, - обратился Барышев к Варламцеву, - на минуточку задержись. - Надеюсь, ты прекрасно понимаешь важность момента. - Барышев закурил и, пустив дым в потолок, продолжил. - Баташов мужик толковый,

главный инженер из него выйдет хороший. За четыре месяца, что он в этой должности, я удостоверился в его способностях и убеждён, что не зря сделал ставку на него. Несчастные случаи были, есть и будут - никуда от них не деться, ты это лучше меня понимаешь. А вот Ивана Петровича мы отстоять должны. Так что, сделай всё возможное, чтобы данный случай не связали с производством. Опыт у тебя в этом есть, хотя сие ты и скрываешь. Но я об этом наслышан и на тебя надеюсь. В Ольховском веди расследование сам, все документы должны пройти через тебя. Иван Петрович сейчас в таком состоянии, что может там спороть горячку, наломать дров. В случае чего, звони сразу же, я весь день буду дома. Желаю удачи.

Намёк Барышева Варламцев понял сразу. Да, было такое дело в Степановском лесопункте. Пять лет тому назад Николай Викторович приехал на расследование группового несчастного случая, что произошёл в лесосеке. Мастером леса там был производственник-практик - мужик грамотный, опытный, ответственный, документы всегда были в порядке. А тут, как на грех, как раз незадолго до ЧП, потерял он журнал проведения инструктажа, выпал, видимо, при ходьбе из-за голенища сапога, где он всегда держал его. А лесосека большая, делянок много, попробуй найди его. Варламцев был убеждён, что это действительно так, так как всю его документацию проверял неоднократно, при каждом приезде в этот лесопункт. Да вот попробуй докажи это техинспектору, он верит только фактам. А чем это было чревато мастеру - догадаться не трудно. Вероятность возбуждения уголовного дела была велика. И тут Варламцев, обычно принципиальный, пошёл на нарушение, на сделку со своей совестью. Тогда он подсказал мастеру, чтобы тот до приезда комиссии успел оформить новый журнал, причём как минимум за последние три квартала, собрал подписи всех рабочих, в том числе и пострадавших при данном случае, находившихся в районной больнице.

Да, это было, было, было... Именно на это и намекал

директор. Установка ясна: надо спасти главного инженера, возможно, опять же идя на компромисс со своей совестью.

Выехали тотчас же. Апрельское бездорожье - самое страшное препятствие. Ни водитель, ни оба инженера не исключали того, что, возможно, придётся оставить в пути машину и идти в посёлок пешком. 45 километров - вроде бы и не так уж велико расстояние, но часа четыре придётся добираться по разбитой грузовыми вездеходами дороге, тут, брат, не разгонишься. Только бы не застрять в какой-нибудь колдобине.

Разговор не клеился, мысленно оба инженера были там, в Ольховском. Через пару часов остановились. Устроились на проталинке, чтобы перекусить. Тёплый солнечный денёк располагал к отдыху. О неприятностях не хотелось бы и думать, да куда от них денешься? Скорей бы уж добраться до места, разобраться в случившемся, чтобы всё встало на свои места и исчезла неопределённость. Она-то, эта треклятая неопределённость, больше всего и тревожила обоих.

Приятно щекотал лицо весенний влажноватый ветерок, пряно пахла земля.

- Парниками хотел заняться сегодня, - сказал Варламцев, - да вот, будь ты неладен, пришлось ехать. Всё не как у людей. Когда теперь выкрою время? При любом результате возни с этим случаем будет немало, да, пожалуй, и в объединение вызовут, стружку снимать будут.

Выпили по стаканчику за свою нелёгкую судьбу, за удачу, за благополучный результат поездки. Закусили. Поехали дальше.

- А всё-таки, объясни мне Николай Викторович, - обратился Баташов к Варламцеву, - что за напасть наш леспромхоз преследует? Я, конечно, и раньше слышал, что когда происходит смена главного инженера, всегда на предприятии что-то случается. Просто не придавал этому значения. Теперь же, после всего случившегося, поневоле будешь суеверным. Что же это? Мистика? Или что-то другое?

Может, сможешь мне объяснить, ты ведь на технике безопасности уже свыше 15-ти лет «сидишь», собаку на этом деле съел, так что должен знать, в чём же причина таких метаморфоз.

- Ты прав, Иван Петрович, есть нечто такое, что на самом деле, действительно трудно поддаётся объяснению. Скорее всего, это явление из области психологии, во всяком случае, это моё мнение. Можешь в «Обллеспроме» поинтересоваться, редко где смена главного инженера не сказывалась плачевно на показателях состояния охраны труда и техники безопасности. Кстати, когда в своё время заступил на эту должность Епифанцев, твой предшественник, у него эти же проблемы были, я это помню. Тоже первоначально был рост травматизма, была и третья форма. Конечно, не в такой мере, как сейчас, при твоём становлении. Ну, а потом постепенно у него всё пошло на лад, и, считай, почти десятилетие отработали нормально, иначе и я бы не сидел в своём кресле, выгнали бы с треском. Так что, не ты первый, не ты и последний. Тем более, молодой ещё, справишься.

А что касается Епифанцева, то он мужик спокойный, в рабочей обстановке на людей не кричал, но, тем не менее, был требовательным. С нерадивых спрашивал строго, бывало и наказывал, если того подчинённые заслуживали. А ведь разница большая, с каким настроением работает, к примеру, тот же тракторист или вальщик. Накричи на него - записхует, занервничает, и тогда всё пойдёт вкривь-вкось.

Одиннадцать лет он был в должности главного, а это, считай, целое поколение рабочих при нём выросло. К нему привыкли, с ним сработались, сложились, в общем-то, специфические отношения. А тут приходишь ты, ещё достаточно молодой инженер, а на этой стезе ещё вообще новичок, горячий, со своими требованиями, со своими взглядами, амбициями. Взаимоотношения, естественно, уже не те, люди к тебе ещё не привыкли, существует какая-то неопределённость. Рабочие находятся как бы в подвешенном

состоянии, ведь Бог знает, что от тебя можно ожидать. Хотя внешне это может быть и не заметно. Со временем они поймут тебя, приносятся к твоим требованиям, если так можно сказать, приспособятся к тебе. Вот тогда всё и встанет на свои места. Ты уж извини, это я тебе чисто по-мужицки объясняю по-простому. Я, во всяком случае, так понимаю эту ситуацию.

- Ну а конкретно, Николай Викторович, что можешь сказать?

- Конкретно? Далеко за примером ходить не надо. Злополучный автобус - на твоей совести. Ты уж не обижайся, что это я тебе напрямую высказал.

- Почему на моей совести? Я что ли сухостойну убирал?

- Не ты спиливал, конечно, но команду-то давал на это ты. Ты, Иван Петрович, человек чересчур восприимчивый, резкий, требуешь, чтобы все недостатки устраняли тут же, чуть ли не при тебе. И порою не замечаешь, что сознательно, или не осознанно толкаешь человека на нарушение элементарных правил техники безопасности.

Когда ты то сухостойное дерево у столовой увидел, зашумел на мастера, дескать, куда смотришь? Велел немедленно её спилить. Мастер твоего гнева, видимо, испугался и дал команду первой же приехавшей на обед бригаде убрать эту сосну тут же, при нём. Вальщик, хоть он и ювелир в своём деле, не раз на областных соревнованиях участвовал, а тут, видишь ли, сплоховал. Нервы. Войди в его положение: тут автобус, рядом столовая, в которой рабочие обедают, мастер над душой стоит, да и ты где-то рядом ходишь. Поневоле дрогнешь. Вот и пошла не туда спиленная им сухостойна, разбив салон автобуса. А ведь могла бы она упасть и на столовую. Что тогда было бы? Я уверен, в нормальных условиях Пичугин, как на соревнованиях, десятью деревьями из десяти сбил бы колышки. Не раз любовался его работой в лесосеке - виртуоз. Как надо, так дерево на волок и положит. Любо-дорого с ним работать хоть

трактористу, хоть чокеровщику.

- Ну, а последний, мартовский случай - тоже на меня повесишь?

- Отчасти, да. Ты не думай, вальщики знают правила ТБ не хуже нас с тобой, знают, как правильно снимать зависшие деревья. Спроси их - ответят как «Отче наш». Но они вынуждены идти на нарушение, порою ценой своего здоровья, а может и жизни. Над ними довлеет его величество - план. Норму не сделаешь, премию не получишь, а голого тарифа только на хлеб с солью и хватит. А в условиях условно-сплошных рубок каждое четвёртое-пятое спиленное дерево оказывается зависшим. Если всякий раз бригаде отрывать для их снятия трактор, то нормы не сделать. Для них каждая минута дорога, вот и идут, рискуя, спиливать то дерево, на котором зависло предыдущее, ранее спиленное.

К тому же, зима только по календарю длинная, чуть не полгода. А по ударному трудиться в лесосеке удаётся только три, от силы четыре месяца, а там, то проминки, то перебазировки, то грунты слабые по весне и осени, то ещё что-нибудь.

Я не оправдываю и не защищаю вальщиков, но и их понять нужно. Может быть норму выработки уменьшить надо, может быть в наряд-задание кое-какие коррективы внести нужно. Но что-то делать необходимо. А Вы, Иван Петрович, в данной ситуации тоже пошли на обострение. «Отлаяли» бригадиров, а что толку? Вы из лесосеки, а они всё равно по-своему будут вести заготовку - семьи-то кормить надо. Только после Вашего разноса они будут работать с оглядкой, с трусцой, чтобы никто этого не заметил. А сторожиться им есть от кого. Начальства над ними много: мастер, технорук, начальник лесопункта, конторские производственники, да и вы с директором частенько наведываетесь. И в любой момент кто-то из нашего брата может оказаться в делянке. А когда идёшь валить лес с оглядкой, с трясущимися от некоего страха руками - это верный несчастный случай.

Хотя, повторяюсь, я и рабочих не оправдываю. Правила есть правила и их соблюдать нужно. Каждый пункт их написан кровью, за каждым из них стоит несчастный случай, и даже не один. Так что, менять что-то у нас нужно, чтобы не были лесозаготовители, как загнанные лошади...

С разговорами и дорога короче. К четырём дня прибыли в посёлок. Вместе с начальником выехали на нижний склад, обследовали место, где произошёл несчастный случай, составили схему, вернулись в контору. Варламцев пригласил для выяснения обстоятельств всех членов бригады, технорука и мастера нижнего склада с документацией.

Вошёл участковый.

- Николай Викторович, и стоило тебе машину гнать за такие километры, гробить технику в распутицу? Случай-то ведь явно не связан с производством, ибо произошёл по-пьянке. Криминала здесь я тоже не обнаружил: крайняя степень опьянения. Прилёг к костру, чтобы согреться и... Что произошло, то произошло. Я уже провёл дознание, можешь ознакомиться с протоколами опроса свидетелей. Если нужно - сними копии.

- Василий Васильевич, это для тебя всё ясно. Ты установил, что Басалгин был пьян, нет признаков насилия, следовательно, нет оснований возбуждать уголовное дело. У нас же критерии немного иные. То, что пострадавший был в нетрезвом состоянии, это ещё не означает, что случай не будет связан с производством. Необходимо ещё по времени чётко определиться. В субботу рабочий день длится до 15 часов. Одно дело, если он вернулся на катище по окончании работы, и может статься, что всё повернётся в другую сторону, если это случилось в рабочее время. Необходимо досконально опросить всех свидетелей. И мне требуется проверить всю документацию, касающуюся приёма на работу, перевода временно на другую работу, а также проведения обучения, инструктажей и так далее.

И, пойми, капитан, никакого разнобоя в твоей и моей

документации быть не должно. Сверку в таких случаях обычно устраивают наши с тобой вышестоящие. Так что может быть тебе ещё придётся свои протокола переписывать.

И ещё, попрошу тебя Василий Васильевич, поприсутствуй на моей беседе с членами бригады, чтобы сразу можно было внести коррективы в материалы расследования, подвести их под общий знаменатель.

Кстати, капитан, когда выезжаешь в райцентр к своему начальству?

- Подполковник вызвал к себе на завтра к 9 часам утра. Придётся через час-другой выезжать, чтобы засветло проскочить Летягинский волок.

- Отложи поездку до завтра, начальству объяснишь, что застрял в дороге. Нам нужно здесь, на месте, расставить все точки над «и». Тем более, что от результата расследования зависит судьба главного инженера, ты же в курсе основных леспромхозовских дел и знаешь, что вопрос стоит остро: быть или не быть Баташову главным инженером. Видишь, всё ходит, места себе не находит, сосредоточиться никак не может.

Погибший одинок, близких родственников вообще нет, следовательно, выплат со стороны предприятия никому не предвидится. Спецодеждой был обеспечен полностью. Обучение по десятичасовой программе проведено, роспись его имеется. Есть, правда, закавыка - деньги за обучение не выплачены. Но, с другой стороны, месяц ещё не кончился, так что, не резон «техническому» придирается к этому моменту. Инструктаж мастером тоже проведен, росписи все имеются. Технологическая карта тоже, вроде бы в порядке. Стоп-стоп, с нею под роспись не ознакомлен бригадир. Но, это не такая уж и проблема. Сейчас же при мне это сделают. В учётной карточке кадровиков Басалгин числится как сучкоруб, не оговорена его работа в бригаде на сбивке бонов. Это небольшая зацепка для инспектора. Зато на это есть приказ начальника лесопункта, с коим пострадавший ознакомлен под

роспись. В журнале проведения инструктажа это тоже учтено. Так что и с этой стороны угрозы вроде бы нет.

Теперь журнал административно-общественного контроля. Так-так, вот где промашка у главного инженера: всего две записи за четыре месяца работы.

- А ведь я ему об этом постоянно говорил, - размышлял Варламцев, - предупреждал, что это нужно делать в первую очередь в его же интересах. Не послушал доброго совета. Эх, придётся поступиться ради него своей совестью, и заставить его сейчас же задним числом сделать запись о результатах хотя бы ещё одной проверки. Ведь он неделю тому назад здесь был по производственным вопросам. А три проверки для техинспектора - это уже кое-что. А после Баташова, для пущей безопасности следует оформить проверку начальнику лесопункта. Тогда и здесь всё будет в ажуре.

- Прокопий Дмитриевич, - обратился Варламцев к начальнику лесопункта, - мне нужны книги приказов по предприятию и протоколы работы товарищеского суда. Наказывался ли когда-нибудь Басалгин?

- Да.

- За что?

- За его пьяные загулы, которые приводили к прогулам.

- Придётся сделать выписки. А на товарищеских судах такое его поведение не разбиралось?

- Нет. Правда вскользь он упоминался, когда за стрельбу в посёлке наказывали тракториста Драчёва. Они в тот день пили вместе.

- Что ж, и это неплохо, тоже выписку сделайте.

- А теперь, тяжело вздохнул Варламцев, - остаётся самое трудное - восстановить хронологию второй половины рабочего дня бригады в эту злополучную субботу.

Ознакомившись с протоколами участкового, Варламцев сделал неутешительный для себя вывод. Выходило, что бригаде не подвезли вовремя брёвна для сбивки бонов. Того, что осталось со вчерашнего дня, хватило лишь до десяти

часов. С полчаса ждали штабелёр у костра. Погода скверная, продрогли. Решили согреться. Послали «гонца» за водкой. Выпили. Затем эта процедура повторялась неоднократно. Когда пришли домой - не помнят. По свидетельствам домашних - около двух часов дня.

Но, почему Басалгин не пошёл домой, а вернулся на место работы?

Этот вопрос Николай Викторович задал каждому члену бригады, когда они были собраны в лесопунктовской конторе. Ответы были туманными, путанными, но сводились к одному: вероятно, послали его за бутылкой, потому он и вернулся. А то, что рабочие не дождались и ушли с катища — видимо, он долго ходил. Может, что-то ещё задержало его. В общем, не дождались «гонца» и разбрелись по домам.

Приглашённая для беседы продавщица подтвердила их предположение. Действительно, приходил Басалгин в магазин ещё раз где-то во втором часу и ждал на крылечке его открытия, где-то до двух часов двадцати минут, так как закрылся магазин на обед немного позднее. Купил бутылку водки и ушёл.

- Почему не предоставили бригаде другую работу? - спросил Варламцев мастера нижнего склада. - Коль брёвен нет - пусть бы кряжевали?

- Я предлагал им перейти на раскряжёвку хлыстов, у меня шесть возов в запасе было. Они отказались.

- Почему же тогда не отправил их домой?

- Отправил, и сам с ними до посёлка шёл, а затем я пошёл в контору оформлять документы. Вот и всё.

- Покажи табель учёта рабочего времени.

В таблице за субботу было поставлено всем по 6 часов.

- Что же ты делаешь, Виктор Сергеевич?

- Так ведь какая разница. У них же не повременка. Получат по сдельному результату.

- Как нет разницы? - вспыхнул Николай Викторович. - Да ты понимаешь, чем это пахнет? Может быть Басалгин обгорел до

15 часов, а судя по твоему табелю получается, что он в это время работал, бона сбивал. Теперь-то понял, дурья башка? Ведь это уже криминалом пахнет, и потащат куда следует в первую очередь тебя, как непосредственного руководителя работ. В тюрьму захотел?

- Да бросьте, Николай Викторович, пугать. Его же в полчетвёртого живым видели у костра. Сидел один, пил вино.

- Кто видел? И что же ты раньше-то молчал?

- Видел водитель лесовоза Кудрявцев. Он из лесосеки приехал около трёх часов. Пока к нему толкатель подъехал, пока разгружался, может и больше получаса времени прошло. Во всяком случае, не до 15 часов всё случилось, а позднее, то есть не в рабочее время.

- С Кудрявцевым я побеседую сам, возьму с него подробную объяснительную, а ты, Виктор Сергеевич, в табеле за субботу поставь всем по два часа. В общем перепиши табель заново, чтобы никаких помарок не было. И возьми объяснительные со всех членов бригады, почему они отказались идти на раскряжёвку хлыстов. Сам напишешь докладную на имя начальника, с ходатайством о их наказании за невыполнение твоего распоряжения. Сроку тебе два часа, ибо все документы по этому случаю должны быть у меня к двадцати ноль-ноль - буду докладывать директору.

- Вроде бы сделал всё как надо, - размышлял Николай Викторович, - есть, конечно, слабые места в этом деле, но, полагаю, техинспекции придраться-то в общем будет не к чему. Хотя как знать, как знать. Они на то и поставлены, чтобы копать и копать, копать и что-нибудь находить. И всё-таки интуиция подсказывает - всё будет нормально.

И участковому я доложил, что случай произошёл в нерабочее время. Придётся ему свои протокола переписывать заново.

Телефонный разговор Варламцева с директором длился почти полчаса. Заключительные слова Барышева: «Можете выезжать обратно» - послужили и как бы удовлетворением за

хорошо исполненное дело и благодарностью за спасение главного инженера.

В положительном результате завтрашнего разговора директора с обкомом профсоюза Николай Викторович уже не сомневался. Для него это дело было уже замётано. Конечно, после сообщения Барышева, технические инспекторы соберутся вместе, обсудят всё до мелочей, «обсосут», как у них говорится, все нюансы, и часика через два вынесут свой вердикт председателю обкома профсоюза. А тот, в свою очередь, вызовет по «релейке» директора и сообщит: «Технический инспектор не приедет, случай не связан с производством».

Три мгновения предвесенья

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса.
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч,
И первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.
А.С.Пушкин.

На то он и Александр Сергеевич, знаменитый, но во многом и противоречивый наш поэт. Как, например, можно любить смерть, и не любить рождение? А ведь осень и весна обычно ассоциируются с этими терминами-понятиями. Я - обычный русский человек-северянин, и мне, как большинству из нас, россиян из северных регионов, ближе и дороже именно весна. Лично мне, она милей всех остальных времён года. Ведь это период пробуждения природы после долгой

осенне-зимней спячки, длящейся у нас, в северных краях, практически полгода. Весна - это и выход из долгого-долгого сна, а где-то и начало новой жизни. Люблю весну очень-очень. Но, всё же, в течение длительного зимнего периода, я жду не столько саму весну, сколько первые три её проявления, случающиеся в феврале-марте, ещё как бы в календарный зимний период.

1. Обычно в начале февраля (нынче 1.2.2017г.) появляется первый мимолётный признак прихода весны. Что удивительно даже для себя самого, я его улавливаю практически каждый год моего никольского (после учёбы) периода жизни. Длится он недолго, всего 2-4 часа, редко полдня. И этот момент - своего рода разведчик весны. Покажется неожиданно солнце из-за облаков, лучики его тёплые-тёплые. А в закутке, с южной стороны, «выплаваются» на заборе или поленьях первые капли воды, сливаясь образуют небольшие подтёки, медленно ползущие вниз по торцам дровишек, сложенных в поленницу, или по штакетнику. О сосульках ещё и речи нет, их время не настало. А воздух в этот период прозрачный, настоящий на чём-то непонятном, но приятно бодрящем, волнующем, по всем неуловимым признакам, на чём-то весеннем. Дышится легко, а настроение улучшается, прёт, как говорится, в гору. Но, где-то в послеобеденный период этот «разведчик» исчезает неведомо куда, растворяется в чём-то, а в свои права вновь вступает зима. Да, это было всего лишь мгновение весны, показалось и исчезло, зато на душе - огромнейшая радость.

Позднее «разведчик» появляется всё чаще и чаще, и признаки весны становятся всё отчётливей и отчётливей. Но для меня особенно дорог его первый визит. И я каждый год стараюсь не прозевать его.

2. Синички. Люблю я их, этих желтогрудых пичужек-простушек, не покидающих нас никогда, а в зимний суровый период, держащихся поближе к человеческому жилью, в поисках корма. В этот период они становятся наиболее

доверчивыми к нам, нередко осмеливаются садиться даже на протянутую с кормом ладонь. Приход весны или первоначальные её признаки встречают, приветствуют и фиксируют именно они. Как же я жду первого их скромного ещё пока «теньканья»!

Ночной приморозок с первыми утренними лучами солнца смягчается, воздух мало по малу постепенно прогревается. Выходишь ранёхонько на улицу и ждёшь синичкиных сигналов-призывов: «пинь-пинь» или «тинь-тинь», а может и «тень-тень». И как бы ты не напрягал свой слух, прозвучит её стартовый аккорд совершенно неожиданно.

- Пинь-пинь, - доносится с высокого тополя или берёзы, - пинь-пинь. Задираю голову, ищу певца-солиста среди голых веток на самой верхушке. Да вот же она, моя пташечка, сидит на ветке, не шевелится и только изредка подаёт свои позывные. И вместе с этим невзрачным синичкиным пением поёт-благоухает и твоя душа. А завтра - снова, послезавтра - тоже. И в последующие дни, если не сменится погода, балдеешь-кайфуешь от незамысловатых трелей. Настроение улучшается, всё плохое уходит на задний план, а то и совсем забывается-исчезает. Чувствуется прилив сил. И хочется жить долго-долго.

3. И, наконец, третье мгновение. Выходишь утром на улицу. Вроде бы со вчерашнего дня ничего не произошло в матушке-природе. Потихонечку-полегонечку пригревает солнышко, щебечут-суеются пичужки. Изредка, под тёплыми лучами небесного светила, нет-нет, да и проявит себя ещё ночным холодком ветерок. Но чисто интуитивно чувствуешь, какие-то изменения всё же случились. Что-то всё-таки свершилось.

Ба! Да это же ещё вчера стоявшие одетыми в серо-чёрное деревья, сегодня слегка посвежели от незначительных, чуть различимых налётов зелени. Да-да, проклюнулись слегка почки на ветках, выглядывают из них, словно осматриваясь, будущие листочки. И эта, бледненькая ещё зелень уже заметно меняет облик окружающего мира. Пройдут ещё день-

другой и можно будет приветствовать окончательный приход весны.

Конечно, впереди ещё, возможно, будут и запоздалые метель-пурга, и похолодания, и снежные заносы - последние потуги зимы, и неизбежная при сих обстоятельствах тягучая слякоть, но листочки-то уже начинают жить, несмотря ни на какие природные коллизии.

Ох! Хорошо-то как! А главное - жизнь продолжается, делая очередной свой виток!